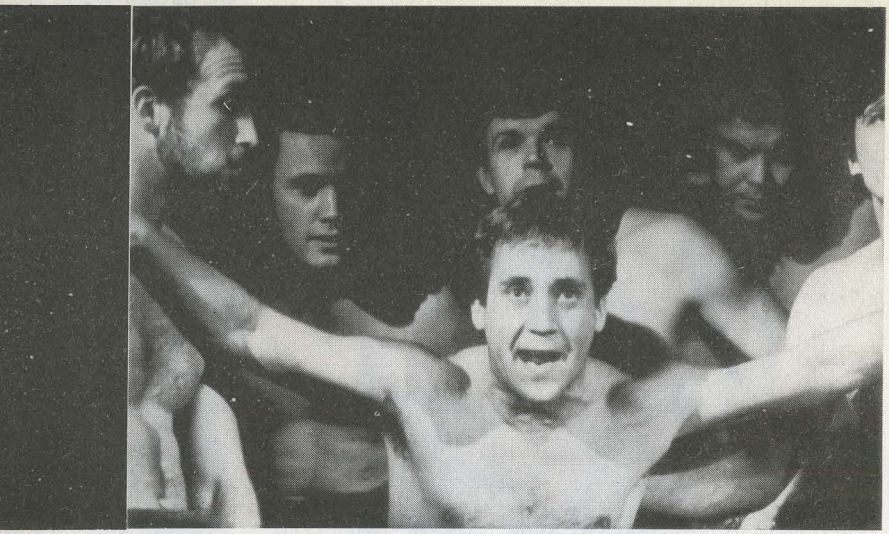
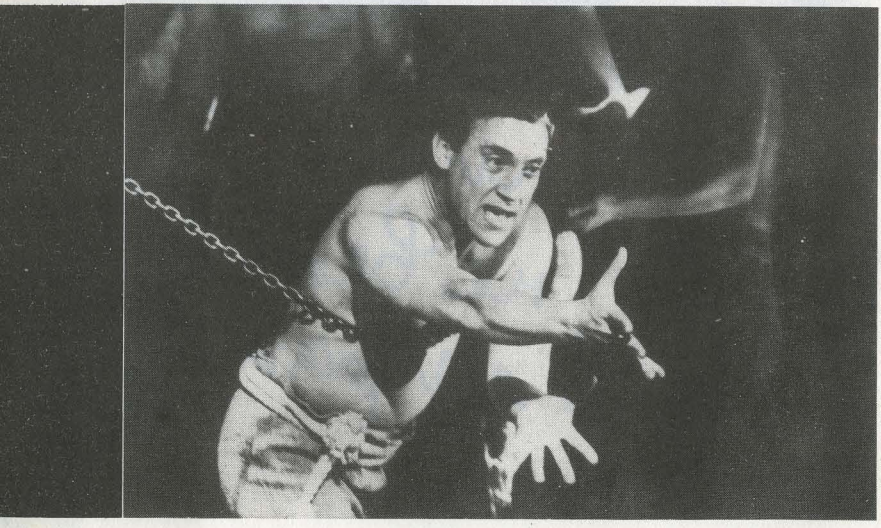
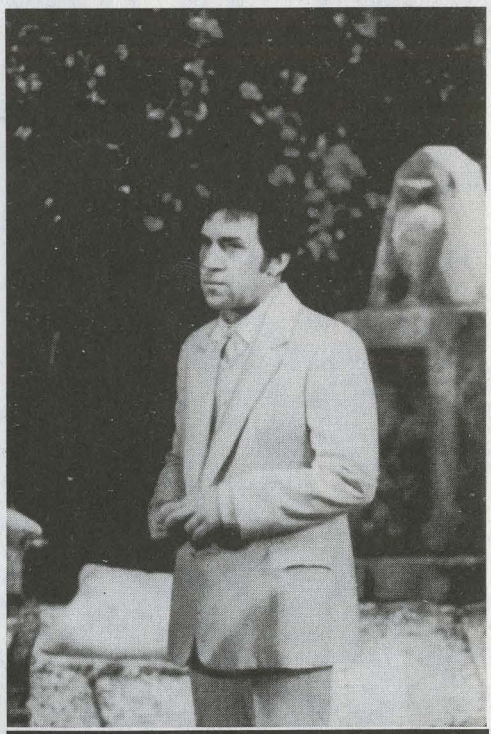
ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

К 60-летию
со дня рождения
Владимира Высоцкого

Я никогда не верил в миражи







Владимир Высоцкий

Собрание сочинений в четырех книгах

книга

Я НИКОГДА НЕ ВЕРИЛ В МИРАЖИ

ББК Р2
В 98

Составитель *СЕРГЕЙ ЖИЛЬЦОВ*

Высоцкий В. С.
В 98 Собрание сочинений в 4-х книгах. Книга четвертая. Я никогда не верил в миражи. М.: Изд-во «Надежда-1», 1997. — 608 с.

Перед вами четвертая книга нового, оригинального четырехтомного наиболее полного собрания сочинений Владимира Высоцкого, в которое вошли все известные и менее известные произведения автора, а также отрывки, наброски, многочисленные варианты текстов. Данное издание, безусловно, заинтересует и начинающего читателя, и профессионала, занимающегося изучением творчества выдающегося поэта нашего времени.

В четвертую книгу В. Высоцкого «Я никогда не верил в миражи» вошли кадры из кинофильмов с участием Владимира Семеновича, а также фотографии, зачастую уникальные, сделанные на съемочных площадках и запечатлевшие моменты жизни замечательного актера, поэта, певца.

В $\frac{4702010200 - 045}{В72(03) - 97}$

© Высоцкая Н. М., Высоцкий С. В., Высоцкий А. В., Высоцкий Н. В., Марина Влади де Полякофф, 1997
© Состав, оформление. Изд-во «Надежда-1»

ISBN 86-150-045-7

ДНЕВНИКИ

ДНЕВНИКИ

1

(дневниковая запись, переходящая в прозаический набросок)

Человек точнее, чем любой будильник! Если скажешь себе: надо встать в 7 ч. 10 м. — встанешь в 7 ч. 10 м.

Я проснулся, как от удара — на часах 7 ч. 10 м. А просыпаться не хочется, потому что чувствуешь, что сейчас вспомнишь что-то, что вчера сделал что-то, от чего станет невыносимо стыдно. И гонишь от себя пробуждение. Во сне, хоть и страшно, хоть и стыдно, но ведь — проснешься, и все в порядке! .....

<конец 1963 года>

2

У меня очень много друзей. Меня Бог наградил. Одни пьют и мне не дают, другие не пьют, но на меня не пеняют. Все друзья на одно лицо, — не потому, что похожи, а потому, что друзья. И я без них сдохну, это точно. Больше всего боюсь кого-то из них разочаровать. Это-то и держит все время в нерве и на сцене и в песнях и в бахвальстве моем.

<осень 1967 года>

3

(тетрадь «Novoexport» — дорожный дневник)

*

Виза в посольстве ФРГ.

Дежурный взял мой паспорт, а потом чужие, которые

положил поверх моего, потом пришел человек из консульского отдела и взял мой паспорт из-под низа и вызвал меня первым, — немецкий порядок.

Немцы на дороге взяли нас <на> прицеп, трос оборвался, но они, проехав еще километр, вернулись и принесли мне обрывок троса — немецкая сверхчестность. Одному из них — молодому я дал свою куртку, еще когда он осматривал наш мотор, просто взял да накинул ему на плечи, не обращая внимания на его «найн». Он был поражен.

Мы остановились в темноте, без света, с заглохшим мотором, на иностранной машине, не доехав 200 км до Бреста.

Грязь, слякоть, проносились грузовики, я поехал за помощью, Маринка осталась.

Я попал с каким-то любезным владельцем «Москвича», разбудившим свою маленькую дочку, чтобы дать мне место, попал по его указке на автобусную базу, представился дежурному.

Пошли по щиколотки в грязи, во тьме, между автобусами искать трезвого шофера, кончившего смену.

Шофера стояли у окошка сдавать дневную выручку — 7—8 руб., уже все выпивши, один шатался и бессвязно бормотал.

Другой вспомнил, что лучший электрик Болтичко Иван Данилович — третий дом от станции техобслуживания. Поехал со мной и подъехавшим кстати Петей — трезвым шофером — до Ивана. Ивана не было, он где-то пил, пятница ведь, а завтра охота — нужно ловить с утра. Петя меня знал, но был сдержан, деловит и расположен. Я совался всюду со своей фамилией, но они и так помогли бы, хотя Петя, нас отбуксировав, денег не взял, сказав «Если узнают, что я с вами был, да еще гроши брал...»

Маринка соорудила из двух колес и серебряной облатки знак "Осторожно", сидела, запершись в машине, мерзла, пугалась, но не злилась и не привередничала.

Спали в гостинице.

Одна администраторша чуть позавидовала нашему путешествию, но не злобно, а другая, помладше рангом и летами, да деловитостью постарше и поопытней, посоветовала номер дать.

Ночью Маринка чуть выпила с устатку водочки, чтобы не простыть, а водочку мы добыли с Петей, который подкинул меня до ресторана и обратно (это после дня езды на работе). А потом легли и т.д.

То друзей моих пробуют на зуб,
То цепляют меня на крючок.

Рифму найду, а дальше пойдет — придумаю.

* *

Утро! Ничего не ясно. Встал. Поел. Пошел. Чувство было такое, что все равно ведь поедем, что-нибудь да придумаем. Подошел к горкому — суббота. Никого и вдруг «Москвич», а в нем человек: «Я, — говорю, — такой-то. Из Москвы. Сломались мы. Что делать?» «Вам, — говорит, — повезло, только наша база и работает».

Поехали. Он оказался каким-то у них начальником, дал трос, приказал шоферу, подцепили, привезли.

Долго не верили они, что я тот самый, а я назойливо им фамилию называл. Поверили. Шофер хихикал и застенчиво глядел.

Хлопотали возле мотора, заряжали аккумулятор.

Аккумуляторщик — бывший шофер, простудил артерии на ногах, больше шоферить не может. Надеется на минскую медицину. Звать Жора. Благожелательный, добрый. Другие тоже, копались в моем реле, ничего не понимали, экспериментировали с проводами и отверткой, да так все и оставили.

Уехали мы и через знакомых таможенников проскочили без проверок и приехали в Варшаву.

У Вайды на спектакле-премьере был я один. Это «Дело Дантона». Пьеса какой-то полячки, умершей уже. Рука у

нее, как у драматурга, мужская. Все понял я, хотя и по-польски. Актер — Робеспьера играл. Здорово и расчетливо. Другие похуже. Режиссура вся рассчитана на актеров и идею, без образного решения сценического. Но все ритмично и внятно.

Хорошо бреют шеи приговоренным к гильотине. Уже и казнь показывать не надо, уже острие было на шее.

Потом дома пел. Был Даниэль и Моника — разломавшаяся «пара», как говорит Маринка. Были гости — монстры из «8 1/2» Феллини. Спали в хорошей комнате, где работает «maitre».

* * *

Утром уехали. Поляки, к сожалению, немецких машин не чинят. Поехали на одном аккумуляторе, т.е. нервничали всю дорогу, однако дотянули до Западного Берлина. Любезный немец выпускал нас из ГДР — в этот любимый и ненавистный для демократических Зап<адный> Берлин. Пограничники ФРГ — просто машут рукой, даже не проверяя паспортов — зачем?

Устроились в маленьком пансионате «Антика». 30 марок — ночь. Пошли есть — ели нечто выдающееся. Берлинский какой-то гигантский кусок — целую ногу с костью от свиньи, т.е. вареный окорок. Весь съесть невозможно — мы съели. Потом погуляли: город богатый и американизированный — ритм высокий, цены тоже, и все есть на тротуарах — стеклянные витрины-тумбы, там лежит черта в ступе. Никто не бьет стекла и не ворует. Цент<ральная> улица — Курфюрстенштрассе — вся в неоне, кабаках, магазинах, автомобилях. Вдруг ощутил себя зажатым, говорил тихо, ступал неуверенно, т.е. пожух совсем. Стеснялся говорить по-русски — это чувство гадкое, лучше, я думаю, быть в положении оккупационного солдата, чем туристом одной из победивших держав в гостях у побежденной.

Даже Марине сказал, ей моя зажатость передалась. Бодрился я, ругался, угрожал устроить Сталинград, кри-

чал (но для двоих) «суки-немцы» и т.д. Однако я их стесняюсь, что ли? Словом — не по себе, неловко и досадно. И еще ореол скандальности и нервности над городом. И есть какое-то напряжение у всех, кроме Зап<адных> Берлинцев.

Смотрели кино французское: «Эммануэла». Там есть все, что касается секса женского. Трахают ее везде, все и помногу. Мужики, бабы, аборигены, в самолете, на природе, дома, она тоже не отстает и ударяется в лесбос.

Пошли спать.

* * * *

Утром делали машину. Не мы, конечно, а в гараже BMW. Пока мы гуляли — несколько картинок: мусор на тележке был уложен камушек на камушек, соринка к соринке. Хотели мы купить что-нибудь на память и для дома, но когда пришли, то всего было так много, что расстроились мы и ничего не купили, только прицениились для порядка и без надобности. Ели много раз немецкие специальные сосиски с горчицей и еще что-то, чего названия не помню, но вкусно и много. Поехали, заплатив и поохав на цену. В машине почему-то было веселее, может быть оттого, что здесь мы были все-таки на своей территории франко-русской. Завертелись строчки и рифмы:

пассатижи — Парижи
обглоданы — Лондоны

Однако, Ваня, мы в Париже
Нужны, как в бане — пассатижи.

Хотя в бане — пассатижи — нужней.

* * * * *

Дороооги в ФРГ — это что-то особенного, о чем даже и писать не надо. Маринка шпарит по-немецки, как я на английской абракадабре. Объяснили нам, что мы проехали

поворот на какой-то Кассель, а Кассель — это как раз перед Карлсруе, а Карлсруе — тьфу, и не выговоришь — перед Страсбургом, а нам туда и надо.

«Давай-ка остановимся спать!» Кто это предложил — не помню, но оба согласились и остались в маленьком Карлсруйском домике-отеле, где у хозяев три пуделя — два умных, один глухой. Хозяева в прошлом, должно быть, имели бурный роман, но теперь этот Ганс или Фриц, а может быть, и Зигфрид постарел, а Гретхен или Брунгильда обрюзгла, но бюст сохранила и поддерживает. Я в ванной мылся за десять дойче марок. Не стоит ванна таких денег — нормальная ванна с гор<ячей> и хол<одной> водой, только почище наших будет гостиничных ванн, да побольше.

Спали, однако, как дома, но с кошмарами. Маринка уже которую ночь во сне давила на тормоз и вертела руль, а я ей советы давал и дорогу указывал. Она не возражала, потому что спала.

Встал, позавтракали бесплатно, как у них у всех западных принято, да поехали.

На границе, в Страсбурге, нас не осматривали, а наоборот — пропустили, только спросили по-французски — хотите что-то объявить из контрабанды. Мы не захотели — они не настаивали.

Страсбург — это город. Его немцы всегда себе хотели, но никогда не получили, французы его любили и берегли. Еще бы — там еда хорошая и готический собор в мире известный, и магазины, а в них что угодно. Мы пепельницу купили — на память — дешевую. Продавщица мерсикала и хотела нам добра. Ели шукрут. Отравились, но городок красивый, да и не городок он вовсе, а город. Пошли на почту звонить, что, мол, мы тут уже, во Франции, что скоро, мол, уже и дома будем, — в Мэзон то есть Ляфитте.

Дамочка-телефонистка третировала какую-то непонятливую девушку, та все что-то меняла, что-то не так набирала и мешала дамочке спокойно жить. А дамочка — бровки подбритые, тон на личике, прическа короткая,

глазки порочные — хотела и любезничала с молоденьким таким, смазливеньким таким французиком, а девушка мешала, ну, и та ее убивала взглядами и презрением. Мы в игре не участвовали, а позвонили да ушли.

Дорога национальная №4 — узкая, но ровная, дождь над Францией весь день, грузовики с дороги сбивают, а мы себе едем и беседуем или молчим, это когда каждый думает, что его ждет. но нам и молчать хорошо, потому что ведь едем мы вместе и машина, слава богу, обещает довезти до места.

В Париж въехали неожиданно спокойно, как и положено Марине в который, а мне в третий все-таки раз. Просекли город насквозь и сразу — в магазин, к итальянцам, за едой. Это — Марина, а я бороду отпускать решил, небрит был и противен и в магазин не пошел.

Дома разгружались, ели, звонили. Было уютно, тепло, но нервно. Пришли Миша и Милка, и окунулись все в проблемы детей, которые томятся в Шарантоне и не знают за что, а родители-то их сами туда посадили, иначе бы они сбежали под кайфом куда-нибудь и померли бы где-нибудь или, еще хуже, в преступники бы вышли.

Я Игоря не видел два года, после того как поверил ему и убедил Марину отпустить его на природу, уж очень они рвались с другом на природу, как Лев Толстой почти, да и не он один. Что из этого вышло — понятно. Природа их не приняла, испугала и отторгла, и заменили ее ребята марихуаной да ЛСД.

На том до сих пор и стоят, хотя воды много утекло и нервов родительских истончилось.

И Испания была, и Англия, и Франция, и у отца одинмесяц, а воз и ныне там. Спасать надо парня, а он не хочет, чтобы его спасали, — вот она и проблема, очень похожа на то, что и у меня. Хочу пить и не мешайте. Сдохну — мое дело и т.д. — очень примитивно, да и у Игоря не сложнее. А у Александра то же, но хуже для него, а для родителей

чуть проще, можно и пригрозить — он под надзором. Вот как...

Сейчас они там видятся даже, что я считаю большим врачебным идиотизмом. Однако... завтра увидим.

Я наладил аппаратуру. Музыка играет, жизнь идет. До утра — а там увидим.

* * * * * *

Поехали в больницу. Похоже на наши дурдома, только вот почище, и все обитатели — вроде действительно больные. Ко мне разбежался кретин в щетине и потребовал закурить. Я дал. Врачи разговаривали часа три.

Главный мне не приглянулся. Марину перебивал и даже уязвлял несколько. Она для него из другого мира, где слава, деньги, весь мир и, конечно, эгоизм и полное равнодушие к судьбе детей вообще и своего, в частности. А она еще в истерике не билась, говорила разумно и сдержанно.

А им откуда знать то, что у нее внутри, тем более, им надо причину болезни установить, и проще всего найти ее в матери и отце, что <лихо> обижали детю, тепла ему не давали, притесняли всячески и издевались над ним.

У них практики нет — общаться с молодыми наркоманами, да еще из творческой интеллигенции. Однако врач все-таки человек культурный и не хулиганил, и открыто не обижал, меня слушал.

Я вякал вещи верные, и показалось мне, что все очень ясно.

Все хотят своего — покоя.

Врачи — избавлением от беспокойного пациента. Покой.

Игорь — избавлением от всех, чтобы продолжать начатое большое дело. Покой.

Родители, чтобы больше не страдать. Покой.

Я — чтобы мне было лучше.

Все — своего и по-своему, потому общего решения найти почти нельзя.

План таков, вернее варианты:

1) отца уговорить взять Игоря;
2) взять его к нам;
3) уговорить все же долечиться.
Разделить их и т.д.

Увидели Игоря. Он сидел и что-то калякал, даже не встал. Под лекарствами он — бледный и безучастный, глаз — остановлен, все время на грани слез. Я даже испугался, увидев. Говорили с ним.

Он хочет в Африку, хочет жить у нас, с Александром обязательно, хочет работать, чтобы потом в Африку, все хочет сейчас же и ничего не хочет в то же время. Я пока не могу это описать, и как мать это выдержала, и выдерживала, и будет выдерживать — не понимаю. Но положение безвыходное. Созерцать, как парень гибнет, ведь нельзя. А он-то хочет гибнуть. Вот в чем вопрос. Ушли. И весь остаток дня прожили в печали, ужасе и страхе.

Звонил К.В. Позвали его и друга с женой к Жану, где живет Алеша Дмитриевич. Ели там. В маленьком кафе возле театра много вкусного. Алеша песни пел, я тоже. Костя говорил тосты, пьянел и был счастлив, хвастался большой поэтической и политической эрудицией, намекал на близкие отношения с Мариной, словом выебывался, но симпатично, я ему потакал. Он ловко подводил свою речь к цитатам из стихов и называл Пастернака Борей (как Ильича назвать Вовчик), друг его и жена балдели от нашествия знаменитостей и от гордости за высокопоставленного своего друга.

Маринка держалась отлично, а я тоже хорошо. Отвезли Константина домой в отель. Завтра он гос<ударственные> дела будет заканчивать, ему спать надо, а нам необходимо. И завтра много звонков и дел дома, надо мне раб<очее> место устроить. Я ведь работать буду, хочу, намереваюсь. Поглядим, что будет.

* * * * * * *

Целый день разбирали хлам: почту, журналы старые, уже негодные диски и всякое-разное. Сделали мне рабочее место, установили систему, стало чище и просторней.

У Марины почта колоссальная. В основном все просят деньги: налоги, страховки, помощь, штрафы, гонорары адвокатам, которые что<-то> там писали, отписывались, атаковали, защищались от Турнье и его адвокатов, которые делали то же, только им платит Турнье. Звонки были от журналистов, чтобы делать фото для тележурналов.

Я чихал во время уборки и таскал хлам вниз. Все пошли за едой и за всякой всячиной. Это здесь быстро и время не берет. Только все-таки досадно, что тут все, а у нас не всем, тут красиво и быстро, а у нас не так чтобы очень. Вернулись да легли, только посмотрели «Айседору» по-американски. Ее играет Ванесса Редгрейв — очень хорошо. Есть там изображение России 1921 г<ода> и Есенин, который говорит с английским акцентом, читает стихи, тоже с акцентом, водку пьет, дерется и изображает русского безумца. Революционные солдаты одеты в потертые дубленки и поют «Калинку» с акцентом. Она пляшет в каком-то зале, где висит все, что они знают из лозунгов: «Знание — сила». Плакат: «Убей немца». Портреты Ленина во всех ракурсах, и все красно от кумача. Господи, как противна эта клюква. Стыдно.

Но ведь мы-то, должно быть, про ***них*** *делаем — еще хуже.*

Утром поедем по делам, не по моим, конечно. Хотя и я зайду по поводу нашей машины и, может быть, поглазею на вуатюры, я их люблю.

Спокойной ночи.

Да! Я забыл, я ведь разговаривал с матерью — они там все перевезли. Все идет и без нас.

* * * * * * * *

Мы поехали в Париж. Марина — к парикмахеру, а в один час и <в час> тридцать у нее интервью и съемка, а я с двумя бутылками «Житно» (польской водки) к месье Жозефу.

Его на месте не было, и я как дурак пошел с водкой в консульство, где меня приняли как родного, а один человек, Миша, повез к себе обедать. Я только успел зайти во РНАК, где всем иностранцам скидка. На будущее надо знать.

Обедали у Миши, он вроде чуть левых взглядов, или хотел мне так показать, меня щупал, но я осторожничал, что-нибудь скажу эдакое, а потом сразу что-нибудь такое. Очень мы свободные люди со своими соотечественниками. У него жена беременная. Таня звать, простая такая девчушка из Коломны. Он тоже. Имеет некоторый опыт борьбы за жизнь, с завистью сталкивался, локтями шуровал, но больше не хочет. Хочет защититься, и в маленький город преподавать, чтобы спокойней, думаю, что заблуждается. Везде ведь то же, а на периферии — еще в более невыносимой форме. Гуляли мы с ним по Елисейским полям, у него кофе пили в маленькой квартирке-комнате, она здесь называется «студия». Это когда кухня прямо в комнате, поэтому, должно быть, наши мастерские тоже наз<ываются> студии.

Пешком прошелся, у всех жандармов, преимущественно негров, спрашивал, как пройти. Отвечали. Нашел дом Тани, дождался Марину, пришли репортеры, а тут и сама хозяйка приехала из Швейцарии, со съемок. А у Карла, старшего сына, вчера было двадцатилетие, собралось общество. Мы провели с ней агитацию, чтобы она не осталась у разбитого корыта, потому что после развода герцоги и графы, конечно, ее выкинут. Так, чтобы она ушла сама и в сильной позиции. Но она как будто ничего не слышит. А может, просто она что-то другое, кроме это-

го, жизнью и не считает, так тогда что мы ей голову крутим? Глупо.

Был потом ужин, все веселились, и Варавара с мужем — очень респектабельным молодым фининспектором — показывали слайды, мы даже удивились: у нее талант есть, это приятно обрадовало, что она не только красивая, но и еще что-то. Был, словом, пир во время чумы для взрослых и скучный, но нужный вечер для детей. Уехали домой и, конечно, дорогой обсуждали все.

Кертис, муж Бижи, объяснял мне ситуацию с «Континентом». Но это я позже сам узнаю. Слайды были о свадебном путешествии в Сицилию — в основном развалины древнего храма, где-то близ Сиракуз, колоннада, потом церковь с мозаикой, в пламени фотовспышки — золотая.

* * * * * * * * * *

Утром поехали в больницу, опять беседа с врачом по-французски, видели Александра, он сказал: «А! Ты пришла?! Извини меня за воровство, это была глупость!» Хороша глупость на 200 000 F. Почему-то мы всё стесняемся ему показать свое истинное отношение к этому делу, даже лобызаемся троекратно, как раньше. Может, нам его жаль, а, может, хотим благородство выказать. Игорь в этот раз лучше намного, ему снизили дозу транквилентов. Мерил штаны, говорил много, то разумного, то ерунды, все хочет жить вместе с Алексом: «Мы, мол, одно тело, одна душа».

Он, должно быть, из породы не вожаков, а самоотверженных приближенных, очень увлекается людьми и влюбляется, но, к сожалению, в тех, кто ему потакает.

Уехали мы все опять в полном отчаянье, говорили о том же и, конечно же, все не знали, что же будет дальше.

Дома глядели фильм дурацкий — «Человек, который стоит три миллиарда». Это такой электрический благородный супермен, который спасает мир. Потом был матч. Регби: Англия — Франция. Очень жестоко и интересно.

Французы выиграли. Маринка снова давала интервью и фотографировалась в уголочке.

Я лег спать и проспал до утра, а утром уехал к детям. Я себе мышцу простудил или нерв прищемил во сне, шею не повернуть. Глупо. Ойкал в машине при каждом толчке и божился больше никогда не спать. Володька обрадовался. Визжал и был похож на белокурого дьяволенка, но намерения имел благие — нам понравиться и быть пай-мальчиком. Это ему не удается. Петя — громадный. Смотрел ноты для поступления и играл на гитаре. Неплохо. Но, конечно, еще очень по-школьному. Говорили про его учебу у нас — ему и хочется и колется.

Я пока еще точного отношения к плану переезда в Москву не имею, но что-то у меня душа не лежит пока. Не знаю почему, может быть, потому, что никогда не жил так и потому внутри у меня ни да, ни нет. Но Марина очень хочет и решила. Ну что же, поглядим. Дети хорошие, а я привыкну, может быть.

Принял горячую ванну и натерли меня огненной мазью, я ее вытерпел минут десять и снял — щипет ужасно.

Да-а! Смотрели фильм «Голос бога» с Гарри Купером. Это про семью квакеров. Скучный, длинный, замечательный фильм, полный юмора и драматизма. Очень тонкая режиссура и игра. Очень добротно, по-американски. Фильм 50-х годов, но он вне времени. Проблемы вечные — жизнь ломает философию непротивления и пуританства. Натура человеческая берет верх.

Уснули как убитые и мы, и дети, которые очень счастливы, особенно Володька, который вертится и хохочет за пятерых.

* * * * * * * * * * *

Целый день ели, гуляли, ели, спали. Я мучился со спиной и вывернутой шеей, однако написал кое-что из баллад. Очень меня раздражает незнание языка. Я все время спрашиваю: Что? Что? И это раздражает окружающих. Мне

пишется трудно, и ангел спускается неохотно, и ощущение, что поймал за хвост, не приходит. Но все-таки вымучиваю, и в благодарность за работу мозг начинает шевелиться. Спали. Встали. Поели, я написал, пошли детям шмотки покупать, опять поели и поехали, взяв Петю. Володьке не сказали, он бы это воспринял как предательство.

Ехали хорошо и радовались, что убежали от снега и гололеда. Ели в какой-то по-ихнему придорожной забегаловке. Вроде нашего "Арагви", только побыстрее и посвежее. Привыкнуть к этому нельзя, как им невозможно, наверное, привыкнуть к нашему. Каждому свое. Цены — агромадные.

Я всю дорогу вертел строчки:

Вы были у Беллы

<...>

Препинаний и букв чародей

<...>

* * * * * * * * * * * *

Сколько же я пропустил! Целую неделю. А уже и Игорь несколько дней дома, и Петю вчера проводили, он два дня внизу на гитаре играл с кузеном. Игоря повидал и уехал с Гар де Лион, т.е. с Лионского вокзала. Вокзалы везде в мире одинаковы — большие и грязные и напоминают, что все непостоянно: и место, и время, и люди. Накануне смотрели кино «Фантом де Парадис». Гипертрофированная история доктора Фауста — мюзикл с прекрасной музыкой и фантастическими съемками. Фильм получил «Гран при» за лучший фантастический фильм. Вообще кино смотрим.

«Кровь для Дракулы» про вампиров. Много здорового и нездорового секса, и бедный старый Дракула волосы подмазал, чтобы соблазнять невинных девочек, а их уже и нет,

он кровь-то все-таки посасывает, но потом блюет ужасно, потому что девочек уже испортил садовник, а девочки — аристократки и развратны поэтому. Кроме двух, но молодую vierge (новое слово, означает девственность) садовник все-таки успел лишить невинности, прямо стоя у стены, и мама их застала, а Дракула пьет кровь на полу. Но старую деву он все-таки высосал, и когда его садовник изрубил на куски и вбил кол в него, эта дева умирает вместе с Дракулой, предварительно поорав. Хорошо, что умер Дракула — уж очень он мучился и бился в припадках от недостатка невинной крови.

Еще глядели «Мякоть хризантемы» с Рамплинг, английской актрисой, хорошей. Там много смертей и сумасшествий, но сделано неплохо.

Отец Игоря принял, обещал помочь и помогает, но он вчера подкурил малость, мерзавец, а в гостях у Бориса выпил водочки и стал спать.

Борис позвал говорящих по-русски, и я говорил. Слушал его новую пластинку, где он поет, Марина текст читает. Это история его, Бориса, в поэзии — довольно странная, но красивая. Ели вкусно, я попел, все придумывали, как бы перевести. В один голос сказали — это невозможно.

Еще были дела автомобильные, купили «кадиллак» — старый, шестьдесят седьмого года, но красивый. Купили больше из-за цены и для юмора.

Я послал три баллады Сергею и замучился с четвертой о любви. Сегодня, кажется, добил. Надо завершить Робин Гуда и начинать для Эдика — военные.

Пошел я с одним человеком, который приятель Бориса, на вручение премии А.Синявскому и всех их там увидел, чуть поговорил, представляли меня всяким типам. Не знаю, может, напрасно я туда зашел, а с другой стороны — хорошо. Хожу свободно и вовсе их не чураюсь, да и дел у меня с ними нет, я сам по себе, он тоже. А пообщаться интересно. Они люди талантливые и не оголтелые.

А ночью позвонил один тип, который уехал, — В.З.,

упрекал, что я его избегаю и т.д., задавал вопросы вроде: «Ты из повиновения вышел?» Я отвечаю: «Я в нем и не был», и т.д. Он, по-моему, записывал — хрен его знает. Хочет увидеться.

Занервничали мы. Как они все-таки, суки, оперативны. Сразу передали по телетайпу — мол, был на вручении премии.

Утром виделся с нашими. Мимоходом им сказал — реакция слабая. Они ведь теперь тоже либералы. Хотя — кто их знает.

Но ведь общаться-то с кем-то надо, а то веду полуживотное состояние, и думаю — зачем я здесь? Не пишется — или больше не могу, или разленился, или на чужой земле — чужое вдохновение для других, а ко мне не сходит?

А приеду домой — там буду отговариваться тем, что суета заела. Каждый день здесь работает телевизор, развращает, хотя ни хрена не понимаю. Маринка мечется между плитой, счетами и делами. Я — бездельничаю и сам не знаю, что хочу.

А тут к тому же случилась у нас утром кража, а может и не утром, в этом-то и дело, от лености мозги и наблюдательность притупились — и я, и Маринка не помним и не можем сократить период возможной кражи.

Либо это у Ольги, когда я пришел в пять часов и до шести часов тридцати минут, но я не помню — снимал ли я куртку в это время, когда ходил в «WC» — наверх. Если снимал — это могло случится там, потому что в четыре тридцать они еще были в кармане — я их ощущал, да и вынимал, а если это не так — значит уже ночью — дома. На Игоря трудно подумать. Может, кто-то случайно зашел в открытый дом и не удержался от искушения, а может быть, и вор. Но тогда почему он больше ничего не взял???

Влез только в сумку и в куртку. Денег забрал 2000 Fr. — в общем, много. Я расстроен жутко. Маринка чем-то отравилась, и рвало ее, да еще голова...

<20 января — конец февраля 1975 года>

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА

<24 июня 1968 года>
Москва, ЦК КПСС
отдел агитации и пропаганды
В.И.СТЕПАКОВУ

Уважаемый Владимир Ильич!

*За последнее время в нашей печати появились материалы, которые прямо или косвенно касаются моего творчества. Я имею в виду песни. 9 июня с.г. в газете «Советская Россия» напечатана статья, озаглавленная «О чем поет Высоцкий». Я не берусь спорить с авторами статьи об оценке **моих** песен. Это дело их вкуса, а также дело редакции. Тем более я не собираюсь оправдываться, ибо **мои** песни могут нравиться или не нравиться, как и любое другое произведение. Мне бы хотелось только указать на ряд, мягко говоря, неточностей. В статье указывается, что в «программной песне «Я — старый сказочник» — Высоцкий говорит: «Я не несу с собой ни зла, ни ласки, я сам себе рассказываю сказки», и далее говорится, что, дескать, как раз зла-то много». Может быть, это и так, но я не знаю этой песни, потому что она мне не принадлежит.*

Автор обвиняет меня в том, что я издеваюсь над завоеваниями нашего народа, иначе как расценить песню, поющуюся от имени технолога Петухова: «Зато мы делаем ракеты...» и т.д. Обвинение очень серьезно, но оно опять не по адресу, ибо и эта песня не моя. Обе эти песни я никогда не исполнял ни с эстрады, ни в компаниях.

В-третьих, авторами указывается, что у меня не нашлось слов, чтобы написать о героях войны, и я, будто бы, написал о штрафниках как о единственных защитниках Родины. Это — неправда. И прежде чем писать и печатать статью, авторы и редакция могли бы выяснить, что мною написано много песен о войне, о павших бойцах, о подводниках и летчиках. Песни эти звучали в фильмах, в спектаклях и исполнялись мною с эстрады.

*И, наконец, **мои** песни, к которым предъявляются претензии, написаны 6-7 лет назад и исполнялись в обществе моих друзей, как шутки. Последние годы я не пою этих песен. Мне кажется, что такая серьезная редакция, как «Советская Россия», должна была бы сначала проверить факты, а затем уже печатать материалы.*

*В статье от 31 мая с.г. в той же газете «Советская Россия» под заголовком «Если друг оказался вдруг» напечатана статья о молодежном клубе г.Куйбышева. Название статьи — это строка из моей песни «О друге». И опять авторы говорят о моем прошлогоднем выступлении в г.Куйбышеве, организованном клубом. Они пишут, что зрители пришли на 2 моих концерта не затем, чтобы послушать хорошие песни из фильма «Вертикаль» и других, которые я исполнял в концертах, а затем чтобы услышать песни, которые крутят на магнитофоне на пьянках и вечеринках. На обоих концертах было около 14 тысяч человек, а заявок около сорока тысяч. Так неужели же 40 тысяч человек пришли за **этими** песнями. Я видел в зале лица всех возрастов, разговаривал и с рабочими, и со студентами, и с пенсионерами — и все они пришли слушать именно те песни, которые я пел. Странное отношение у авторов к труженикам города Куйбышева.*

И, наконец, статья в газете «Комсомольская правда» от 16 июня с.г., где не упоминается моя фамилия, но упоминаются мои песни. Могу только сказать, что все песни, приведенные в этой статье, озаглавленной «Что за песней», написаны 7-8 лет назад. В статье говорится, что даже почитатели мои осудили эти песни. Ну что же, мне остается только радоваться, ибо я этих песен никогда не пел с эстрады и не пою даже друзьям уже несколько лет.

Во всех этих выступлениях сквозит одна мысль, что мои песни, повторяю — речь идет о старых, тысячекратно переписанных, исковерканных, старых записях, что эти песни вредны, особенно молодежи. Почему же ни в одной из статей не говорится о песнях последних 3-х лет? Я получаю огромное количество писем и абсолютно ответственно заявляю, что именно эти последние нравятся и полюбились молодежи.

И, наконец, почему во всех этих выступлениях говорится о магнитофонных записях? Я знаю сам очень много записей, которые приписываются мне и которые мне не принадлежат. Сам я записей не распространяю, не имею магнитофона, а следить за тем, чтобы они не расходились, у меня нет возможности. Мне кажется, что эти статьи создают нездоровый ажиотаж вокруг моей фамилии и в них подчас — тенденциозность и необъективность, а также частый вымысел. Убедительно прошу не оставить без ответа это письмо и дать мне возможность выступить на страницах печати.

В.Высоцкий

9 июня 1969 года
Москва, генералу КГБ
Светличному(?)

Уважаемые товарищи!

Я обращаюсь к вам, ибо в последнее время для меня и моей творческой работы сложилась неблагоприятная ситуация. Я имею в виду мои песни, а не работу в театре и кинематографе. К песням своим я отношусь столь же серьезно и ответственно, как и к своей работе в театре и кино. Любое творчество, а тем более песенное, требует аудитории — а ее-то я сейчас фактически лишен. Такая ситуация создалась в результате некоторых выступлений в печати. Например, газета «Советская Россия» опубликовала статью «О чем поет Высоцкий?», по поводу которой я обращался в отдел пропаганды ЦК КПСС, так как в статье имелись грубые ошибки, цитировались песни, мною не написанные, — и на них-то в основном строились обвинения в мой адрес, будто я «пою с чужого голоса».

После моего обращения в ЦК КПСС и беседы с товарищем Яковлевым, который выразил уверенность в том, что я напишу еще много хороших и нужных песен и принесу пользу этими песнями, в «Литературной газете» появилась небольшая заметка, осуждавшая тон статьи в «Советской России». Я продолжал работать, мной написано много песен к

кинофильмам и спектаклям, но всякий раз эти песни проходили с большим трудом — и отнюдь не потому, что редакторов смущало содержание или художественная сторона этих песен, а просто потому, что их автором являлся я. Такое отношение ко мне сложилось не только в результате статей, но и в значительной мере оттого, что большое распространение получили некоторые мои произведения, написанные мной 8-10 лет назад. На магнитофонных лентах в сотнях и тысячах экземплярах расходились и продолжают расходиться песни, о которых я сказал выше.

Свои ранние песни я исполнял в очень узком кругу и рассматривал их как поиски жанра и упрощенной формы. Их широкое распространение не соответствовало моим творческим задачам. Это были мои «лабораторные опыты». К сожалению, некоторые люди использовали их в каких-то неизвестных мне целях, и более того, до сих пор фабрикуются фальшивки и подделки «под Высоцкого». Мне довелось самому слышать эти подделки, сляпанные на крайне низком художественном уровне, убогие по содержанию и примитивные по форме, — «лишь бы хриплым голосом». Я категорически отказываюсь от участия в этих опусах. Мои ранние песни в течение последних лет не исполнялись мною даже в узком кругу. Поэтому я решил ознакомить вас с моим теперешним репертуаром. Это песни, написанные мной в последние годы. Часть из них исполнялась в кинофильмах и спектаклях, другие не исполнялись нигде, ибо у меня нет возможности выступать перед широкой аудиторией.

Я получаю большое количество писем от граждан различных возрастов и профессий, от рабочих, солдат, интеллигентов, моряков и даже от пенсионеров. И все эти люди спрашивают меня, где можно услышать мои песни, о моих творческих планах и о том, где можно было бы услышать мои песни в авторском исполнении. Писем этих очень много — и это позволяет мне думать, что мои песни нужны людям, что они приносят им радость. Но к сожалению, я почти никогда не могу ответить моим корреспондентам. Я даже не могу писать им, что мне запрещено петь, потому что никто официально не запрещал мне петь, ибо никто и не

разрешал. Вокруг меня образовался вакуум, и хотя есть доля справедливости в упреках, адресовавшихся мне, но тем не менее песни последних лет являются новым этапом в моем творчестве, с которым я и хотел бы ознакомить вас.

Если у вас, по ознакомлению, возникнут какие-либо вопросы, пожелания, замечания, я был бы рад встретиться с вами лично.

С уважением,

Владимир Высоцкий

Весна 1973 года
Москва, МГК КПСС, Отдел культуры
(фрагмент)

В феврале 1973 г. в Москве ко мне обратился директор Новокузнецкого драматического театра им. Орджоникидзе с предложением написать сценарий (песни, музыка, интермедии) для театра и приехать на несколько дней для выступлений в г. Новокузнецк.

Новокузнецкий театр попал в трудное положение из-за ухода трех ведущих актеров, и до ввода в строй новых спектаклей труппа встала на репетиционный период.

По положению актер театра имеет право работать по договору в других организациях с разрешения дирекции театра в свободное от театра время. На имя директора Театра на Таганке Н.Л.Дупака пришла телеграмма с просьбой разрешить мои выступления. Н.Л.Дупак ответил, что не возражает, если будет согласие Управления культуры, т.к. четыре дня я был свободен от работы в театре.

Согласие Кемеровского областного Управления культуры было получено, а также согласие областных и городских парторганизаций, и я провел за четыре дня 16 выступлений в помещении городского драматического театра в Новокузнецке. Также я выполнил все договорные обязательства — написал сценарий, который был принят Художественным советом Новокузнецкого театра им. Орджоникидзе. Расчеты со мной были произведены строго по договору. Количество

концертов не было оговорено заранее, но по приезде я узнал, что из-за большого количества желающих число их было увеличено. За мои выступления театр заработал около 50 тыс. руб. — это примерно два месячных плана.

...Это были не 16 выступлений за 4 дня, а 16 выступлений за несколько лет, ибо ни одна московская концертная организация за 9 лет ни разу не предложила мне участвовать в концертах. Если бы у меня было больше времени в Новокузнецке, я бы с радостью провел еще несколько выступлений для трудящихся города, видя такой прием и интерес. Кстати, между выступлениями я еще успел побывать на комбинате, провести встречи в редакции рабочей газеты...

Странно, что редакция газеты «Советская культура» «проверила факты» в Росконцерте. Это все равно, что наводить справки о Магомаеве в Союзе писателей. И очень досадно, что редакция не обратилась ни в Театр на Таганке, ни ко мне.

...Все без исключения пункты заметки, а особенно комментария редакции, не соответствуют истине. Кроме того, за последнее время мною сделаны большие работы в кино, о которых пресса почему-то умолчала, несмотря на то, что я играл центральные роли. А употреблять мое имя в непристойном контексте журналисты не стесняются, а, наоборот, крайне оперативны. Могу только сожалеть, что авторы комментария безнаказанны, и я не могу ответить на статью в печати и изложить все вышенаписанное мною публично...

Не пора ли концертным организациям и их руководителям решить наконец вопрос о моих выступлениях и дать мне возможность работать на эстраде со своими авторскими выступлениями, просмотрев и прослушав мой репертуар. И не отмахиваться, будто меня не существует, а когда выясняется, что я все-таки существую, не откликаться на это несостоятельными и часто лживыми обвинениями, каковыми являются основные положения вышеупомянутой статьи.

<Лето 1973 года>
Москва, ЦК КПСС
П.Н.Демичеву

Уважаемый Петр Нилович!

В последнее время я стал объектом недружелюбного внимания прессы и Министерства культуры РСФСР.

Девять лет я не могу пробиться к узаконенному официальному общению со слушателями моих песен. Все мои попытки решить это на уровне концертных организаций и Министерства культуры ни к чему не привели. Поэтому я обращаюсь к Вам, дело касается судьбы моего творчества, а значит, и моей судьбы.

Вы, вероятно, знаете, что в стране проще отыскать магнитофон, на котором звучат мои песни, чем тот, на котором их нет. Девять лет я прошу об одном: дать мне возможность живого общения со зрителями, отобрать песни для концерта, согласовать программу.

Почему я поставлен в положение, при котором мое граждански ответственное творчество поставлено в род самодеятельности? Я отвечаю за свое творчество перед страной, которая поет и слушает мои песни, несмотря на то, что их не пропагандируют ни радио, ни телевидение, ни концертные организации. Но я вижу, как одна недальновидная <...> осторожность работников культуры, обязанных непосредственно решать эти вопросы, прерывает все мои попытки к творческой работе в традиционных рамках исполнительской деятельности. Этим невольно провоцируется выброс большой порции магнитофонных подделок под меня, к тому же песни мои в конечном счете жизнеутверждающи и мне претит роль «мученика», эдакого «гонимого поэта», которую мне навязывают. Я отдаю себе отчет, что мое творчество достаточно непривычно, но так же трезво понимаю, что могу быть полезным инструментом в пропаганде идей, не только приемлемых, но и жизненно необходимых нашему обществу. Есть миллионы зрителей и слушателей, с которыми, убежден, я могу найти

контакт именно в своем жанре авторской песни, которым почти не занимаются другие художники.

Вот почему, получив впервые за несколько лет официальное предложение выступить перед трудящимися Кузбасса, я принял это предложение с радостью и могу сказать, что выложился на выступлениях без остатка. Концерты прошли с успехом. Рабочие в конце выступлений подарили мне специально отлитую из стали медаль в благодарность, партийные и советские руководители области благодарили меня за выступления, звали приехать вновь. Радостный вернулся в Москву, ибо в последнее время у меня была надежда, что моя деятельность будет наконец введена в официальное русло.

И вот незаслуженный плевок в лицо, оскорбительный комментарий к письму журналиста, организованный А.В.Романовым в газете «Советская культура», который может послужить сигналом к кампании против меня, как это уже бывало раньше.

В Городке космонавтов, в студенческих общежитиях, в Академ<городке> и в любом рабочем поселке Советского Союза звучат мои песни. Я хочу поставить свой талант на службу пропаганде идей нашего общества, имея такую популярность. Странно, что об этом забочусь один я. Это не простая проблема, но верно ли решать ее, пытаясь заткнуть мне рот или придумывая для меня публичные унижения?

Я хочу только одного — быть поэтом и артистом для народа, который я люблю, для людей, чью боль и радость я, кажется, в состоянии выразить, в согласии с идеями, которые организуют наше общество.

А то, что я не похож на других, в этом и есть, быть может, часть проблемы, требующей внимания и участия руководства.

Ваша помощь даст мне возможность приносить значительно больше пользы нашему обществу.

В.Высоцкий

“...стих пришел и замысел высок...”

* О ФАТАЛЬНЫХ ДАТАХ И ЦИФРАХ *

Моим друзьям поэтам

Кто кончил жизнь трагически — тот истинный поэт!
А если в точный срок — так в полной мере:
На цифре 26 один шагнул под пистолет,
Другой же — в петлю слазил в «Англетере».

А в тридцать три Христу... (Он был поэт, он говорил:
«Да не убий!» Убьешь — везде найду, мол.)
Но — гвозди ему в руки, чтоб чего не сотворил,
Чтоб не писал и чтобы меньше думал.

С меня при цифре 37 в момент слетает хмель.
Вот и сейчас — как холодом подуло:
Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль
И Маяковский лег виском на дуло.

Задержимся на цифре 37! Коварен Бог —
Ребром вопрос поставил: или — или!
На этом рубеже легли и Байрон, и Рембо,
А нынешние — как-то проскочили.

Дуэль не состоялась или перенесена,
А в тридцать три распяли, но не сильно.
А в тридцать семь не кровь — да что там кровь! — и седина
Испачкала виски не так обильно.

«Слабо стреляться?! В пятки, мол, давно, ушла душа!»
Терпенье, психопаты и кликуши!
Поэты ходят пятками по лезвию ножа
И режут в кровь свои босые души.

На слово «длинношеее» в конце пришлось три «е»,
Укоротить поэта! — вывод ясен,
И — нож в него, но счастлив он висеть на острие,
Зарезанный за то, что был опасен.

Жалею вас, приверженцы фатальных дат и цифр, —
Томитесь, как наложницы в гареме!
Срок жизни увеличился — и, может быть, концы
Поэтов отодвинулись на время.

<начало 1971>

◆ ◆ ◆

Вы были у Беллы?
Мы были у Беллы —
Убили у Беллы
День белый, день целый:
И пели мы Белле,
Молчали мы Белле,
Уйти не хотели
Как утром с постели.

И если вы слишком душой огрубели —
Идите смягчиться не к водке, а к Белле.
И если вам что-то под горло подкатит —
У Беллы и боли и нежности хватит.

<февраль 1975>

◆ ◆ ◆

Препинаний и букв чародей,
Лиходей непечатного слова
Трал украл для волшебного лова
Рифм и наоборотных идей.

Мы, неуклюжие, мы, горемычные,
Идём и падаем по всей России...
Придут другие, ещё лиричнее,
Но это будут — не мы — другие.

Автогонщик, бурлак и ковбой,
Презирающий гладь плоскогорий,
В мир реальнейших фантасмагорий
Первым в связке ведёшь за собой!

Стонешь ты эти горькие личные,
В мире лучшие строки! Какие? —
Придут другие, ещё лиричнее,
Но это будут — не мы — другие.

Пришли дотошные «немыдругие»,
Они — хорошие, стихи — плохие.

<февраль 1975>

* ПОСЕЩЕНИЕ МУЗЫ, *
ИЛИ
ПЕСЕНКА ПЛАГИАТОРА

Я щас взорвусь, как триста тонн тротила, —
Во мне заряд нетворческого зла:
Меня сегодня Муза посетила,
Немного посидела и ушла!

У ней имелись веские причины —
Я не имею права на нытьё:
Представьте, Муза... ночью... у мужчины!
Бог весть, что люди скажут про неё.

И все же мне досадно, одиноко:
Ведь эта Муза — люди подтвердят! —
Засиживалась сутками у Блока,
У Пушкина жила, не выходя.

Я бросился к столу — весь нетерпенье,
Но... Господи, помилуй и спаси! —
Она ушла, — исчезло вдохновенье
И — три рубля: должно быть, на такси.

Я в бешенстве мечусь, как зверь, по дому,
Но Бог с ней, с Музой, я ее простил, —
Она ушла к кому-нибудь другому,
Я, видно, ее плохо угостил.

Огромный торт, утыканный свечами,
Засох от горя, да и я иссяк.
С соседями я допил — сволочами—
Для Музы предназначенный коньяк.

...Ушли года, как люди в черном списке,
Всё в прошлом, я зеваю от тоски.

Она ушла безмолвно, по-английски,
Но от неё остались две строки.

Вот две строки — я гений, прочь сомненья,
Даёшь восторги, лавры и цветы:
«Я помню это чудное мгновенье,
Когда передо мной явилась ты»!

<начало 1970>

❖ ❖ ❖

И не пишется, и не поётся,
Струны рву каждый раз, как начну.
Ну а если струна оборвётся —
Заменяешь другою струну.

И пока привыкнешь к новой,
Иссекаешь пальцы в кровь,
Не звучит аккорд басовый,
Недостаточно верхов.

Но остались чары —
Брежу наяву,
Разобью гитару,
Струны оборву,

Не жалею глотки
И иду на крест —
Выпью бочку водки
За один присест.

<1974—1975>

◆ ◆ ◆

Не могу ни выпить, ни забыться.
Стих пришёл — и замысел высок.
Не мешайте, дайте углубиться!
Отрешиться дайте на часок.

<1974—1975>

◆ А.КАЦАЮ ◆

Нет! Не за тем, что ощущаю лень я
А просто потому — кишка тонка,
Мне так и не придумать поздравленья
Дороже лауреатского значка.

<24 июля 1979>

* * *

Что-то ничего не пишется,
Что-то ничего не ладится,
Жду, а вдруг талант отыщется
Или нет, — какая разница!

<1966, весна>

✧ ✧ ✧

Сочиню сейчас такие вещи!
И ещё чего-нибудь похлеще.

<1969—1970>

“...я к микрофону встал, как к образам...”

* ПЕВЕЦ У МИКРОФОНА *

Я весь в свету, доступен всем глазам, —
Я приступил к привычной процедуре:
Я к микрофону встал, как к образам...
Нет-нет, сегодня точно — к амбразуре.

И микрофону я не по нутру —
Да, голос мой любому опостылит!
Уверен, если где-то я совру —
Он ложь мою безжалостно усилит.

Бьют лучи от рампы мне под рёбра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!

Сегодня я особенно хриплю,
Но изменить тональность не рискую.
Ведь если я душою покривлю —
Он ни за что не выпрямит кривую.

Он, бестия, потоньше острия —
Слух безотказен, слышит фальшь до йоты.
Ему плевать, что не в ударе я, —
Но пусть я верно выпеваю ноты.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!

На шее гибкой этот микрофон
Своей змеиной головою вертит.
Лишь только замолчу — ужалит он!
Я должен петь до одури, до смерти.

Не шевелись, не двигайся, не смей!
Я видел жало — ты змея, я знаю!
А я сегодня заклинатель змей:
Я не пою — я кобру заклинаю!

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!

Прожорлив он, и с жадностью птенца
Он изо рта выхватывает звуки.
Он в лоб мне влепит девять грамм свинца.
Рук не поднять — гитара вяжет руки!

Опять!.. Не будет этому конца!
Что есть мой микрофон — кто мне ответит?
Теперь он — как лампада у лица,
Но я не свят, и микрофон не светит.

Мелодии мои попроще гамм,
Но лишь сбиваюсь с искреннего тона —
Мне сразу больно хлещет по щекам
Недвижимая тень от микрофона.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!

<до осени 1971>

* ПЕСНЯ МИКРОФОНА *

Я оглох от ударов ладоней,
Я ослеп от улыбок певиц.
Сколько лет я страдал от симфоний,
Потакал подражателям птиц!

Сквозь меня многократно просеясь,
Чистый звук в ваши души летел.
Стоп! Вот — тот, на кого я надеюсь,
Для кого я все муки стерпел.

Сколько раз в меня шептали про луну,
Кто-то весело орал про тишину,
На пиле один играл — шею спиливал,
А я усиливал, усиливал, усиливал...

На низах его голос утробен,
На верхах он подобен ножу, —
Он покажет, на что он способен,
Но и я кое-что покажу!

Он поёт, задыхаясь, с натугой —
Он ослаб, как солдат на плацу.
Я тянусь своей шеей упругой
К золотому от пота лицу.

Сколько раз в меня шептали про луну,
Кто-то весело орал про тишину,
На пиле один играл — шею спиливал,
А я усиливал, усиливал, усиливал...

Только вдруг... Человече, опомнись!
Что поёшь?! Отдохни — ты устал.
Это патока, сладкая помесь...
Зал, скажи, чтобы он перестал!

Всё напрасно — чудес не бывает.
Я качаюсь, я еле стою.
Он бальзамом мне горечь вливает
В микрофонную глотку мою.

Сколько раз в меня шептали про луну,
Кто-то весело орал про тишину,
На пиле один играл — шею спиливал,
А я усиливал, усиливал, усиливал...

В чём угодно меня обвините,
Только против себя не попрешь.
По профессии я — усилитель.
Я страдал — но усиливал ложь.

Застонал я — динамики взвыли,
Он сдавил моё горло рукой.
Отвернули меня, умертвили —
Заменили меня на другой.

Тот, другой, — он всё стерпит и примет, —
Он навинчен на шею мою.
Нас всегда заменяют другими,
Чтобы мы не мешали вранью.

Мы в чехле очень тесно лежали:
Я, штатив и другой микрофон, —
И они мне, смеясь, рассказали,
Как он рад был, что я заменён.

<до осени 1971>

◆ <ЗАПИСЬ В КНИГЕ ПОЧЕТНЫХ ГОСТЕЙ ◆ КИЕВСКОГО ЗАВОДА ШАМПАНСКИХ ВИН>

Сегодня выступал. Один!
Нет, не один — вдвоём с гитарой!
Виват! Завод шампанских вин,
Я ваш навек — поклонник старый!

<13 сентября 1971>

◆<КЛУБУ «ВАМИТЯНЕ»> ◆

Клубу «Вамитяне»
Десять лет! Ей-ей,
Побывал, как в бане
В этот юбилей.

<25 ноября 1976>

❖ <ЗАПИСЬ В КНИГЕ ПОЧЕТНЫХ ❖ ГОСТЕЙ СЕВРОДОНЕЦКА>

Не чопорно и не по-светски —
По человечески меня
Встречали в Северодонецке
Семнадцать раз в четыре дня.

<25 января 1978>

* <НАДПИСЬ НА АФИШЕ * КЛУБУ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ>

Стих без гитары — акапелла
И мысль без соли не остра!
Пишу о том, что накипело,
А накипело: «Всем добра!»

<1978>

◆ <ЗАПИСЬ В КНИГЕ ПОЧЕТНЫХ ◆ ГОСТЕЙ ВНИИФТРИ>

Я здесь бы пел еще дня три —
Гостеприимен ваш ВНИИФТРИ.

<22 декабря 1978>

◆ ◆ ◆

Пародии делает он под тебя,
О будущем бредя, о прошлом скорбя,
Журит по хорошему, вроде, любя,
С улыбкой поёт непременно,
А кажется будто поет — под себя —
И делает — одновременно.

Про росы, про плёсы, про медкупоросы,
Там — осыпи, осы, мороз и торосы,
И сосны, и СОСы, и соски, и косы,
Усы, эскимосы и злостные боссы.

А в Подольске — раздолье:
Ив Монтан он — и только!
Есть ведь и горькая доля,
А есть и лимонная долька.

Тогда его зритель подольский
Возлюбит зимою и летом,
А вот полуостров наш Кольский
Весьма потеряет на этом.

Настолько он весь романтичный,
Что нечего и пародировать,
Но он мне в душе симпатичен,
[Я б смог] его перефразировать.

Нет свободной минуты и, кстати,
Спать не может <он> не от кошмаров,
Потому что он <всё> время тратит
На подсчёты моих гонораров.

<1978>

“...моя граница — занавес кулисы...”

◆ МОЙ ГАМЛЕТ ◆

Я только малость объясню в стихе,
На всё я не имею полномочий...
Я был зачат, как нужно, во грехе, —
В поту и в нервах первой брачной ночи.

Я знал, что, отрываясь от земли, —
Чем выше мы, тем жёстче и суровей.
Я шёл спокойно прямо в короли
И вёл себя наследным принцем крови.

Я знал — всё будет так, как я хочу.
Я не бывал внакладе и в уроне.
Мои друзья по школе и мечу
Служили мне, как их отцы — короне.

Не думал я над тем, что говорю,
И с лёгкостью слова бросал на ветер —
Мне верили и так, как главарю,
Все высокопоставленные дети.

Пугались нас ночные сторожа,
Как оспою, болело время нами.
Я спал на кожах, мясо ел с ножа
И злую лошадь мучал стременами.

Я знал, мне будет сказано: «Царуй!» —
Клеймо на лбу мне рок с рожденья выжег,
И я пьянел среди чеканных сбруй.
Был терпелив к насилью слов и книжек.

Я улыбаться мог одним лишь ртом,
А тайный взгляд, когда он зол и горек,
Умел скрывать, воспитанный шутом.
Шут мёртв теперь: «Аминь!». Бедняга! Йорик!

Но отказался я от дележа
Наград, добычи, славы, привилегий.
Вдруг стало жаль мне мертвого пажа...
Я объезжал зелёные побеги,

Я позабыл охотничий азарт,
Возненавидел и борзых, и гончих,
Я от подранка гнал коня назад
И плетью бил загонщиков и ловчих.

Я видел — наши игры с каждым днём
Всё больше походили на бесчинства.
В проточных водах по ночам, тайком
Я отмывался от дневного свинства.

Я прозревал, глупея с каждым днём,
Я прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век и люди в нём
Не нравились. И я зарылся в книги.

Мой мозг, до знаний жадный как паук,
Всё постигал: недвижность и движенье.
Но толка нет от мыслей и наук,
Когда повсюду им опроверженье.

С друзьями детства перетерлась нить, —
Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился над словами «быть, не быть»,
Как над неразрешимою дилеммой.

Но вечно, вечно плещет море бед.
В него мы стрелы мечем — в сито просо,
Отсеивая призрачный ответ
От вычурного этого вопроса.

Зов предков слыша сквозь затихший гул,
Пошёл на зов, — сомненья крались с тылу,

Груз тяжких дум наверх меня тянул,
А крылья плоти вниз влекли, в могилу.

В непрочный сплав меня спаяли дни —
Едва застыв, он начал расползаться.
Я пролил кровь, как все, и — как они,
Я не сумел от мести отказаться.

А мой подъём пред смертью — есть провал.
Офелия! Я тленья не приемлю.
Но я себя убийством уравнял
С тем, с кем я лег в одну и ту же землю.

Я, Гамлет, я насилье презирал,
Я наплевал на Датскую корону,
Но в их глазах — за трон я глотку рвал
И убивал соперника по трону.

Но гениальный всплеск похож на бред,
В рожденьи смерть проглядывает косо.
А мы всё ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса.

<апрель 1972>

✧ ✧ ✧

То светлеет на душе, а то туманится,
То безоблачно вокруг, то — снегопад.
Ну а время — то бежит, то тянется,
Не вскачь, не медленно, а невпопад.

Моя граница —
занавес кулисы.
Не угадать, не угадать.
Жду исполнения желаний —
не обмана.
Как трудно ждать, как трудно ждать!

<1976>

◆ <К ПРЕМЬЕРЕ СПЕКТАКЛЯ ◆ «ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР»>

Хотя до Малого и МХАТ-ра
Дойти и ближе, и скорей,
Но зритель рвётся в наш театр
Сквозь строй штыков и патрулей.

Пройдя в метро сквозь тьму народа,
Желая отдохнуть душой,
Он непосредственно у входа
Услышит голос трезвый мой.

Несправедливы нам упрёки,
Что мы всё рушим напролом —
Картиной «Тюрьмы и решётки»
Мы дань Таганке отдаем.

В фойе — большое оживленье:
Куплеты, песни... Зритель — наш!
Ну а агентов Управленья
Патруль отправит в бельэтаж.

Спектакль принят, зритель пóнят
И пантомимой, и стрельбой.
Теперь опять не будет брони
А пропусков — само собой.

И может быть, в минуты эти
За наш успех и верный ход
Нектара выпьют на банкете
Вахтангов, Брехт и Мейерхольд.

И мы — хоть нам не много платят —
От них ни в чём не отстаём:
Пусть на амброзию не хватит,
Но на нектар уж мы найдём.

<1965, к 5 февраля>

◆ <К 100-МУ СПЕКТАКЛЮ ◆ «ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ СЕЗУАНА»>

1

<Л.Возиян>

Очень подлинный портрет
Милы Возияны!
Можно дать тебе сто <лет>
В сотом «Сезуане»!

2

<Е.Корниловой>

Если будешь много плакать
И за всё переживать, —
После сотого спектакля
Будет нечего рожать.
Ты в обносках, волос — паклей,
На сносях ты, хнычешь, спишь...
Но на сотом на спектакле,
Может, всё-таки родишь?

3

<В.Погорельцеву>

Не открою Америки,
Но скажу я от сердца вам:
Очень жалко Валерика
Погорельцева!

4

<А.Эйбоженко>

Плохой конец заранее отброшен —
В конце выходит Эйбоженко Леша!

5

<И.Кузнецовой>

Так держи и так дыши,
Кузнецова наша Шин!

6

<И.Ульяновой>

Наша неизменная блондиночка!
Может, роли и не очень те!
Но обе проститутки ваши, Инночка,
На большой моральной высоте!

7

<И.Петрову>

Для него все лавры — тьфу!
Он и так блистателен.
Нынче, в сотый раз, Шу-Фу
Очень обаятелен.

<1965, 22 марта>

◆ <К 50-ЛЕТИЮ К.СИМОНОВА> ◆

Прожить полвека — это не пустяк,
Сейчас полвека — это тоже веха!
Подчас полвека ставится спектакль
И пробивать приходится полвека.

Стараясь не ударить в грязь лицом,
Мы Ваших добрых дел не забываем, —
Ведь мы считаем крёстным Вас отцом,
А также крёстной матерью считаем.

Таганский зритель раньше жил во тьме,
Но... в нашей жизни всякое бывает:
Таганку раньше знали по тюрьме,
Теперь Таганку по театру знают.

Ждем Ваших пьес — ведь Вы же крёстный наш,
А крестники без пьес хиреют рано.
Вы помните, во многом это Ваш —
Наш «Добрый человек из Сезуана».

Так пусть же Вас не мучает мигрень,
Уж лучше мы за Вас переболеем
И со штрафной Таганки в этот день
Вас поздравляем с Вашим юбилеем.

И кто бы что бы где ни говорил,
Еще через полвека буду петь я,
Что Симонов здоров и полон сил,
Так значит, не «фини́та ля комедья»!

<1965, к 15 ноября>

◆ <К 50-ЛЕТИЮ Г.М.РОНИНСОНА> ◆

Готлибу Михайловичу в день его
(Готлиба Михайловича) пятидесятилетия

Если болен морально ты
Или болен физически,
Захандрил эпохально ты
Или эпизодически, —

Не ходи ты по частникам,
Не плати им ни грошика.
Иди к Гоше, несчастненький,
Тебя вылечит Гошенька!

<1966, к 12 февраля>

◆ <АКТЕРАМ ТЕАТРА «СОВРЕМЕННИК» ◆ ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ СПЕКТАКЛЯ «ЖИЗНЬ ГАЛИЛЕЯ» — НАДПИСЬ НА АФИШЕ>

Нам своих артистов жалко:
Холили, лелеяли!
А они, едрёна палка,
Ходят Галилеями!

Ну а Ваши — злое семя! —
Ходят декабристами...
Поменяться б Вам на время
С нашими артистами!

Нам стоять почти что рядом —
Мы на «Тэ», а вы на «эС».
Ох, продлим мы Вам легенду
Где-нибудь на Братской ГЭС.

Маяковский долго плакал
И ругался пополам...
Не поставите спектакль
Убежит в Таганку к нам!

<17 мая 1966 года>

◆ <К 50-ЛЕТИЮ В.В.ФРОЛОВА> ◆

Не пессимист Вы и не циник,
И Вы — наш друг! А что нам надо?
Желаем Вам ещё полтинник
Без перемен... в делах и взглядах.

<май 1967>

◆ <К 50-ЛЕТИЮ Ю.П.ЛЮБИМОВА> ◆

1

Вставайте, вставайте, вставайте,
Работник с портфелем и без!
Очки на носы надевайте,
Премьера готовится здесь.

Вперёд!
Пусть враг
Плюёт
В кулак.

Театр наш уже состоялся...
Нам место! Ты, недруг, белей!
И как кое-кто не старался, —
А вот и у нас юбилей.

2

Этот вихрь, местком и все цеха,
Выходные, наш досуг, актив —
Прибирал Любимов всё к рукам
С помощью того же Дупака,
И теперь мы дружный коллектив.

Дышит время у имярека,
Дышит бурно уже полвека,
Время! Правильно! Так держать,
Чтоб так дальше ему дышать.

Юбиле<и> традиционны,
Но шагаем — не по стопам.
Все театры реакционны,
Если время не дышит там!

3

Я не знаю, зачем, кто виной этой драмы,—
Тот, кто выдумал это — наверное, слеп! —
Чтоб под боком у чудной, спокойнейшей «*Камы*»
Создавать драматический этот вертеп.

Утомленные зрители, молча кутаясь в шубы,
Жгут костры по ночам, бросив жён и детей,
Только просят билетика посиневшие губы,
Только шепчут таинственно: <«Юбилей, юбилей...»>

О ужасная очередь из тоскующих зрителей!
Тянут руки — и женщина что-то пишет впотьмах...
Мне всё это знакомо: я бывал в вытрезвителе —
Там рисуют похожее, только там — на ногах.

И никто не додумался, чтоб работники «Камы»
Оставалися на ночь — замерзавших спасать! ...
Но теперь всем известно, кто виной этой драмы:
Это дело Любимова, а его — поздравлять!

4

На Таганке я раньше знал метро и тюрьму,
А теперь здесь — театр, кто дошёл, докумекал?
Проведите, <проведите меня к нему —
Я хочу видеть этого человека!>

Будто здесь миллион электрических вольт,
А фантазии свет исходил не отсюда ль?
Слава ему, пусть он не Мейерхольд —
Чернь его любит за буйство и удаль.

Где он, где? Неужель его нет?
Если нет, я не выживу, мамочка!
Это теплое мясо носил скелет
На общипку *Борис Иванычу*.

Я три года, три года по кинам блуждал,
Но в башку мою мысль засела:
Если он в дали дальние папу послал, —
Значит, будет горячее дело.

Он три года, три года пробивался сквозь тьму,
Прижимая, как хлеб, композиции к векам...
Проведите, пров<едите меня к нему —>
Я хочу поздравить <этого человека.>

<1967, к 30 сентября>

◆ <К 40-ЛЕТИЮ О.Н.ЕФРЕМОВА> ◆

Вот Вы докатились до сороковых...
Неправда, что жизнь скоротечна:
Ведь Ваш «Современник» — из «Вечно живых»,
А значит, и быть ему — вечно!

На "ты" не назвать Вас — теперь Вы в летах,
В царях, в королях и в чекистах.
Вы цвет угадали ещё в «Двух цветах»,
Недаром цветы — в «Декабристах»!

Живите по сто и по сто пятьдесят,
Несите свой крест — он тяжёлый.
Пусть Вам будет сорок полвека подряд!
Король оказался не голый.

<1967, к 1 октября>

◆ ◆ ◆

И в Дубне, и на Таганке что-то ставят, что-то строят:
Сходство явно, но различие кошмарно.
Элементы открывают, и никто их не закроет,
А спектакль закрыть — весьма элементарно.
Элементы открывают, и никто их не закроет,
А спектакль закрыть — весьма элементарно.

Всё в Дубне и на Таганке — идентично, адекватно,
Даже общие банкеты, то есть, пьянки.
Если б премиями, званьями делились вы с театром, —
Нас бы звали филиалом на Таганке,
Если б премиями, званьями делились мы бы с вами, —
Вас бы звали филиалом на Дубнянке.

Пусть другие землю роют, знаем мы, что здесь откроют
Сто четырнадцать тяжёлых элементов,
И раз Флёров — академик, — значит, будет больше денег
На обмытие его экспериментов,
И раз Флёров — академик, — значит, будет больше денег,
И мы будем ездить к вам как можно чаще.

<до 25 января 1969>

◆ <ТЕКСТЫ ДЛЯ КАПУСТНИКА ◆ К 5-ЛЕТИЮ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ>

1

В этот день мне так не повезло —
Я лежу в больнице как назло,
В этот день все отдыхают,
Пятилетие справляют
И спиртного никогда
В рот не брать торжественно решают.

В этот день не свалится никто,
Правда, Улановский выпьет сто,
Позабыв былые раны,
Сам Дупак нальёт стаканы
И расскажет, как всегда,
С юмором про творческие планы.

В этот день — будь счастлив, кто успел!
Ну, а я бы в этот день вам спел,
В этот день, забыв про тренья,
Нас поздравит Управленье,
Но «Живого» — никогда,
Враз и навсегда без обсужденья.

2

Идут «Десять дней...» пять лет подряд,
Есть надежда, пойд<у>т и шестой.
Пригнали на «Мать» целый взвод солдат,
Вот только где «Живой»?

Но голос слышится: «Так-так-так, —
Не ясно только — чей, —
Просмотрит каждый ваш спектакль
Комиссия врачей, ткачей и стукачей».

3

«Антимиры» пять лет подряд
Идут, когда все люди спят,
Но не летят в тартарары
Короткие «Антимиры»
[И в сентябри, и в декабри!]

Прекрасно средь ночной поры
Играются «Антимиры», —
И коль артисты упадут —
На смену дети им придут,
Армейский корпус приведут.

Спектакль — час двадцать, только вот
Вдруг появился Мокинпотт...
Эй, Мокинпотт, куда ты прёшь?
No passarans, едрёна вошь,
Едрёна вошь, едрёна вошь!

4

Вот пятый сезон позади, —
Бис, браво, бис, браво, бис, браво!
Прекрасно, и вдруг — впереди
Канава, канава, канава,
<Прекрасно, и вдруг — впереди
Канава, канава, канава.>

Пять лет промокают зады,
На сцене то брызнет, то хлынет,
Но выйдет сухим из воды
Наш зам — сам возьмет и починит,
Сам зам Улановский туды
Залезет, возьмет и починит.

Бывает, что дым — без огня...
Все фразы, все фразы и фразы:

Уже пятый год — раз в три дня
Приказы, приказы, приказы,
<Уже пятый год — раз в три дня
Приказы, приказы, приказы.>

5

Громкое «фе»
Выражаю я поэту, —
Ведь банкету все нету.
Я сегодня возьму и пойду в кафе.

Послушайте, если банкеты бывают, —
Значит, это кому-нибудь нужно,
Значит, это необходимо,
Чтобы каждый вечер
Хоть у кого-нибудь
Был хоть один банкет.

6

Нынче в МУРе всё в порядке —
Вор сидит, дежурный ходит...
Только что это, ребятки,
На Таганке происходит?

На Таганке всё в порядке —
Без единой там накладки:
Пятилео Пятилей
Коллективно отмечают,
Но дежурный докладает:
«В зале вовсе не народ —
А как раз наоборот!»

Что вы, дети, что вы, дети,
[Видно, были вы в буфете]
Что вы, дети, ладно, спите!
Протрезвитесь — повторите!

7

Сажусь — боюсь
На гвоздь наткнусь.
Ложусь — боюсь,
Что заножусь,

Как долго я буду потом
С занозой кровавой биться,
И позой корявой тревожить
Зоркий главрежев глаз?!

Рамзес! Скорей
Поторопись
На юбилей,
Да отоспись!

Гляди, там выпьют целый штоф
Без нас, без русских мужиков!
Чего же ждём,
Скорей идём!

Хоть юбилей, хоть нам и — пять,
Пойти, бутыль с собою взять?
И хря — втихаря,
И-их, на троих,
Э-эх, это грех!
У-уф, у-уф,
А завтра «Тартюф»,
А мы не заняты!

<к 23 апреля 1969>

◆ <К 5-ЛЕТИЮ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ> ◆

Даёшь пять лет! Ну да! Короткий срок!
Попробуйте, допрыгните до МХАТа! —
Он просидел все семьдесят — он смог,
Но нам и пять — торжественная дата.

Спасибо! Дали испытать её.
Хлебнули Горького, глаголят нам, что правы.
Пусть Зине Славиной теперь за «Мать» её
Вручают орден материнской славы.

И пусть проходит каждый наш спектакль
Под гром оваций ли, под тихий вздох ли,
Но вы должны играть «Мать» вашу так,
Чтоб все отцы от зависти подохли.

Лет через сто, когда снесут театр
И всё кругом, не тронут только «Каму», —
Потомки вспомнят нас, вскричат «Vivat!»
За нашего отца и нашу «маму».

<до 23 апреля 1969>

* <К 50-ЛЕТИЮ В.ПЛУЧЕКА> *

В Москву я вылетаю из Одессы
На лучшем из воздушных кораблей.
Спешу не на пожар я и не на премьеру пьесы —
На всеми долгожданный юбилей.

Мне надо — где сегодня юбиляр
И первый друг "Последнего парада".
В Париже — Жан Габен и Жан Виллар,
Там Ив Монтан, но мне туда не надо.

Я долго за билетами скандалил,
Аэрофлот поставив «на попа».
«Да кто он?» — говорят, я им шепнул — и сразу дали:
«Он постановщик "Бани" и "Клопа"».

Мне надо — где "Женитьба Фигаро",
В которой много режиссерских штучек.
Я мог бы в «Моссовет» пройти двором,
Но мне не надо — мне туда, где Плучек.

Сегодня — сдача пьесы на Таганке,
Но, видно, он волшебник или маг, —
Сегодня две премьеры, значит, в ВТО — две пьянки,
И всё же здесь — такой переаншлаг.

Сегодня в цирке — масса медведей,
И с цирком конкурирует эстрада.
Ещё по телевизору хоккей —
Там стон стоит, но мне туда не надо.

Я прилетел — меня не принимают.
Я даже струсил, думаю: беда!
Но... знаете, бывает, и премьеры отменяют,
А юбилеи, к счастью, никогда.

Я Ваш поклонник с некоторых пор,
И низкий Вам поклон за Вашу лиру,
За Ваш неувядаемый юмо́р,
За Вашу долголетнюю сатиру.

<к 4 сентября 1969>

◆ <КО ДНЮ РОЖДЕНЬЯ Н.ШАЦКОЙ> ◆

Конец спектакля. Можно напиваться!
И повод есть, и веская причина.
Конечно, тридцать, так сказать, — не двадцать,
Но и не сорок. Поздравляю, Нина!

Твой муж, пожалуй, не обидит мухи,
Твой сын... ещё не знаю, может, сможет.
Но я надеюсь — младший Золотухин
И славу, да и счастие умножит.

И да хранит Господь все ваши думки!
Вагон здоровья! Красоты хватает.
Хотелось потянуть тебя за ухо...
Вот всё. Тебя Высоцкий поздравляет.

<к 16 марта 1970>

◆ <НАДПИСЬ НА АФИШЕ В.СМЕХОВУ ◆ К 400-МУ СПЕКТАКЛЮ «АНТИМИРЫ»>

Только Венька — нету слов! —
Четыре-ста-рожил «Антимиров»!

<25 апреля 1971 года>

◆ <К 50-ЛЕТИЮ ТЕАТРА ИМ. Е.ВАХТАНГОВА> ◆

Шагают актёры в ряд,
Дышат свободно.
Каждый второй — лауреат
Или народный.

Нас тоже манила слава,
Мы в школе учились тогда,
Но — как нам сказал Захава:
«Лишь лучших берут сюда!

Для лучших — и мясо из супа,
Для лучших — ролей мешок,
Из лучших составлена труппа, —
Значит, всё хорошо!»

Попав в этот сладостный плен,
Бегут из него всё реже.
Уходят из этих стен
Только в главрежи.

И вот начальство на бланке
Печатью скрепило побег:
Отныне пусть на Таганке
Добрый живёт человек!

Мы кое-что взять успели
И кое-кого увели.
И вы не осиротели,
А мы — так приобрели.

И... шагают театры в ряд,
Вместе, хоть разных рангов, —
В этом во всем виноват
Только Вахтангов.

Другая у нас обитель,
Стезя, или там, стерня,
Но спросят вас — говорите,
Как Ксидиас: «Он из меня».

Делитесь с нами наследством —
Мы хлам не заносим в храм! —
Транжирьте, живя не по средствам,
Идёт расточительность вам!

С Таганки пришли на Арбат —
Дождь не помеха.
Празднует старший брат
Ровно полвека.

<до 17 ноября 1971>

◆ <З.СЛАВИНОЙ> ◆

Ты роли выпекала, как из теста:
Жена и мать, невеста и вдова...
И реки напечатанного текста
В отчаянные вылились слова!

Ах, Славина! Заслуженная Зина!
Кто этот искуситель, этот змей,
Храбрец, хитрец, таинственный мужчина?
Каких земель? Каких таких кровей?

Жена и мать, вдова, невеста — роли!..
Все дам<ы> — пик, червей, бубей и треф.
Играй их в жизни — всё равно по школе:
Правдиво, точно — так, как учит шеф.

<к 8 марта 1972>

❖ <ЧАСТУШКИ ❖ К 8-ЛЕТИЮ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ>

Кузькин Федя — сам не свой,
Дважды непропущенный —
Мне приснился чуть живой,
Как в вино опущенный.

Сбрил усы, сошел на нет —
Есть с чего расстроиться!..
Но... восемь бед — один ответ,
А Бог — он любит троицу.

Эх, раз, ещё раз!
«Волги» с «Чайками» у нас!
Дорогих гостей мы встретим
Ещё много-много раз!

Удивлю сегодня вас
Вот какою штукою:
Прогрессивный Петер Вайс
Оказался сукою.

Этот Петер — мимо сада,
А в саду растут дубы...
Пусть его «Марата-Сада»
Ставят Белые Столбы.

Не идет «Мокинпотт» —
Гинзбург впроголодь живёт,
Но кто знает — может Петер
По-другому запоёт?

От столицы до границ
Мучают вопросами:
Как остались мы без «Лиц»,
Как остались с носом мы?!

Через восемь лет прошли
Мы, поднаторевшие,
Наши «Лица» сберегли,
Малость постаревшие...

Ну а мы — <не> горим,
Мы ещё поговорим!
Впрочем, жаль, что наши «Лица»
Не увидит город Рим!

Печь с заслонкой — но гляди, —
С не совсем прикрытою:
И маячат впереди
«Мастер с Маргаритою».

Сквозь пургу маячит свет, —
Мы дойдём к родимому,
Ведь всего-то восемь лет
Нашему Любимому!

Выпьем за здоровьице —
Можно нам теперича! —
Юрия Петровича
И Алексан Сергеича!

<к 23 апреля 1972>

◆ <ТЕАТРУ «СОВРЕМЕННИК»> ◆

Всё начинается со МХАТА
И размещается окрест...
Был быстр и короток когда-то
Ваш самый первый переезд.

Ах, эти годы кочевые!
И вы попали с первых лет:
В цвет ваши «Вечные живые»,
«Два цвета» тоже — в самый цвет.

Как загуляли вы, ребята, —
Шагнули в ногу, как один, —
Из Камергерского, от МХАТа,
Сначала в «Яр», потом — в «Пекин».

Ты в это вникнуть попытайся,
Театр однажды посетив:
«Пекин» вблизи, но по-китайски
Никто — вот это коллектив.

Ещё не ночь, ещё не вечер!
Прогалы есть в твоих рядах, —
Иных уж нет, а те далече,
Но мы — так прямо в двух шагах.

Сейчас Таганка отмечает
Десятилетний юбилей.
Хотя таких и не бывает, —
Ну, так сказать, десятилей.

Наш «Современник»! Человече!
Театр, Галя, Лёлик, все!
Ещё не ночь, ещё не вечер,
Ещё мы в яркой полосе.

<1974, к 16 апреля>

* ТЕАТРАЛЬНО-ТЮРЕМНЫЙ ЭТЮД * НА ТАГАНСКИЕ ТЕМЫ

<к 10-летию театра на Таганке>

Легавым быть, готов был умереть я,
Отгрохать юбилей — и на тот свет!
Но выяснилось: вовсе не рубеж десятилетье,
Не юбилей, а просто — десять лет.

И всё-таки боржома мне налей
За юбилей — такие даты ре́дки!
Ну ладно, хорошо, — не юбилей,
А, скажем, две нормальных пятилетки.

Так с чем мы подошли к неюбилею,
За что мы выпьем и поговорим?
За то, что все вопросы и в «Конях», и в «Пелагее» —
Ответы на историю с «Живым».

Не пик, и не зенит, не апогей!
Но я пою от имени всех зэков —
Побольше нам «Живых» и «Пелагей»,
Ну, словом, — больше «Добрых человеков».

Нам почести особые воздали:
Вот деньги раньше срока за квартал,
В газету заглянул, а там полным-полно регалий —
Я это между строчек прочитал.

Вот только про награды — не найду,
Нет сообщений про гастроль в загранке.
Сидим в определяющем году,
Как, впрочем, и в решающем, в Таганке.

Тюрьму сломали — мусор на помойку!
Но будет, где головку прислонить:

Затеяли на площади годков на десять стройку,
Чтоб равновесье вновь восстановить.

Ох, мы поездим, ох, поколесим,
В Париж мечтая, а в Челны намылясь.
И будет наш театр кочевым
И уличным, к чему мы и стремились.

Как хорошо — мы здесь сидим без кляпа,
И есть чем пить, жевать и речь вести.
А эти десять лет — не путь тюремного этапа,
Они этап... нелёгкого пути.

Пьём за того, кто превозмог и смог,
Нас в юбилей привёл, как полководец,
За пахана — мы с ним тянули срок,
Наш первый убедительный червонец.

Ещё мы пьём за спевку, смычку, спайку
С друзьями с давних пор, с таганских нар —
За то, что на банкетах вы делили с нами пайку,
Не получив за пьесу гонорар.

Редеют ваши стройные ряды —
Писателей, которых уважаешь.
Но, говорят, от этого мужаешь! —
За до́лги ваши праведны труды —
Земной поклон, Абрамов и Можаич!

От наших лиц остался профиль детский,
Но первенец не сбит, как птица влёт!
Привет тебе, Андрей — Андрей Андреич Вознесенский,
И пусть второго бог тебе пошлёт.

Ах, Зина! Жаль не склеилась семья —
У нас там, в Сезуане, — время мало.

И жаль мне, что Гертруда — мать моя,
И что не мать мне — Василиса-Алла.

Ах, Ваня, Ваня Бортник, тихий сапа.
Как я горжусь, что я с тобой на "ты"!
Как жаль, спектакль не видел Паша, Павел — Римский папа —
Он у тебя набрался б доброты.

Таганка! Славься! Смейся! Плачь! Кричи!
Живи и в наслажденьи, и в страданьи.
Пусть лягут рядом наши кирпичи
Краеугольным камнем в новом зданьи.

<апрель 1974, до 23-го>

<НАДПИСЬ НА АФИШЕ СПЕКТАКЛЯ «ДЕРЕВЯННЫЕ КОНИ» — И.БОРТНИКУ>

Ваня вышел на другие кру́ги!
Трепещите, недруги и дру́ги!

<1974>

* ЮРИЮ ПЕТРОВИЧУ ЛЮБИМОВУ * С ЛЮБОВЬЮ В 60 ЕГО ЛЕТ ОТ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Ах, как тебе родиться пофартило
Почти одновременно со страной!
Ты прожил с нею все, что с нею было,
Скажи еще спасибо, что живой.

В шестнадцать лет читал ты речь Олеши,
А в двадцать встретил год тридцать седьмой.
Теперь иных уж нет, а те — далече...
Скажи еще спасибо, что живой.

Служил ты под началом полотера.
Скажи, на сердце руку положив:
Ведь знай Лаврентий Палыч — вот умора! —
Кем станешь ты, остался бы ты жив?

А нынче в драках выдублена шкура,
Протравлена до нервов суетой.
Сказал бы Николай Робертыч: «Юра,
Скажи еще спасибо, что живой!»

Хоть ты дождался первенца не рано,
Но уберег от раны ножевой, —
Твой «Добрый человек из Сезуана»
Живет еще. Спасибо, что живой.

Зачем гадать цыгану на ладонях —
Он сам хозяин над своей судьбой.
Скачи, цыган, на «Деревянных конях»,
Гони коней! Спасибо, что живой.

«Быть иль не быть» — мы зря не помарали.
Конечно, быть, но только — начеку:

Вы помните, конструкции упали,
Но живы все. Спасибо Дупаку.

«Марата» нет — его создатель странен.
За Турандот — Пекин поднимет вой.
Можайся, брат, твой Кузькин трижды ранен!
И все-таки — спасибо, что «Живой».

Любовь, Надежда, Зина — тоже штучка,
Вся труппа на подбор — одна к одной,
И мать их — Софья Золотая Ручка...
Скажи еще спасибо, что живой.

Одни — в машинах, несмотря на цены,
Им, пьющим, — лучше б транспорт гужевой.
Подумаешь, один упал со сцены!
Скажи еще спасибо, что живой.

Не раз, не два грозили снять с работы,
Зажали праздник полувековой.
Тринадцать лет театра, как зачеты:
Один за три, спасибо, что живой!

Что шестьдесят при медицине этой!
Тьфу-тьфу, не сглазить... Только вот седой.
По временам на седину не сетуй,
Скажи еще спасибо, что живой.

Позвал Милан, не опасаясь риска,
И понеслась! — живем-то однова.
Теперь — Париж, и близко Сан-Франциско,
И даже — при желании — Москва!

Париж к Таганке десять лет пристрастен —
Француз театр путает с тюрьмой.
Не огорчайся, что не едет «Мастер»,
Скажи еще mersi, что он живой.

Лиха беда — настырна и глазаста,
Устанет ли кружить над головой?
Тебе когда-то перевалит за сто —
И мы споем: «Спасибо, что живой!»

Пей, атаман, — здоровье позволяет.
Пей, куренной, когда-то Кошевой!
Таганское казачество желает
Добра тебе — спасибо, что живой!

<до 30 сентября 1977>

* ОЛЕГУ ЕФРЕМОВУ *

Мы из породы битых, но живучих,
Мы помним всё, нам память дорога.
Я говорю, как мхатовский лазутчик,
Заброшенный в Таганку — в тыл врага.

Теперь в обнимку, как боксеры в клинче,
И я, когда-то мхатовский студент,
Олегу Николаевичу нынче
Докладываю данные развед...

Что на Таганке той — толпа нахальная,
У кассы давятся — Гомор, Содом! —
Цыганки с картами, дорога дальняя,
И снова строится казенный дом.

При всех делах таганцы с вами схожи,
Хотя, конечно, разницу найдешь:
Спектаклям МХАТа рукоплещут ложи,
А мы, без ложной скромности, без лож.

В свой полувек Олег на век моложе —
Вторая жизнь взамен семи смертей,
Из-за того, что есть в театре ложи
Он может смело приглашать гостей.

Артисты мажутся французским тончиком —
С последних ярусов и то видать!
А на Таганке той — партер с балкончиком,
И гримы не на что им покупать.

Таганцы ваших авторов хватают,
И тоже научились брать нутром,
У них гурьбой Булгакова играют,
И Пушкина — опять же впятером.

Шагают роты в выкладке на марше,
Двум ротным — ордена за марш-бросок!
Всего на десять лет Любимов страше,
Плюс «Десять дней...» — но разве это срок?!

Гадали разное — года в гаданиях:
Мол, доиграются — и грянет гром.
К тому ж кирпичики на новых зданиях
Напоминают всем казенный дом.

Ломали, как когда-то Галилея,
Предсказывали крах — прием не нов,
Но оба добрались до юбилея
И дожили до важных орденов.

В истории искать примеры надо —
Был на Руси такой же человек,
Он щит прибил к воротам Цареграда
И звался тоже, кажется, Олег...

Семь лет назад ты въехал в двери МХАТа,
Влетел на белом княжеском коне.
Ты сталь сварил, теперь все ждут проката —
И изнутри, конечно, и извне.

На мхатовскую мельницу налили
Расплав горячий — это удалось.
Чуть было «Чайке» крылья не спалили,
Но, слава Богу, славой обошлось.

Во многом совпадают интересы:
Мы тоже пьем за старый Новый год,
В обоих коллективах «мерседесы»,
Вот только «Чайки» нам недостает.

А на Таганке — там возня повальная,
Перед гастролями она бурлит —

Им предстоит в Париж дорога дальняя,
Но «Птица синяя» не предстоит.

Здесь режиссер в актере умирает,
Но вот вам парадокс и перегиб:
Абдулов Сева — Севу каждый знает —
В Ефремове чуть было не погиб.

Нет, право, мы похожи, даже в споре,
Живем — и против правды не грешим:
Я тоже чуть не умер в режиссере
И, кстати, с удовольствием большим...

Идут во МХАТ актеры, и едва ли
Затем, что больше платят за труды.
Но дай Бог счастья тем, кто на бульваре,
Где чище стали Чистые пруды!

Тоскуй, Олег, в минуты дорогие
По вечно и доподлинно живым!
Все понимают эту ностальгию
По бывшим "современникам" твоим.

Волхвы пророчили концы печальные:
Мол, змеи в черепе коня живут...
А мне вот кажется, дороги дальние,
Глядишь, когда-нибудь и совпадут.

Ученые, конечно, не наврали,
Но ведь страна искусств — страна чудес,
Развитье здесь идет не по спирали,
И вкривь, и вкось, вразрез, наперерез.

Затихла брань, но временны поблажки,
Светла Адмиралтейская игла.
Таганка, МХАТ идут в одной упряжке,
И общая телега тяжела.

Мы — пара тварей с Ноева Ковчега,
Два полушарья мы одной коры.
Не надо в академики Олега!
Бросайте дружно черные шары!

И с той поры, как люди слезли с веток,
Сей день — один из главных. Можно встать
И тост поднять за десять пятилеток —
За сто на два, за два по двадцать пять!

<до 1 октября 1977>

◆ Ю.ЯКОВЛЕВУ К 50-ЛЕТИЮ ◆

Москва. Театр Вахтангова. От Таганки.
Любимцу публики, рампы, руля.
Желаем дома, в лесу и в загранке
Удач, оптимизма, добра и рубля.
Юрий Любимов и его команда.

Ты ровно десять пятилеток в драке,
В бою за роли, время и блага́.
Все Яковлевы — вечно забияки:
Еще в войну повелевали «ЯКи»
И истребляли в воздухе врага!

Дела их — и двояки, и трояки,
Якшаться с ними славно и дружить.
Актеры — ЯКи, самолеты — «ЯКи»,
И в Азии быки — все те же яки...
Виват всем ЯКам — до ста лет им жить!

Желаем с честью выйти из виража и пьянки,
И пусть тебя минует беда, хула, молва.
ЯК-50, желают тебе друзья с Таганки
Счастливого полета, как «ЯКу-42»!

<24 апреля 1978>

* К 15-ЛЕТИЮ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ *

Пятнадцать лет — не дата, так —
Огрызок, недоедок.
Полтинник — да! И четвертак.
А то — ни так — ни эдак.

Мы выжили пятнадцать лет.
Вы думали слабо, да?
А так как срока выше нет —
Слобода, брат, слобода!

Пятнадцать — это срок, хоть не на нарах,
Кто был безус — тот стал при бороде.
Мы уцелели при больших пожарах,
При Когане, при взрывах и т. д.

Пятнадцать лет назад такое было!..
Кто всплыл, об утонувших не жалей!
Сегодня мы — и те, кто у кормила,
Могли б совместно справить юбилей.

Сочится жизнь — коричневая жижа...
Забудут нас, как вымершую чудь,
В тринадцать дали нам глоток Парижа, —
Чтобы запоя не было — чуть-чуть.

Мы вновь готовы к творческим альянсам, —
Когда же это станут понимать?
Необходимо ехать к итальянцам,
Заслать им вслед за Папой — нашу «Мать».

«Везет — играй!» — кричим наперебой мы.
Есть для себя патрон, когда тупик.
Но кто-то вытряс пулю из обоймы
И из колоды вынул даму пик.

Любимов наш, Боровский, Альфред Шнитке,
На вас ушаты вылиты воды.
Прохладно вам, промокшие до нитки?
Обсохните — и снова за труды.

Достойным уже розданы медали,
По всем статьям — амнистия окрест.
Нам по статье в «Литературке» дали
Не орден — чуть не ордер на арест.

Тут одного из наших поманили
Туда, куда не ходят поезда,
Но вновь статью большую применили —
И он теперь не едет никуда.

Директоров мы стали экономить,
Беречь и содержать под колпаком, —
Хоть Коган был неполный Каганович,
Но он не стал неполным Дупаком.

Сперва сменили шило мы на мыло,
Но мыло омрачило нам чело,
Тогда Таганка шило возвратила —
И все теперь идет, куда ни шло.

Даешь, Таганка, сразу: «Или — или!»
С ножом пристали к горлу — как не дать.
Считают, что невинности лишили...
Пусть думают — зачем разубеждать?

А знать бы все наверняка и сразу б,
Заранее предчувствовать беду!
Но все же, сколь ни пробовали на зуб, —
Мы целы на пятнадцатом году.

Талантов — тьма! Созвездие, соцветье...
И многие оправились от ран.

В шестнадцать будет совершеннолетье,
Дадут нам паспорт, может быть, "загран".

Все полосами, все должно меняться —
Окажемся и в белой полосе!
Нам очень скоро будет восемнадцать —
Получим право голоса, как все.

Мы в двадцать пять — даст Бог — сочтем потери,
Напишут дату на кокарде нам,
А дальше можно только к высшей мере,
А если нет — то к высшим орденам.

Придут другие — в драме и в балете,
И в опере опять поставят «Мать»...
Но в пятьдесят — в другом тысячелетьи —
Мы будем про пятнадцать вспоминать!

У нас сегодня — для желудков встряска!
Долой сегодня лишний интеллект!
Так разговляйтесь, потому что Пасха,
И пейте за пятнадцать наших лет!

Пятнадцать лет — не дата, так —
Огрызок, недоедок.
Полтинник — да! И четвертак.
А то — ни так — ни эдак.

А мы живем и не горим,
Хотя в огне нет брода,
Чего хотим, то говорим, —
Свобода, брат, свобода!

<до 23 апреля 1979>

“...много взлетов и падений испытал киноактер...”

◆ <НАДПИСЬ НА ФОТОГРАФИИ ◆ ИЗ ФИЛЬМА «Я РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА», ПОДАРЕННОЙ А.ЕВДОКИМОВУ>

Из фильма «Я родом из детства»,
Который из жизни идей,
Где я зарабатывал средства
Посредством гитары своей.

<1967>

◆ <НАДПИСЬ В КНИГЕ ◆ «СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА» — В.СМЕХОВУ>

Служили два товарища
В однем и тем полке,
И третьего товарища
Варили в котелке.

Пусть солнце киногения
Не так уж, чтоб взошло, —
Твое изображение
Есть в книге, всем назло.

Но вот в умах брожение
И рвение за гения —
Есть в книжице изъян.
Всегда уверен в Вене я:
Его изображения —
Да! Наводнят «Экран»!

<1970>

* ПРО ДЖЕЙМСА БОНДА *

Себя от надоевшей славы спрятав,
В одном из их Соединенных Штатов,
В глуши и в дебрях чуждых нам систем
Жил-был известный больше чем Иуда,
Живое порожденье Голливуда —
Артист, Джеймс Бонд, шпион, агент 07.

Был этот самый парень —
Звезда, ни дать ни взять, —
Настолько популярен,
Что страшно рассказать.

Да шуточное ль дело —
Почти что полубог.
Известный всем Марчелло
В сравненьи с ним — щенок.

Он на своёй на загородной вилле
Скрывался, чтоб его не подловили,
И умирал от скуки и тоски.
А то, бывало, встретят у квартиры,
Набросятся и рвут на сувениры
Последние штаны и пиджаки.

Вот так и жил, как в клетке,
Ну а в кино — потел:
Различные разведки
Дурачил, как хотел.

То ходит в чьей-то шкуре,
То в пепельнице спит,
А то на абажуре
Кого-то соблазнит.

И вот артиста этого, Джеймс Бонда,
Товарищи из Госафильмофонда
В совместную картину к нам зовут.
Чтоб граждане его не узнавали,
Он к нам решил приехать в одеяле —
Мол, всё равно на клочья разорвут.

Вы посудите сами:
На про́водах в USA
Все хиппи с волосами
Побрили волоса.

С него стащили свитер,
Отгрызли вмиг часы
И растащили плиты
Со взлётной полосы.

И вот в Москве нисходит он по трапу,
Даёт долла́р носильщику на лапу
И прикрывает личность на ходу.
Вдруг кто-то — шасть на «газике» к агенту!
И — киноленту, вместо документу:
Что, мол, свои, мол, хау ду ю ду.

Огромная колонна
Стоит сама в себе —
Встречает чемпиона
По стендовой стрельбе.

(Попал во всё, что было,
Тот выстрелом с руки, —
Бабьё с ума сходило
И даже мужики).

Довольный, что его не узнавали,
Он одеяло снял в «Национале», —

Но, несмотря на личность и акцент,
Его там обозвали оборванцем,
Который притворялся иностранцем
И заявлял, что, дескать, он — агент.

Швейцар его — за ворот.
Решил открыться он:
«07 я!» — «Вам межгород?
Так надо взять талон!»

Во рту скопилась пена
И горькая слюна, —
Он в позе супермена
Уселся у окна.

Но вот киношестёрки прибежали
И недоразумение замяли,
И разменяли фунты на рубли.
Уборщица ворчала: «Вот же пройда!
Подумаешь — агентишка какой-то!
У нас в девятом — прынц из Сомали!»

<весна 1974>

◆ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В.ФРИДУ — ◆ И Ю.ДУНСКОМУ

У вас всё вместе — и долги и мненье,
Раздельно разве только саквояж.
Так вот сегодня чей же день рожденья?
Не знаю точно — вероятно, *Ваш*.

Однажды, глядя в щель из-за кулис,
Один актер другому на премьере
Внушал: «Валерий — тот, который лыс,
А Юлий — тот, который не Валерий».

Они — актеры, вот и не смекнули,
Зато любой редактор подтвердит,
Что Дунский — это то же, что и Фрид.
Ну а Валерий — то же, что и Юлий.

Долой дебаты об антагонизме! —
Едины ваши чувства и умы,
Вы крепко прижились в социализме,
Ведь вместо «я» вы говорите «мы».

Две пятилетки северных широт,
Где не вводились в практику зачеты, —
Ни день за три, ни пятилетка в год,
А десять лет физической работы.

Опроверженьем Ветхого завета —
Един в двух лицах ваш совместный бог.
И ваш дуэт понятен, как лубок, —
И хорошо от этого дуэта.

И если жизнь и вправду только школа,
То прожили вы лишь второй семестр,
Пусть дольше ваш дуэт звучит как соло
Под наш негромкий дружеский оркестр!

Вот только каждый выбрать норовит
Под видом хобби разные карьеры:
«О! Temperos!»* — в актеры вышел Фрид!
А Дунский вышел в коллекционеры!

Я вас люблю — не лгу ни на иоту.
Ваш искренне, — таким и остаюсь —
Высоцкий, вечный кандидат в Союз,
С надеждой на совместную работу.

---

* О! Temperos! — О! Времена! *(лат.)*

За орфографию не отвечаю —
В латыни не силён,
Но — поздравляю, поздравляю!
А за ошибку — mille pardons!
(прим. автора)

<1970>

◆ ◆ ◆

Вот я вошёл, и дверь прикрыл,
И показал бумаги,
И так толково объяснил
Зачем приехал в лагерь!..

Начальник — как уключина:
Скрипит — и ни в какую.
«В кино мне роль поручена, —
Опять ему толкую.

И вот для изучения —
Такое ремесло —
Имею направление.
Дошло теперь?» — «Дошло!

Вот это мы приветствуем!
Чтоб было, как с копирки, —
[Ещё бы] вам под следствием
Полгодика в Бутырке,

Чтоб ощутить затылочком,
Что чуть не расстреляли,
Потом по пересылочкам...
Тогда бы вы сыграли!»

Внушаю бедолаге я
Настойчиво, с трудом:
«Мне нужно — прямо с лагеря,
Не бывши под судом».

«Да вы ведь знать не знаете,
За что вас осудили.
Права со мной качаете,
А вас ещё не брили».

«Побреют! — рожа сплющена,
Но всё познать желаю, —
А что уже упущено —
Талантом наверстаю...»

«Да что за околесица? —
Опять он возражать. —
Пять лет в четыре месяца,
Экстерном, так сказать?»

Он даже шаркнул мне ногой
(Для секретарши Светы):
«У нас, товарищ дорогой, —
Не университеты.

У нас не выйдет с кондачка
Из ничего — конфетка.
Здесь — от звонка и до звонка,
У нас не пятилетка.

Так что, давай-ка ты, валяй!..
Какой с артиста толк?
У нас своих — хоть отбавляй,» —
Сказал он и умолк.

Я снова вынул пук бумаг,
Ору до хрипа в глотке:
Мол, не имеешь права, враг, —
Мы здесь не в околотке!

Мол, я начальству доложу,
Оно, мол, разберётся!..
Я стервенею, в роль вхожу,
А он, гляжу, — сдаётся.

Я в раже, удержа мне нет,
Бумагами трясу:
«Мне некогда сидеть пять лет —
Премьера на носу!»

<осень 1970 (?)>

* ПЕСНЯ КИНОАКТЕРА *

Словно в сказке, на экране —
И не нужен чародей! —
В новом фильме вдруг крестьяне
Превращаются в князей.

То купец, то неимущий,
То добряк, а то злодей —
В жизни же почти непьющий
И отец восьми детей.

Мальчишки, мальчишки бегут по дворам,
Загадочны и голосисты:
«Скорее, скорее! Приехали к нам
Живые киноартисты!..»

Но для нашего для брата,
Откровенно говоря,
Иногда сыграть солдата
Интересней, чем царя.

В жизни всё без изменений,
А в кино: то бог, то вор —
Много взлётов и падений
Испытал киноактёр.

Мальчишки, мальчишки бегут по дворам,
Загадочны и голосисты:
«Скорее, скорее! Приехали к нам
Живые киноартисты!..»

Сколько версий, сколько споров
Возникает тут и там!
Знают про киноактёра,
Даже больше, чем он сам.

И повсюду обсуждают,
И со знаньем говорят:
Сколько в месяц получает,
И в который раз женат...

Мальчишки, мальчишки бегут по дворам,
Загадочны и голосисты:
«Скорее, скорее! Приехали к нам
Живые киноартисты!..»

Хватит споров и догадок —
Дело поважнее есть!
Тем, кто до сенсаций падок,
Вряд ли интересно здесь.

Знаете — в кино эпоха
Может пролететь за миг.
Люди видят нас, но плохо
То, что мы не видим их.

Вот мы и спешим к незнакомым друзьям —
И к взрослым, и к детям —
На вас посмотреть. Все, что хочется вам,
Спросите — ответим!

<до 14 октября 1970>

БРАТЬЯМ ВАЙНЕРАМ

❖ 1 ❖

Я не спел вам в кино, хоть хотел,
Даже братья меня поддержали:
Там, по книге, мой Глеб где-то пел,
И весь МУР все пять дней протерпел,
Но в Одессе Жеглова зажали.

А теперь запылает моя щека,
А душа — дак замлеет.
Я спою, как из черного ящика,
Что всегда уцелеет.

Генеалоги Вайнеров бьются в тщете —
Древо рода никто не обхватит.
Кто из них приписал на Царьградском щите:
«Юбилеями правят пока еще те,
Чей он есть, юбилей, и кто платит»?

Первой встрече я был очень рад,
Но держался не за панибрата.
Младший брат был небрит и не брат —
Выражался как древний пират,
Да и старший похож на пирата.

Я пил кофе — еще на цикории,
Не вставляя ни слова,
Ну а Вайнеры-братики спорили
Про характер Жеглова.

В Лувре я — будь я проклят! — попробуй, налей!
А у вас — перепало б и мне там.
Возле этой безрукой — не хошь, а лелей,
Жрать охота, братья́, а у вас — юбилей
И, наверно... конечно, с банкетом.

Братья! Кто же вас сможет сломить?
Пусть вы даже не ели от пуза...
Здоровы, а плетёте тончайшую нить.
Все читали вас, все, — хорошо б опросить
Членов... нет, — экипажи «Союза».

Я сегодня по «ихнему» радио
Не расслышал за воем
Что-то... «в честь юбилея Аркадия
Привезли под конвоем...»

Всё так буднично, ровно они, бытово.
Мы же все у приемников млеем.
Я ж скажу вам, что ежели это того...
Пусть меня под конвоем везут в ВТО —
С юбилеем, так уж с юбилеем.

Так о чем же я, бишь, или вишь?
Извини — я иду па Аркаде:
МУР и «зря ты душою кривишь» —
Кончен ты! В этом месте, малыш,
В сорок пятом работал Аркадий.

Пусть среди экспонатов окажутся
Эти кресла, подобные стулу.
Если наши музеи откажутся —
Увезу в Гонолулу.

Не сочтите за лесть предложенье моё,
Не сочтите его и капризом,
Что скупиться, ведь тут юбилей, ё-моё! —
Всё, братьями моими содеянное
Предлагаю назвать «вайнеризмом»!

* 2 *

Граждане, ах, сколько ж я не пел, но не от лени —
Некому: жена — в Париже, все дружки — сидят.
Даже Глеб Жеглов — хоть бо́тал чуть по новой фене —
Ничего не спел, чудак, пять вечеров подряд.

Хорошо, что в зале нет
Ненаших всех сортов,
Здесь — кто хочет на банкет
Без всяких паспортов.

Расскажу про братиков —
Писателей, соратников,
Про людей такой души,
Что не сыщешь ватников.

Наше телевидение требовало резко:
Выбросить слова «легавый», «мусор» или «мент»,
Поменять на мыло шило, шило — на стаместку,
А ворье переиначить в «чуждый элемент».

Но сказали брат и брат:
«Не! Мы усё спасём.
Мы и сквозь редакторат
Все это пронесем».

Так, в ответ подельники,
Скиданув халатики,
Надевали тельники,
А поверх — бушлатики.

Про братьёв-разбойников у Шиллера читали,
Про Лаутензаков написал уже Лион,
Про Серапионовых листали Коли, Вали...
Где ж роман про Вайнеров? Их — два на миллион!

Проявив усердие,
Сказали кореша:
«"Эру милосердия"
Можно даже в США.

С них художник Шкатников
Написал бы латников.
Мы же в их лице теряем
Классных медвежатников.

* 3. ПИСЬМО ТОРГОВЦА * ТАШКЕНТСКИМИ ФРУКТАМИ С ЦЕНТРАЛЬНОГО РЫНКА

Жора и Аркадий Вайнер!
Вам салям алейкум, пусть
Мы знакомы с вами втайне, —
Кодекс знаем наизусть.

Пишут вам семь аксакалов
Гиндукушенской земли,
Потому что семь журналов
Вас на нас перевели.

А во время сбора хлопка
(Кстати, хлопок нынче — шелк)
Наш журнал «Звезда Востока»
Семь страниц для вас нашел.

Всю Москву изъездил в «ЗИМе»
Самый главный аксакал —
Ни в едином магазине
Ваши книги не сыскал.

Вырвали два старших брата
Все волосья в бороде —

Нету, хоть и много блата
В «Книжной лавке» — и везде.

Я за «Милосердья эру» —
Вот за что спасибо вам! —
Дал две дыни офицеру
И гранатов килограмм.

А в конце телевиденья —
Клятва волосом седым! —
Будем дать за продолженье
Каждый серий восемь дынь.

Чтобы не было заминок
(Любите кюфта-бюзбаш?)
Шлите жен Центральный рынок —
Полглавы — барашка ваш.

Может, это слишком плотски,
Но за песни про тюрьмы
(Пусть споет артист Высоцкий)
Два раз больше платим мы.

Не отыщешь ваши гранки
И в Париже, говорят...
Впрочем, что купить на франки?
Тот же самый виноград.

Мы сегодня вас читаем,
Как абзац — кидает в пот.
Братья, мы вас за — считаем —
Удивительный народ.

Наш праправнук на главбазе —
Там, где деньги — дребедень.
Есть хотите? В этом разе
Приходите каждый день.

А хотелось, чтоб в инъязе...
Я готовил крупный куш.
Но... Если был бы жив Ниязи...
Ну а так — какие связи? —
Связи есть Европ и Азий,
Только эти связи чушь.
Вы ведь были на КАМАЗе:
Фрукты нет. А в этом разе
Приезжайте Гиндукуш!

<январь 1980>

“...мой друг, мой самый друг...”

* * *

В холода, в холода
От насиженных мест
Нас другие зовут города, —
Будь то Минск, будь то Брест, —
В холода, в холода...

Неспроста, неспроста
От родных тополей
Нас суровые манят места —
Будто там веселей, —
Неспроста, неспроста...

Как нас дома ни грей —
Не хватает всегда
Новых встреч нам и новых друзей, —
Будто с нами беда,
Будто с ними теплей...

Как бы ни было нам
Хорошо иногда —
Возвращаемся мы по домам.
Где же наша звезда?
Может — здесь, может — там...

<1965, осень>

* * *

Каждый год в январе, в одинаковый день
Поздравляли меня с днём рожденья.
.....
.....

.....
.....
Не отрывайте лист календаря
И не спешите в завтра без оглядки!

<1964>

* * *

Вот и разошлись пути-дороги вдруг:
Один — на север, другой — на запад.
Грустно мне, когда уходит друг
Внезапно, внезапно.

Ушёл — невелика потеря
Для многих людей.
Не знаю, как другие, а я верю,
Верю в друзей.

Наступило время неудач,
Следы и души заносит вьюга.
Всё из рук вон плохо, плачь — не плачь,
Нет друга, нет друга.

Ушёл — невелика потеря
Для многих людей.
Не знаю, как другие, а я верю,
Верю в друзей.

А когда вернётся друг назад
И скажет: «Ссора была ошибкой», —
Бросим на минувшее мы взгляд
С улыбкой, с улыбкой:

Ушло — невелика потеря
Для многих людей.
Не знаю, как другие, а я верю,
Верю в друзей.

<май 1968>

* <ВАЛЕНТИНУ И СВЕТЛАНЕ САВИЧ> *

У меня друзья очень странные,
С точки зрения остальных,
И я слышу речи пространные,
Что я с ними пью на троих.

Но позвольте самому
Решать: кого любить, идти к кому...
Но право, всё же лучше самому.

Валентин у меня есть со Светою,
Что владеет всем царствием касс.
На предостереженья не сетую
И опять не пеняю на вас.

Но позвольте мне тогда
Решать: куда идти, когда —
Право, лучше самому навсегда!

<до осени 1971>

❖ ❖ ❖

Ох, да помогите, помогите, помогите
все долги мне заплатить:
Кому надо что отдать
И кому надо что простить!
Послушай...

<Все мои товарищи пропали, разбежались —
вот такие пироги.
Только непричастные да честные остались,
да одни мои враги.>

Ох да пропадайте, пропадайте, пропадайте,
сгиньте пропадом совсем!
.....
.....
.....

<Все мои товарищи пропали, разбежались —
вот такие пироги.
Только непричастные да честные остались,
да одни мои враги.>

Ох, как полетели, да как окна запотели, —
даже хмель с меня слетел,
Да я раз десять пропотел
Да похмеляться не хотел,
ребята!

Все мои товарищи пропали, разбежались —
вот такие пироги.
Только непричастные да честные остались,
да одни мои враги.

<осень 1976>

* ПЕСНЯ ИЗ РАДИОСПЕКТАКЛЯ * «ЗЕЛЕНЫЙ ФУРГОН»

Нет друга, но смогу ли
Не вспоминать его —
Он спас меня от пули
И много от чего, —

Ведь если станет плохо
С душой иль головой,
То он в мгновенье ока
Окажется со мной.

И где бы он не был, куда б не уехал, —
Как прежде, в бою, и в огне, и в дыму,
Я знаю, что он мне желает успеха,
Я тоже успеха желаю ему.

<до 19 октября 1971>

* НА СМЕРТЬ ШУКШИНА *

Ещё — ни холодов, ни льдин,
Земля тепла, красна калина.
А в землю лёг ещё один
На Новодевичьем мужчина.

«Должно быть, он примет не знал, —
Народец праздный суесловит, —
Смерть тех из нас всех прежде ловит,
Кто понарошку умирал».

Коль так, Макарыч, — не спеши,
Спусти колки, ослабь зажимы,
Пересними! Перепиши!
Переиграй! Останься жи́вым!

Но в слёзы мужиков вгоняя,
Ты пулю в животе понёс,
Припал к земле, как верный пёс,
А рядом куст калины рос.
Калина — красная такая...

И был бы «Разин» в этот год!
Натура где — Онега, Нарочь?
Всё — печки-лавочки, Макарыч,
Такой твой парень не живёт!

Ты белые стволы берёз
Ласкал в киношной гулкой рани,
Но успокоился всерьёз,
Решительней, чем на экране.

Смерть самых лучших намечает
И дёргает по одному.
Такой наш брат ушёл во тьму!..

Не поздоровилось ему!
Не буйствует и не скучает.

Вот после временной заминки
Рок процедил через губу:
«Снять со скуластого табу
За то, что он видал в гробу
Все панихиды и поминки.

Того, с большой душою в теле
И с тяжким грузом на горбу,
Чтоб не испытывал судьбу,
Взять утром — тёпленьким с постели!»

И после непременной бани,
Чист перед Богом и тверёз,
Вдруг взял да умер он всерьёз.
Спокойнее, чем на экране.

Гроб в грунт разрытый опуская
Средь новодевичьих берёз,
Мы выли, друга отпуская
В загул без времени и края...
А рядом куст сирени рос.
Сирень осенняя. Нагая...

<3 октября 1974>

❖ ❖ ❖

Тоска немая гложет иногда,
И люди развлекают — все чужие.
Да, люди, создавая города,
Все забывают про дела иные,
Про самых нужных и про близких все<м>,
Про *самых*, с кем приятно обращаться,
Про темы, что важнейшие из тем,
И про людей, с которыми общаться.
Мой друг, мой самый друг, мой собеседник,
Прошу тебя, скажи мне что-нибудь!
Давай презрим товарищей соседних
И посторонних, что попали в суть.

<1975 (?)>

◆ <ЭКСПРОМТ — И.БОРТНИКУ> ◆

Грустно — едет на курорт никак...
Как же я без Вани Бортника!
Я бы Ваню оттенял.
Как же Ваня без меня?

<лето 1973>

◆ ◆ ◆

<Б.Хмельницкому>

Сколько вырвано жал,
Сколько порвано жил!
Свет московский язвил, но терпел.
Год по году бежал,
Жаль, <что> тесть не дожил —
Он бы спел, обязательно спел:

«Внученьки, внученьки,
Машенькина масть!
Во хороши рученьки
Дай вам Бог попасть!»

<начало 1978>

◆ НАБРОСОК ПОСВЯЩЕНИЯ Б.СЕРУШУ ◆

Живет на свете человек
С древнейшим именем Бабек.
.....
Друзьям хорош Бабек Серуш
Дарить богатство ваших душ,
Оно ему ценнее денег.

<лето 1977>

◆ Д.ФИННУ ◆

Ты, Дик, — не дик, ты, Финн, — не финн:
Ты — гордый сын славян-поляков.
Высоцкий счастлив как кретин,
Тебе посланье накалякав.

<лето 1977>

◆ М.БАРЫШНИКОВУ ◆

Схвати судьбу за горло, словно посох,
И па-де-де-держись все гала кряду!
Я въеду в Невский на твоих колёсах,
А ты — пешком пройдёшь по Ленинграду.

<осень 1977 (?)>

◆ К.ЛАСКАРИ ◆

А помнишь, Кира, — Норочка —
Красивая айсорочка... Лафа!
Всего пятерочка,
    И всем нам по плечу.
Теперь ты любишь Ирочку
И маленькую Кирочку,
А я теперь на выручку
    К Мариночке лечу.

<16 июня 1979>

“...в привычные рамки не лез...”

* Я НЕ ЛЮБЛЮ *

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не пою.

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и ещё —
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда — наполовину,
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу,
Или — когда все время против шерсти,
Или — когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой —
Уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, что слово «честь» забыто
И что в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья,
Нет жалости во мне — и неспроста:
Я не люблю насилья и бессилья,
Вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу
И не терплю, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более — когда в нее плюют.

Я не люблю манежи и арены:
На них мильон меняют по рублю.
Пусть впереди большие перемены —
Я это никогда не полюблю!

<конец 1968>

❖ ❖ ❖

Не возьмут и невзгоды в крутой оборот —
Мне плевать на поток новостей:
Мои верные псы сторожат у ворот
От воров и нежданных гостей.

<1969—1970>

◆ ◆ ◆

Надо с кем-то рассорить кого-то,
Только с кем и кого?
Надо сделать трагичное что-то.
Только что, для чего?

Надо выстрадать, надо забыться.
Только в чём и зачем?
Надо как-то однажды напиться.
Только с кем, только с кем?

Надо сделать хорошее что-то.
Для кого, для чего?
Это, может быть, только работа
Для себя самого!

Ну, а что для других, что для многих?
Что для лучших друзей?
А для них — земляные дороги
Души моей!

23 марта 1970

* НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ! *

Нет меня, я покинул Расею!
Мои девочки ходят в соплях.
Я теперь свои семечки сею
На чужих Елисейских полях.

Кто-то вякнул в трамвае на Пресне:
«Нет его, умотал наконец!
Вот и пусть свои чуждые песни
Пишет там про Версальский дворец!»

Слышу сзади — обмен новостями:
«Да не тот, тот уехал — спроси...»
«Ах не тот?!» — и толкают локтями,
И сидят на коленях в такси.

А с которым сидел в Магадане, —
Мой дружок по гражданской войне —
Говорит, что пишу ему: «Ваня!
Скушно, Ваня, — давай, брат, ко мне!»

Я уже попросился обратно —
Унижался, юлил, умолял...
Ерунда! Не вернусь, вероятно!
Потому что я не уезжал.

Кто поверил — тому по подарку, —
Чтоб хороший конец, как в кино:
Забирай Триумфальную арку!
Налетай на заводы Рено!

Я смеюсь, умираю от смеха:
Как поверили этому бреду?!
Не волнуйтесь — я не уехал,
И не надейтесь — я не уеду!

<до июня 1970>

✧ ✧ ✧

Мне в душу ступит кто-то посторонний,
А может, даже плюнет, — что ему?!
На то и существует посторонний
На противоположном берегу.

Он, посторонний, — он поту-сторонний —
По ту, другую сторону от нас...
Ах, если бы он был потусторонний,
Тогда б я был спокойнее <*в*> *сто* <*раз*>.

<до 06.1970>

* * *

Запомню, оставлю в душе этот вечер —
Не встречу с друзьями, не праздничный стол:
Сегодня я сам — самый главный диспетчер,
И стрелки сегодня я сам перевёл.

И так отправляю составы в пустыни,
Где только барханы в горячих лучах, —
Мои поезда не вернутся пустыми,
Пока мой оазис еще не зачах,
еще не зачах.

Свое я отъездил, и даже сверх нормы, —
Стою, вспоминаю, сжимая флажок,
Как мимо меня проносились платформы
И реки с мостами, которые сжег.

И так отправляю составы в пустыни,
Где зной и барханы в горячих лучах, —
Мои поезда не вернутся пустыми,
Пока мой оазис еще не зачах,
еще не зачах.

Они без меня понесутся по миру.
Я рук не ломаю, навзрыд не кричу,
И мне не навяжут чужих пассажиров —
Сажаю в свой поезд, кого захочу.

Итак, отправляю составы в пустыни,
Где зной и барханы в горячих лучах, —
Мои поезда не вернутся пустыми,
Пока мой оазис еще не зачах,
еще не зачах.

Растаяли льды, километры и годы,
Мой первый состав возвратился назад, —

Он мне не привез драгоценной породы,
И рельсы под ним недовольно гудят.

Давай постоим и немного остынем:
Я вижу, в пути ты не встретил реки.
Я сам не поехал с тобой по пустыням —
И вот мой оазис убили пески.

<около 06.1970>

◆ ◆ ◆

Нараспашку — при любой погоде,
Босиком хожу по лужам и росе...
Даже конь мой иноходью ходит,
Это значит — иначе, чем все.

Я иду в строю всегда не в ногу,
Столько раз уже обруган старшиной!
Шаг я прибавляю понемногу —
И весь строй сбивается на мой.

Мой кумир — на рынке зазывалы:
Каждый хвалит только свой товар вразвес.
Из меня не выйдет запевалы —
Я пою с мелодией вразрез.

Знаю, мне когда-то будет лихо —
Мне б заранее могильную плиту, —
На табличке: «Говорите тихо!»
Я второго слова не прочту.

Из двух зол — из темноты и света —
Люди часто выбирают темноту.
Мне с любимой наплевать на это —
Мы гуляем только на свету!

<до июня 1970>

* ПЕСНЯ ПРО ПЕРВЫЕ РЯДЫ *

Была пора — я рвался в первый ряд,
И это всё от недопониманья.
Но с некоторых пор сажусь назад:
Там, впереди, как в спину автомат, —
Тяжёлый взгляд, недоброе дыханье.

Может, сзади и не так красиво,
Но намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И ещё — надежность и обзор.

Стволы глазищ, числом до десяти,
Как дула на мишень, но на живую.
Затылок мой от взглядов не спасти,
И сзади так удобно нанести
Обиду или рану ножевую.

Может, сзади и не так красиво,
Но намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И ещё — надежность и обзор.

Мне вреден первый ряд, и говорят
(От мыслей этих я в ненастье ною) —
Уж лучше — где темней — в последний ряд:
Отсюда больше нет пути назад,
И за спиной стоит стена стеною.

Может, сзади и не так красиво,
Но — намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И ещё — надежность и обзор.

И пусть хоть реки утекут воды,
Пусть будут в пух засалены перины —

До лысин, до седин, до бороды
Не выходите в первые ряды
И не стремитесь в примы-балерины.

Может, сзади и не так красиво,
Но намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И ещё — надежность и обзор.

Надёжно сзади, но бывают дни —
Я говорю себе, что выйду червой:
Не стоит вечно пребывать в тени —
С последним рядом долго не тяни,
А постепенно пробивайся в первый.

Может, сзади и не так красиво,
Но намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И ещё — надежность и обзор.

<до осени 1970>

* МАСКИ *

Смеюсь навзрыд, как у кривых зеркал, —
Меня, должно быть, ловко разыграли,
Крючки носов и до ушей оскал —
Как на венецианском карнавале!

Вокруг меня смыкается кольцо —
Меня хватают, вовлекают в пляску, —
Так-так, моё нормальное лицо
Все, вероятно, приняли за маску.

Петарды, конфетти... Но всё не так, —
И маски на меня глядят с укором, —
Они кричат, что я опять — не в такт,
Что наступаю на ноги партнерам.

Что делать мне — бежать, да поскорей?
А может, вместе с ними веселиться?..
Надеюсь я — под масками зверей
Бывают человеческие лица.

Все в масках, в париках — все, как один, —
Кто — сказочен, а кто — литературен...
Сосед мой слева — грустный арлекин,
Другой — палач, а третий — просто дурень.

Один — себя старался обелить,
Другой — лицо скрывает от огласки,
А кто — уже не в силах отличить
Своё лицо от непременной маски.

Я в хоровод вступаю, хохоча, —
И всё-таки мне неспокойно с ними:
А вдруг кому-то маска палача
Понравится и он её не снимет?

Вдруг арлекин навеки загрустит,
Любуясь сам своим лицом печальным?
Что, если дурень свой дурацкий вид
Так и забудет на лице нормальном?

Как доброго лица не прозевать,
Как честных отличить наверняка мне? —
Все научились маски надевать,
Чтоб не разбить своё лицо о камни.

Я в тайну масок всё-таки проник, —
Уверен я, что мой анализ точен:
Что маски равнодушья у иных —
Защита от заслуженных пощечин.

<осень 1970>

◆ ◆ ◆

Сколько великих выбыло!
Их выбивали нож и отрава...
Что же, на право выбора
Каждый имеет право.

<начало 1971>

* * *

Отпустите мне грехи
мои тяжкие,
Хоть родился у реки
и в рубашке я!
Отпустите мою глотку,
друзья мои, —
Ей ещё и выпить водку,
песни спеть свои.

Други, — вот тебе на! —
что вы знаете,
Вы, как псы кабана,
загоняете...

Только на рассвете кабаны
Очень шибко лютые —
Хуже привокзальной шпаны
И сродни с Малютою.

Отпустите ж вы вихры
мои прелые,
Не ломайте руки вы
мои белые,
Не хлещите вы по горлу,
друзья мои, —
Вам потом тащить покорно
из ямы их!

Други, — вот тебе на!
Руки белые,
Снова словно у пацана,
загорелые...

Вот тебе и ночи, и вихры
Вашего напарника, —

Не имел смолы и махры,
Даже накомарника.

Вот поэтому и сдох,
весь изжаленный,
Вот поэтому и вздох
был печальный...
Не давите вы мне горло,
мои голеньки,
Горло смёрзло, горло спёрло.
Мы — покойники.

Други, — вот тебе на!
То вы знаете —
Мародерами меня
раскопаете.

Знаю я ту вьюгу зимы
Очень шибко лютую!
Жалко, что промёрзнете вы, —
В саван вас укутаю.

<весна 1971>

✧ ✧ ✧

Мне приснился сон, будто я — Наполеон!
Я проснулся весь в поту холодном

<1966, конец>

◆ ◆ ◆

Дурацкий сон, как кистенём,
Избил нещадно.
Невнятно выглядел я в нем
И неприглядно.

Во сне я лгал и предавал,
И льстил легко я...
А я и не подозревал
В себе такое.

Еще сжимал я кулаки
И бил с натугой,
Но мягкой кистию руки,
А не упругой.

Тускнело сновиденье, но
Опять являлось.
Смыкал я веки, и оно
Возобновлялось.

Я не шагал, а семенил
На ровном брусе,
Ни разу ногу не сменил, —
Труси́л и тру́сил.

Я перед сильным лебезил,
Пред злобным гнулся.
И сам себе я мерзок был,
Но не проснулся.

Да это бред — я свой же стон
Слыхал сквозь дрёму.
Но это мне приснился он,
А не другому.

Очнулся я и разобрал
Обрывок стона,
И с болью веки разодрал,
Но облегченно.

И сон повис на потолке
И распластался.
Сон в руку ли? И вот в руке
Вопрос остался.

Я вымыл руки — он в спине
Холодной дрожью.
Что было правдою во сне,
Что было ложью?

Коль это сновиденье — мне
Ещё везенье.
Но если было мне во сне
Ясновиденье?

Сон — отраженье мыслей дня?
Нет, быть не может!
Но вспомню — и всего меня
Перекорёжит.

А после — скажут: « он вполне
Всё знал и ведал!»
Мне будет мерзко, как во сне
В котором предал.

Или — в костер?.. Вдруг нет во мне
Шагнуть к костру сил! —
Мне будет стыдно как во сне,
В котором струсил.

Но скажут мне: «Пой в унисон!
Жми что есть духу!»
И я пойму: вот это сон,
Который в руку.

<лето 1971>

* * *

Я все вопросы освещу сполна —
Дам любопытству удовлетворенье!
Да, у меня француженка жена,
Но русского она происхожденья.

Нет! У меня сейчас любовниц нет.
А будут ли? Пока что не намерен.
Не пью примерно около двух лет.
Запью ли вновь? Не знаю, не уверен.

Да нет, живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около —
Да спрашивайте напрямик!

Я все вопросы освещу сполна,
Как на духу — попу в исповедальне.
В блокноты ваши капает слюна —
Вопросы будут, видимо, о спальне...

Да, так и есть! Вот густо покраснел
Интервьюер: «Вы изменяли жёнам?» —
Как будто за портьеру посмотрел
Иль под кровать залег с магнитофонам.

Да нет, живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около —
Да спрашивайте напрямик!

Теперь я к основному перейду:
Один, стоявший в скромном уголочке,
Спросил: «А что имели вы в виду
В такой-то песне и в такой-то строчке?» —

Ответ: «Во мне Эзоп не воскресал.
В кармане фиги нет — не суетитесь!
А что имел в виду — то написал, —
Вот, вывернул карманы — убедитесь».

Да нет, живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около —
Да спрашивайте напрямик!

<до осени 1971>

* НАДО УЙТИ *

Так дымно, что в зеркале нет отраженья,
И даже напротив не видно лица.
И пары успели устать от круженья, —
И всё-таки я допою до конца.

Все нужные ноты давно
Сыграли,
Сгорело, погасло вино
В бокале.
Минутный порыв говорить
Пропал,
И лучше мне молча допить
Бокал.

Полгода не балует солнцем погода,
И души застыли под коркою льда.
И, видно, напрасно я жду ледохода,
И память не в силах согреть в холода.

Все нужные ноты давно
Сыграли,
Сгорело, погасло вино
В бокале.
Минутный порыв говорить
Пропал,
И лучше мне молча допить
Бокал.

В оркестре играют устало, сбиваясь.
Смыкается круг — не порвать мне кольца!
Спокойно! Мне нужно уйти, улыбаясь.
И всё-таки я допою до конца.

Все нужные ноты давно
Сыграли,

Сгорело, погасло вино
В бокале.
Тусклей, равнодушней оскал
Зеркал,
Нет, лучше мне просто разбить
Бокал!

<осень 1971>

* СЛУЧАЙ *

Мне в ресторане вечером вчера
Сказали с юморком и с этикетом,
Что киснет водка, выдохлась икра,
И что у них — учёный по ракетам.

И, многих помня с водкой пополам,
Не разобрав, что плещется в бокале,
Я, улыбаясь, подходил к столам
И отзывался, если окликали.

Вот он — надменный, словно Ришелье,
Как благородный папа в старом скетче, —
Но это был директор ателье,
И не был засекреченный ракетчик.

Со мной гитара, струны к ней в запас,
И я гордился тем, что тоже в моде.
К науке тяга сильная сейчас,
Но и к гитаре тяга есть в народе.

Я ахнул залпом и разбил бокал.
Мгновенно мне гитару дали в руки.
Я три своих аккорда перебрал.
Запел и за́пил — от любви к науке.

Я пел и думал: вот икра стоит,
А говорят — кеты не стало в реках;
А мой ракетчик где-нибудь сидит
И мыслит в миллионах и в парсеках...

И, обнимая женщину в колье
И сделав вид, что хочет в песни вжиться,
Задумался директор ателье —
О том, что завтра скажет сослуживцам.

Он предложил мне позже на дому,
Успев включить магнитофон в портфеле:
«Давай дружить домами!» Я ему
Сказал: «Давай! Мой дом — твой дом моделей».

И я нарочно разорвал струну
И, утаив, что есть запас в кармане,
Сказал: «Привет! Зайти не премину,
В другой раз, — если будет марсианин».

Я шёл домой под утро, как старик, —
Мне под ноги катились дети с горки,
И аккуратный первый ученик
Шёл в школу получать свои «пятерки».

Ну что ж, мне поделом и по делам —
Лишь первые «пятёрки» получают.
Не надо подходить к чужим столам
И отзываться, если окликают.

<осень 1971>

* * *

Прошла пора вступлений и прелюдий.
Всё хорошо — не вру, без дураков:
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков»...

Быть может, запись слышал из окóн,
А может быть, с детьми ухи не сваришь,
Как знать, — но приобрел магнитофон
Какой-нибудь ответственный товарищ.

И, предаваясь будничной беседе
В кругу семьи, где свет торшера тускл,
Тихонько, чтоб не слышали соседи,
Он взял да и нажал на кнопку «пуск».

И там, не разобрав последних слов
(Прескверный дубль достали на работе),
Услышал он «Охоту на волков»
И кое-что ещё на обороте.

И всё прослушав до последней ноты,
И разозлясь, что слов последних нет,
Он поднял трубку: «Автора "Охоты"
Ко мне пришлите завтра в кабинет!»

Я не хлебнул для храбрости винца,
И, подавляя частую икоту,
С порога — от начала до конца —
Я проорал ту самую «Охоту».

Его просили дети, безусловно,
Чтобы была улыбка на лице, —
Но он меня прослушал благосклонно
И даже аплодировал в конце.

И об стакан бутылкою звеня,
Которую извлек из книжной полки,
Он выпалил: «Да это ж — про меня!
Про нас про всех — какие, к черту, волки!»

...Ну всё, теперь, конечно, что-то будет —
Уже три года в день по пять звонков:
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков».

<конец 1971>

✧ ✧ ✧

Неизвестно одной моей бедной мамане,
Что я с самого детства сижу,
Что держу я какую-то фигу в кармане
И вряд ли её покажу.

<конец 1971>

✧ ✧ ✧

Я загадочен как марсианин,
Я пугливый: чуть что — <и> дрожу.
Но фигу, что держу в кармане,
Не покажу!

<начало 1972>

✧ ✧ ✧

Мажорный светофор, трёхцветье, трио,
Палитро-партитура цвето-нот.
Но где же он, мой «голубой период»?
Мой «голубой период» не придёт!

Представьте, чёрный цвет невидим глазу,
Всё то, что мы считаем чёрным, — серо.
Мы черноты не видели ни разу —
Лишь серость пробивает атмосферу.

И ультрафиолет, и инфракрасный —
Ну, словом, всё, что «чересчур», — не видно, —
Они, как правосудье, беспристрастны,
В них — все равны, прозрачны, стекловидны.

И только красный, жёлтый цвет — бесспорны,
Зелёный — тоже: зелень в хлорофилле.
Поэтому трёхцветны светофоры —
Чтоб проезжали и переходили.

Три этих цвета — в каждом организме,
В любом мозгу, как яркий отпечаток.
Есть, правда, отклоненье в дальтонизме,
Но дальтонизм — порок и недостаток.

Трехцветны музы, но как будто серы,
А «инфра», «ультра» — как всегда, в загоне, —
Гуляют на свободе полумеры,
И «псевдо» ходят как воры́ в законе.

Всё в трёх цветах нашло отображенье,
Лишь изредка меняется порядок.
Три цвета избавляют от броженья —
Незыблемы, как три ряда́ трехрядок.

начало 1972>

◆ ◆ ◆

И сегодня, и намедни —
Только бредни, только бредни,
И третьёго тоже дни
Снова бредни — всё они.

<начало 1972>

* * *

Проложите, проложите
Хоть тоннель по дну реки,
И без страха приходите
На вино и шашлыки,

И гитару приносите,
Подтянув на ней колки, —
Но не забудьте, затупите
Ваши острые клыки.

А когда сообразите —
Все пути приводят в Рим! —
Вот тогда и приходите,
Вот тогда поговорим.

Нож забросьте, камень выньте
Из-за пазухи своей,
И перебросьте, перекиньте
Вы хоть жердь через ручей!

За посев ли, за покос ли
Надо взяться, поспешать, —
А прохлопав, сами после
Локти будете кусать.

Сами будете не рады,
Утром вставши — вот те раз! —
Все мосты через преграды
Переброшены без нас.

Так проложите, проложите
Хоть тоннель по дну реки!
Но не забудьте — затупите
Ваши острые клыки.

<до лета 1972>

* Я К ВАМ ПИШУ *

Спасибо вам, мои корреспонденты,
Все те, кому ответить я не смог,
Рабочие, узбеки и студенты,
Все, кто писал мне письма — дай вам Бог,

Дай Бог вам жизни две,
И друга одного,
И света в голове,
И доброго всего!

Найдя стократно вытертые ленты,
Вы хрип мой разбирали по слогам,
Так дай же Бог, мои корреспонденты,
И сил в руках, да и удачи вам!

Вот пишут: голос мой не одинаков —
То хриплый, то надрывный, то глухой...
И просит население бараков:
«Володя! Ты не пой за упокой!»

Но что поделать, — я и впрямь не звонок:
Звенят другие, я — хриплю слова.
Обилие некачественных плёнок
Вредит мне даже больше, чем молва.

Вот спрашивают: «Попадал ли в плен ты?»
Нет, не бывал — не воевал ни дня.
Спасибо вам, мои корреспонденты,
Что вы неверно поняли меня!

Друзья мои, — жаль, что не боевые, —
От моря, от станка и от сохи,
Спасибо вам за присланные злые
И даже неудачные стихи.

Вот я читаю: «Вышел ты из моды.
Сгинь, сатана, изыди, хриплый бес!
Как глупо, что не месяцы, а годы
Тебя превозносили до небес!»

Еще письмо: «Вы умерли от водки?»
Да, правда, умер, — но потом воскрес.
«А каковы доходы Ваши, всё-таки?»
За песню — «трешник». — «Вы же просто крез!»

Ах, письма высочайшего пошиба:
Идите, мол, на Темзу и на Нил!..
Спасибо, люди добрые, спасибо,
Что не жалели ночи и чернил.

Но только я уже бывал на Темзе,
Собакою на сене восседал!
Я не грублю, но отвечаю тем же.
А писем до конца не дочитал.

И ваши похвалы и комплименты,
Авансы мне — не отфутболю я:
От ваших строк, мои корреспонденты,
Прямеет путь и сохнет колея.

Сержанты, моряки, интеллигенты,
Простите, что не каждому ответ, —
Я вам пишу, мои корреспонденты,
Ночами песни вот уж десять лет.

<конец 1972>

◆ ◆ ◆

Я бодрствую, но вещий сон мне снится.
Пилюли пью — надеюсь, что усну.
Не привыкать глотать мне горькую слюну:
Организации, инстанции и лица
Мне объявили явную войну —
За то, что я нарушил тишину,
За то, что я хриплю на всю страну,
Затем, чтоб доказать — я в колесе не спица,
За то, что мне неймётся, и за то, что мне не спится,
За то, что в передачах заграница
Передаёт блатную старину,
Считая своим долгом извиниться:
«Мы сами, без согласья...» —Ну и ну!
За что ещё? Быть может, за жену —
Что, мол, не мог на нашей подданной жениться,
Что, мол, упрямо лезу в капстрану
И очень не хочу идти ко дну,
Что песню написал, и не одну,
Про то, как мы когда-то били фрица,
Про рядового, что на дзот валится,
А сам — ни сном ни духом про войну.
Кричат, что я у них украл луну
И что-нибудь еще украсть не премину.
И небылицу догоняет небылица.
Не спится мне... Ну, как же мне не спиться!
Нет, не сопьюсь, — я руку протяну
И завещание крестом перечеркну,
И сам я не забуду осениться,
И песню напишу, и не одну,
И в песне я кого-то прокляну,
Но в пояс не забуду поклониться
Всем тем, кто написал, чтоб я не смел ложиться!
Пусть даже горькую пилюлю заглону.

<март 1973>

* Я ИЗ ДЕЛА УШЕЛ *

Я из дела ушёл, из такого хорошего дела!
Ничего не унёс — отвалился в чём мать родила.
Не затем, что приспичило мне, — просто время приспело,
Из-за синей горы понагнало другие дела.

Мы многое из книжек узнаём,
А истины передают изустно:
«Пророков нет в отечестве своём»,
Но и в других отечествах — не густо...

Растащили меня, но я счастлив, что львиную долю
Получили лишь те, кому я б её отдал и так.
Я по скользкому полу иду, каблуки канифолю,
Подымаюсь по лестнице и прохожу на чердак.

Пророков нет — не сыщешь днём с огнём:
Ушли и Магомет, и Заратустра.
Пророков нет в отечестве моём,
Да и в других отечествах — не густо...

А внизу говорят — от добра ли, от зла ли, не знаю:
«Хорошо, что ушёл, без него стало дело верней».
Паутину в углу с образов я ногтями сдираю, —
Тороплюсь, потому что за домом седлают коней.

Открылся лик — я встал к нему лицом,
И он поведал мне светло и грустно:
«Пророков нет в отечестве твоём,
Но и в других отечествах — не густо...»

Я влетаю в седло, я врастаю в коня — тело в тело, —
Конь падёт подо мной — я уже закусил удила.
Я из дела ушёл, из такого хорошего дела!
Из-за синей горы понагнало другие дела.

Скачу, хрустят колосья под конём,
Но ясно различимо из-за хруста:
«Пророков нет в отечестве своём,
Но и в других отечествах — не густо...»

<весна 1973>

◆ ◆ ◆

Жил-был один чудак,
Он как-то раз, весной,
Сказал чуть-чуть не так —
И стал невыездной.

А может, что-то спел не то
По молодости лет,
А может, выпил два по сто
С кем выпивать не след.

Письмо он отправлял
Простым и заказным,
И не подозревал,
Что стал невыездным.

Да и не собирался он
На выезд никуда —
К друзьям лишь ездил на поклон
В другие города.

На сплетни он махнул
Свободною рукой, —
Сидел и в ус не дул
Чудак невыездной.

С ним вежливы — не вы! — везде
Без спущенных забрал,
Подписку о невыезде
Никто с него не брал.

Он в карточной игре
Зря гнался за игрой —
Всегда без козырей
И вечно «без одной».

И жил он по пословице:
Хоть эта масть не та —
Всё скоро обеззлобится
И встанет на места.

И он пером скрипел —
То злее, то добрей, —
Писал себе и пел
Про всяческих зверей:

Что, мол, приплыл гиппопотам
С Египта в Сомали —
Хотел обосноваться там,
Но высох на мели.

И строки те прочлись
Кому-то поутру —
И, видимо, пришлись
С утра не по нутру.

Должно быть, между строк прочли,
Что бегемот — не тот,
Что Сомали — не Сомали,
Что всё наоборот.

Прочли, от сих до всех
Разрыв и перерыв,
Закрыли это в сейф,
И все — на перерыв.

Чудак пил кофе натощак —
Такой же заводной, —
Но для кого-то был чудак
Уже невыездной.

Пришла пора — а то
Он век бы не узнал,

Что он — совсем не то,
За что себя считал.

И после нескольких атак,
В июльский летний зной
Ему сказали: «Ты, чудак,
Давно невыездной!»

Другой бы, может, и запил,
А он — махнул рукой!
Что я? Когда и Пушкин был
Всю жизнь невыездной!

<апрель — май 1973>

◆ ◆ ◆

Когда я отпою и отыграю,
Где кончу я, на чём — не угадать.
Но лишь одно, наверное, я знаю —
Мне будет не хотеться умирать.

Посажен на литую цепь почета,
И звенья славы мне не по зубам...
Эй! Кто стучит в дубовые ворота
Костяшками по кованым скобам?!

[Ответа нет]. Но там стоят, я знаю,
Кому не так страшны цепные псы, —
И вот над изгородью замечаю
Знакомый серп отточенной косы.

...Я перетру серебряный ошейник
И золотую цепь перегрызу,
Перемахну забор, ворвусь в репейник,
Порву бока — и выбегу в грозу!

<апрель — май 1973>

❖ Я НЕ УСПЕЛ ❖
(Тоска по романтике)

Болтаюсь сам в себе, как камень в торбе,
И силюсь разорваться на куски,
Придав своей тоске значенье скорби,
Но сохранив загадочность тоски.

Свет Новый не единожды открыт,
А Старый — весь разбили на квадраты.
К ногам упали тайны пирамид,
К чертям пошли гусары и пираты.

Пришла пора всезнающих невежд,
Всё выстроено в стройные шеренги.
За новые идеи платят деньги,
И больше нет на «эврику» надежд.

Все мои скалы ветры гладко выбрили,
Я опоздал ломать себя на них.
Всё золото моё в Клондайке выбрали,
Мой чёрный флаг в безветрии поник.

Под илом сгнили сказочные струги,
И могикан последних замели.
Мои контрабандистские фелюги
Худые ребра сушат на мели.

Висят кинжалы добрые в углу
Так плотно в ножнах, что не втиснусь между.
Смолёный плот — последнюю надежду —
Волна в щепы разбила об скалу.

Вон из рядов мои партнеры выбыли,
У них сбылись гаданья и мечты.
Все крупные очки они повыбили
И за собою подожгли мосты.

Азартных игр теперь наперечёт,
Авантюристов всех мастей и рангов.
По прериям пасут домашний скот,
Там кони пародируют мустангов.

И состоялись все мои дуэли,
Где б я почёл участие за честь.
Там вызвать и явиться — всё успели,
Всё предпочли, что можно предпочесть.

Спокойно обошлись без нашей помощи
Все те, кто дело сделали моё.
И по щекам отхлестанные сволочи
Бессовестно ушли в небытиё.

Я не успел произнести: «К барьеру!»,
А я за залп в Дантеса всё отдам.
Что мне осталось? Разве красть химеру
С туманного собора Нотр-Дам?

В других веках, годах и месяцах
Все женщины мои отжить успели.
Позанимали все мои постели,
Где б я хотел любить — и так, и в снах.

Захвачены все мои одра смертные,
Будь это снег, трава иль простыня.
Заплаканные сестры милосердия
В госпиталях обмыли не меня.

Мои друзья ушли сквозь решето.
Им всем досталась Лета или Прана.
Естественною смертию — никто,
Все противоестественно и рано.

Иные жизнь закончили свою,
Не осознав вины, не скинув платья,

И, выкрикнув хвалу, а не проклятья,
Спокойно чашу выпили сию.

Другие знали, ведали и прочее...
Но все они на взлете, в нужный год
Отплавали, отпели, отпророчили.
Я не успел, я прозевал свой взлёт.

<апрель — май 1973>

* * *

Штормит весь вечер, и пока
Заплаты пенные латают
Разорванные швы песка —
Я наблюдаю свысока,
Как волны головы ломают.

И я сочувствую слегка
Погибшим, но — издалека.

Я слышу хрип и смертный стон,
И ярость, что не уцелели, —
Еще бы, взять такой разгон,
Набраться сил, пробить заслон —
И голову сломать у цели!

И я сочувствую слегка
Погибшим, но — издалека.

А ветер снова в гребни бьёт
И гривы пенные ерошит.
Волна барьера не возьмёт,
Ей кто-то ноги подсечёт —
И рухнет взмыленная лошадь.

И посочувствуют слегка
Погибшей ей, — издалека.

Придёт и мой черёд вослед:
Мне дуют в спину, гонят к краю.
В душе — предчувствие как бред, —
Что надломлю себе хребет
И тоже голову сломаю.

Мне посочувствуют слегка —
Погибшему — издалека.

Так многие сидят в веках
На берегах — и наблюдают
Внимательно и зорко, как
Другие рядом на камнях
Хребты и головы ломают.

Они сочувствуют слегка
Погибшим — но издалека.

<весна — лето 1973>

✧ ✧ ✧

I.

Копошатся — а мне невдомёк:
Кто, зачем, по какому указу?
То друзей моих пробуют нá зуб,
То цепляют меня на крючок.

Но, Боже, как же далеки
Мы от общенья человечьего,
Где объяснения легки:
Друзья мои на вкус — горьки,
На зуб — крепки и велики.
Ну а во мне цеплять-то нечего.

Ведь хлопотно и не с руки:
Послушай, брось, — куда, мол, лезешь-то?!
Друзья мои на зуб — крепки.
Ну а меня цеплять-то не за что.

Только, кажется, не отойдут,
Сколько ни напрягайся, ни пыжься.
Подступают, надеются, ждут,
Что оступишься — проговоришься.

Я известностью малость затаскан,
Но от славы избавился сразу б.
Я был кем-то однажды обласкан,
Так что зря меня пробуют нá зуб.

За друзьями крадётся сквалыга
Просто так — ни за что, ни про что.
Ах! Приятель, играл бы в лото!
В мой карман, где упрятана фига,
Из знакомых не лазил никто.

И какой-то зелёный сквалыга
Под дождём в худосочном пальто
Нагло лезет в карман, [торопыга], —
В тот карман, где запрятана фига,
О которой не знает никто.

II.

Знать бы всё — до конца бы и сразу б
Про измену, тюрьму и рачок!
Но... друзей моих пробуют на́ зуб,
Но... цепляют меня на крючок.

III.

Ублажаю ли душу романсом
Или грустно пою про тюрьму, —
Кто-то рядом звучит диссонансом,
Только кто — не пойму.

IV.

Узнаю́ и в пальто, и в плаще их,
Различаю у них голоса, —
Ведь направлены ноздри ищеек
На забытые мной адреса.

<1974—1975>

◆ СЕДЬМАЯ СТРУНА ◆

Ах, порвалась на гитаре струна,
Только седьмая струна!
Там, где тонко, там и рвётся жизнь,
Хоть сама ты на лады ложись.

Я исчезну — и звукам не быть.
Больно, коль станут аккордами бить
Руки, пальцы чужие по мне —
По седьмой, самой хрупкой струне.

<1975>

◆ ◆ ◆

Ах, откуда у меня грубые замашки?!
Походи с моё, поди даже не пешком...
Меня мама родила в сахарной рубашке,
Подпоясала меня красным ремешком.

Дак откуда у меня хмурое надбровье?
От каких таких причин белые вихры?
Мне папаша подарил бычее здоровье
И в головушку вложил не «хухры-мухры».

Начинал мытьё моё с Сандуновских бань я, —
Вместе с пóтом выгонял злое недобро.
Годен — в смысле чистоты и образованья,
Тут и голос должен быть — чисто серебро.

Пел бы ясно я тогда, пел бы я про шали,
Пел бы я про самое главное для всех,
Все б со мной здоровкались, всё бы мне прощали,
Но не дал Бог голоса, — нету, как на грех!

Но воспеть-то хочется, да хотя бы шали,
Да хотя бы самое главное и *то*!
И кричал со всхрипом я — люди не дышали,
И никто не морщился, право же, никто!

От ко<го> же сон такой, да враньё да хаянье?
Я всегда имел в виду мужиков, не дам.
Вы же слушали меня, затаив дыханье,
И теперь ханыжите — только я не дам.

Был раб Божий, нёс свой крест, были у раба вши.
Отрубили голову — испугались вшей.
Да поплакав, разошлись, солоно хлебавши,
И детишек не забыв вытолкать взашей.

<1976>

◆ ◆ ◆

Меня опять ударило в озноб,
Грохочет сердце, словно в бочке камень.
Во мне живет мохнатый злобный жлоб
С мозолистыми цепкими руками.

Когда мою заметив маету,
Друзья бормочут: «Снова загуляет», —
Мне тесно с ним, мне с ним невмоготу!
Он кислород вместо меня хватает.

Он не двойник и не второе «я»,
Все объясненья выглядят дурацки, —
Он плоть и кровь — дурная кровь моя —
Такое не приснится и Стругацким.

Он ждет, когда закончу свой виток,
Моей рукою выведет он строчку, —
И стану я расчетлив и жесток
И всех продам — гуртом и в одиночку.

Я оправданья вовсе не ищу, —
Пусть жизнь уходит, ускользает, тает.
Но я себе мгновенья не прощу,
Когда меня он вдруг одолевает.

И я собрал еще остаток сил,
Теперь его не вывезет кривая:
Я в глотку, в вены яд себе вгоняю —
Пусть жрет, пусть сдохнет — я перехитрил.

<до апреля 1979>

◆ ◆ ◆

Мой черный человек в костюме сером!..
Он был министром, домуправом, офицером,
Как злобный клоун он менял личины
И бил под дых, внезапно, без причины.

И, улыбаясь, мне ломали крылья,
Мой хрип порой похожим был на вой,
И я немел от боли и бессилья
И лишь шептал: «Спасибо, что живой».

Я суеверен был, искал приметы,
Что мол, пройдет, терпи, все ерунда...
Я даже прорывался в кабинеты
И зарекался: «Больше — никогда!»

Вокруг меня кликуши голосили:
«В Париж мотает, словно мы в Тюмень, —
Пора такого выгнать из России!
Давно пора, — видать, начальству лень».

Судачили про дачу и зарплату:
Мол, денег прорва, по ночам кую.
Я все отдам — берите без доплаты
Трехкомнатную камеру мою.

И мне давали добрые советы,
Чуть свысока похлопав по плечу,
Мои друзья — известные поэты:
Не стоит рифмовать «кричу — торчу».

И лопнула во мне терпенья жила —
И я со смертью перешел на «ты»,
Она давно возле меня кружила,
Побаивалась только хрипоты.

Я от суда скрываться не намерен:
Коль призовут — отвечу на вопрос.
Я до секунд всю жизнь свою измерил
И худо-бедно, но тащил свой воз.

Но знаю я, что лживо, а что свято, —
Я это понял все-таки давно.
Мой путь один, всего один, ребята, —
Мне выбора, по счастью, не дано.

<до апреля 1979>

◆ ◆ ◆

Мне скулы от досады сводит:
Мне кажется который год,
Что там, где я, — там жизнь проходит,
А там, где нет меня, — идёт.

А дальше — больше, — каждый день я
Стал слышать злые голоса:
«Где ты — там только наважденья,
Где нет тебя — всё чудеса.

Ты только ждешь и догоняешь,
Врешь и боишься не успеть,
Смеешься меньше ты, и знаешь,
Ты стал разучиваться петь...

Как дым твои ресурсы тают,
И сам швыряешь все подряд.
Зачем? Где ты — там не летают,
А вот, где нет тебя, — парят».

Я верю крику, вою, лаю,
Но все-таки, друзей любя,
Дразня врагов, — я не кончаю
С собой в побеге от себя.

Живу, не ожидаю чуда,
Но пухнут жилы от стыда:
Я каждый раз хочу отсюда
Сбежать куда-нибудь туда!

Хоть все пропой, протарабань я,
Хоть всем хоть голым покажись!
Пустое все: здесь — прозябанье,
А где-то там — такая жизнь!..

Фартило мне, земля вертелась,
И, взявши пары три белья,
Я — шасть! — и там. Но вмиг хотелось
Назад, откуда прибыл я.

◆ ◆ ◆

Я спокоен — Он мне всё поведал.
«Не таись!» — велел. И я скажу.
Кто меня обидел или предал,
Покарает Тот, кому служу.

Не знаю, как: ножом ли под ребро,
Или сгорит их дом и все добро,
Или сместят, сомнут, лишат свободы...
Когда? Опять не знаю, — через годы
Или теперь. А может быть — уже...
Судьбу не обойти на вираже
И на кривой на вашей не объехать,
Напропалую тоже не протечь. А я?
Я — что! Спокоен я, по мне — хоть
Побей вас камни, град или картечь.

<осень 1979>

❖ ❖ ❖

Мог бы быть я при теще, при тесте,
Только их и в живых уже нет.
А Париж? Что Париж! Он на месте.
Он уже восхвален и воспет.

Он стоит как стоял, он и будет стоять,
Если только опять не начнут шутковать,
Ибо шутка в себе ох как много таит.
А пока что Париж как стоял, так стоит.

<весна 1980>

◆ ДВЕ ПРОСЬБЫ ◆

М.Шемякину — другу и брату — посвящен сей полуэкспромт.

I

Мне снятся крысы, хоботы и черти. Я
Гоню их прочь, стеная и браня,
Но вместо них я вижу виночерпия,
Он шепчет: «Выход есть — к исходу дня
Вина! И прекратится толкотня,
Виденья схлынут, сердце и предсердия
Отпустят, и расплавится броня!»
Я — снова — я, и вы теперь мне верьте, я
Немного прошу взамен бессмертия, —
Широкий тракт, холст, друга, да коня,
Прошу покорно, голову склоня:
Побойтесь Бога, если не меня,
Не плачьте вслед, во имя Милосердия!

II

Чту Фауста ли, Дориана Грея ли,
Но чтобы душу дьяволу — ни-ни!
Зачем цыганки мне гадать затеяли?
День смерти уточнили мне они...
Ты эту дату, Боже, сохрани, —
Не отмечай в своем календаре или
В последний миг возьми и измени,
Чтоб я не ждал, чтоб вороны не реяли
И чтобы агнцы жалобно не блеяли,
Чтоб люди не хихикали в тени.
От них от всех, о, Боже, охрани
Скорее, ибо душу мне они
Сомненьями и страхами засеяли!

1 июня 1980

* ПАМЯТНИК *

Я при жизни был рослым и стройным,
Не боялся ни слова, ни пули
И в привычные рамки не лез.
Но с тех пор, как считаюсь покойным, —
Охромили меня и согнули,
К пьедесталу прибив ахиллес.

Не стряхнуть мне гранитного мяса
И не вытащить из постамента
Ахиллесову эту пяту,
И железные ребра каркаса
Мертво схвачены слоем цемента —
Только судороги по хребту.

Я хвалился косою саженью:
Нате, смерьте!
Я не знал, что подвергнусь суженью
После смерти.
Но в привычные рамки я всажен, —
На́ спор вбили,
А косую неровную сажень
Распрямили.

И с меня, когда взял я да умер,
Живо маску посмертную сняли
Расторопные члены семьи,
И не знаю, кто их надоумил, —
Только с гипса вчистую стесали
Азиатские скулы мои.

Мне такое не мнилось, не снилось,
И считал я, что мне не грозило
Оказаться всех мертвых мертвей, —
Но поверхность на слепке лоснилась,

И могильною скукой сквозило
Из беззубой улыбки моей.

Я при жизни не клал тем, кто хищный,
В пасти палец.
Подойти ко мне с меркой обычной
Опасались.
Но по снятии мерки посмертной —
Тут же в ванной —
Гробовщик подошёл ко мне с меркой
Деревянной.

А потом, по прошествии года, —
Как венец моего исправленья —
Крепко сбитый, литой монумент
При огромном скопленьи народа
Открывали под бодрое пенье, —
Под моё — с намагниченных лент.

Тишина надо мной раскололась —
Из динамиков хлынули звуки,
С крыш ударил направленный свет,
Мой отчаяньем сорванный голос
Современные средства науки
Превратили в приятный фальцет.

Я немел, в покрывало упрятан, —
Все там будем! —
Я орал в то же время кастратом
В уши людям.
Саван сдернули — как я обужен! —
Нате смерьте!
Неужели такой я вам нужен
После смерти?!

Командора шаги злы и гулки!
Я решил: как во времени оном,

Не пройтись ли по плитам звеня?
И шарахнулись толпы в проулки,
Когда вырвал я ногу со стоном
И осыпались камни с меня.

Накренился я — гол, безобразен, —
Но и падая, вылез из кожи,
Дотянулся железной клюкой,
И, когда уже грохнулся наземь,
Из разодранных рупоров всё же
Прохрипел я похоже: «Живой!»

И паденье меня и согнуло,
И сломало,
Но торчат мои острые скулы
Из металла!
Не сумел я, как было угодно —
Шито-крыто.
Я, напротив, — ушёл всенародно
Из гранита.

<начало 1973>

“... пока еще в грунт не влежалась плита...”

* * *

Мне судьба — до последней черты, до креста,
Спорить — до хрипоты, а за ней — немота,
Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что не то это вовсе, не тот и не та!
Что лабазники врут про ошибки Христа,
Что пока еще в грунт не влежалась плита,
Что под властью татар жил Иван Калита,
И что был не один, кто один против ста.
Пусть не враз, пусть сперва не поймут ни черта, —
Повторю, даже в образе злого шута!..
Но не стоит предмет, да и тема не та,
Суета всех сует — все равно суета.

Только чашу испить не успеть на бегу,
Даже если разлить — все равно не смогу.
Или выплеснуть в наглую рожу врагу, —
Не ломаюсь, не лгу — не могу. Не могу!
На вертящемся гладком и скользком кругу
Равновесье держу, изгибаюсь в дугу.
Что же с чашею делать — разбить? Не могу!
Потерплю — и достойного подстерегу,
Передам — и не надо держаться в кругу
И в кромешную тьму, и в неясную згу,
Другу передоверивши чашу, сбегу.
Смог ли он ее выпить — узнать не смогу.
Я с сошедшими с круга пасусь на лугу,
Я о чаше невыпитой здесь ни гугу, —
Никому не скажу, про себя сберегу.
А сказать — и затопчут меня на лугу.

Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу!
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
И веселый манер, на котором шучу.

Даже если сулят золотую парчу
Или порчу грозят напустить — не хочу!
На ослабленном нерве я не зазвучу —
Я уж свой подтяну, подновлю, подвинчу.
Лучше я загуляю, запью, заторчу!
Всё, что ночью крапаю, — в чаду растопчу.
Лучше голову песне своей откручу,
Чем скользить и вихлять, словно пыль по лучу.

<осень 1977>

* ПЕСНЯ МУЖИКОВ *
ИЗ СПЕКТАКЛЯ «ПУГАЧЕВ»

«Андрей, Кузьма!»
«А что, Максим?»
«Чего стоймя
Стоим глядим?

Вопрос не прост,
И не смекнём:
Зачем помост
И что на нём?»

«Нет, без хмельного не понять!
Пойти бутыль побольше взять?
И-их! На троих!
А ну их! На троих!
На троих, так на троих,
И-их, и-их!..»

«Андрей! Кузьма!»
«А что, Максим?»
«Чего стоймя
Опять стоим?

Теперя вовсе
Не понять:
И тут висять,
И там висять!»

«Но был же Пётр?!»
«Тот был сперва!»
«Нет, не пойдёт
У нас стрезва!»

«Кузьма!» — «Готов!»
«Тащи-ка штоф!»

«Нет, на троих не пойдёт,
На троих не возьмёт».

«Чего же ждём,
Давай вдвоём?
И-их! На двоих!
На двоих, так на двоих!
И-их, и-их!..»

«Кузьма! Кузьма!
Чего ты там?
Помрёшь глядеть,
Ходи-ка к нам!

Теперя вот,
Теперя вот
И на двоих-то
Не возьмёт.

Хрипят, орут! А ну его!
Давай, дави на одного!
И-их! А ну их!
Пей, пой, не робей!
Не робей, так не робей!..
Воробей!
Соловей!
Пташечка! Канареечка жалобно поёт!!!»

<1967, до декабря>

* КУПОЛА РОССИЙСКИЕ *

Михаилу Шемякину

Как засмотрится мне нынче, как задышится!
Воздух крут перед грозой — крут да вязок.
Что споётся мне сегодня, что услышится?
Птицы вещие поют — да все из сказок!

Птица Сирин мне радостно скалится —
Веселит, зазывает из гнёзд.
А напротив — тоскует, печалится,
Травит душу чудной Алконост.

Словно семь заветных струн
Зазвенели в свой черёд —
Это птица Гамаюн
Надежду подаёт!

В синем небе, колокольнями проколотом,
Медный колокол, медный колокол
То ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют чистым золотом,
Чтобы чаще Господь замечал...

Я стою, как перед вечною загадкою,
Пред великою да сказочной страною —
Перед солоно да горько-кисло-сладкою,
Голубою, родниковою, ржаною.

Грязью чавкая, жирной да ржавою,
Вязнут лошади по стремена,
Но влекут меня сонной державою,
Что раскисла, опухла от сна.

Словно семь богатых лун
На пути моем встаёт —

То мне птица Гамаюн
Надежду подаёт.

Душу, сбитую утратами да тратами,
Душу, стёртую перекатами,
Если до́ крови лоскут истончал,
Залатаю золотыми я заплатами,
Чтобы чаще Господь замечал...

<конец 1975>

✧ ✧ ✧

Мне, может, крикнуть хочется, как встарь:
«Привет тебе, надёжа-государь!»
Да некому руки поцеловать.
Я не кричу, я думаю: не ври!
Уже перевелись государи́
Да не́ на что, не на́ что уповать.

<осень 1975>

* РАЗБОЙНИЧЬЯ *

Как во смутной волости
Лютой, злой губернии
Выпадали мо́лодцу
Всё шипы да тернии.

Он обиды зачерпнул, зачерпнул
Полные пригоршни,
Ну а горе, что хлебнул, —
Не бывает горше.

Пей отраву, хоть залейся!
Благо, денег не берут.
Сколь верёвочка ни вейся —
Всё равно совьёшься в кнут!

Гонит неудачников
По́ миру с котомкою.
Жизнь текёт меж пальчиков
Паутинкой тонкою.

А которых повело, повлекло
По лихой дороге —
Тех ветрами сволокло
Прямиком в остроги.

Тут на милость не надейся —
Стиснуть зубы да терпеть!
Сколь верёвочка ни вейся —
Всё равно совьёшься в плеть!

Ах, лихая сторона,
Сколь в тебе ни рыскаю —
Лобным местом ты красна
Да верёвкой склизкою!..

А повешенным сам дьявол-сатана
Голы пятки лижет.
Смех, досада, мать честна! —
Ни пожить, ни выжить!

Ты не вой, не плачь, а смейся —
Слёз-то нынче не простят.
Сколь верёвочка ни вейся —
Всё равно укоротят!

Ночью думы муторней.
Плотники не мешкают —
Не успеть к заутренней:
Больно рано вешают.

Ты об этом не жалей, не жалей, —
Что тебе отсрочка?
На верёвочке твоей
Нет ни узелочка.

Лучше ляг да обогрейся —
Я, мол, казни не просплю...
Сколь верёвочка ни вейся —
А совьёшься ты в петлю!

<конец 1975>

* ВРЕМЕННЫЕ, СЛАЗЬ! *

Войны и голодухи натерпелися мы всласть,
Наслушались, наелись заверений
И скинули царя, а после временную власть,
Потому что кончилось их время.

А если кто-то где-нибудь надеется на что,
Так мы тому заметим между прочим:
Обратно ваше время не вернется ни за что —
Мы как-нибудь об этом похлопочем.

Нам вовсе не ко времени вся временная власть —
Отныне власть Советская над всеми.
Которые тут временные? Слазь! А ну-ка, слазь!
Кончилось ваше время!

<1965, до 2 февраля>

* ПЕСНЯ МАТРОСА *

Всю Россию до границы
Царь наш кровью затопил,
А жену свою — царицу —
Колька Гришке уступил.

За нескладуху-неладуху —
Сочинителю по уху!
Сочинитель это я,
А часового бить нельзя!

<1965, до 2 февраля>

* * *

В куски
Разлетелася корона,
Нет державы, нету трона.
Жизнь, Россия и законы —
Всё к чертям!
И мы —
Словно загнанные в норы,
Словно пойманные воры, —
Только кровь одна с позором
Пополам.

И нам
Ни черта не разобраться —
С кем порвать и с кем остаться,
Кто за нас, кого бояться,
Где пути, куда податься — не понять.
Где дух?
Где честь?
Где стыд?
Где свои, а где чужие,
Как до этого дожили,
Неужели на Россию нам плевать?
Позор
Всем, кому покой дороже,
Всем, кого сомненье гложет,
Может он или не может
Убивать!
Сигнал!..
И по-волчьи, и по-бычьи,
И — как коршун на добычу —
Только воронов покличем
Пировать.

Эй вы!
Где былая ваша твердость?

Где былая наша гордость?
Отдыхать сегодня — подлость!
Пистолет сжимает твёрдая рука.
Конец!
Всему
Конец!
Всё разбилось, поломалось,
Нам осталась только малость —
Только выстрелить в висок иль во врага.

<1965, до 2 февраля>

* ПОЖАРЫ *

Пожары над страной все выше, жарче, веселей,
Их отблески плясали в два притопа, три прихлопа,
Но вот Судьба и Время пересели на коней,
А там — в галоп, под пули в лоб,
И мир ударило в озноб
От этого галопа.

Шальные пули злы, слепы и бестолковы,
А мы летели вскачь, они за нами — влет.
Расковывались кони, и горячие подковы
Летели в пыль на счастье тем, кто их потом найдет.

Увертливы поводья, словно угри,
И спутаны и волосы, и мысли на бегу,
Но ветер дул и расплетал нам кудри,
И распрямлял извилины в мозгу.

Ни бегство от огня, ни страх погони — ни при чем,
А Время подскакало, и Фортуна улыбалась,
И сабли седоков скрестились с солнечным лучом,
Седок — поэт, а конь — Пегас.
Пожар померк, потом погас,
А скачка разгоралась.

Еще не видел свет подобного аллюра —
Копыта били дробь, трезвонила капель,
Помещанная на крови слепая пуля-дура
Прозрела, поумнела вдруг и чаще била в цель.

И кто кого — азартней перепляса,
И кто скорее — в этой скачке опоздавших нет,
А ветер дул, с костей сдувая мясо
И радуя прохладою скелет.

Удача впереди и исцеление больным,
Впервые скачет Время напрямую — не по кругу.
Обещанное Завтра будет горьким и хмельным.
Светло скакать — врага видать
И друга тоже — благодать!
Судьба летит по лугу!

Доверчивую Смерть вкруг пальца обернули,
Замешкалась она, забыв махнуть косой.
Уже не догоняли нас и отставали пули,
Удастся ли умыться нам не кровью, а росой?

Пел ветер все печальнее и глуше,
Навылет Время ранено, досталось и Судьбе.
Ветра и кони — и тела и души
Убитых выносили на себе.

<1977>

• ПЕСНЯ САНЬКИ •

У моря, у порта живёт одна девчонка —
Там моряков до чёрта из дальних разных стран,
загадочных стран.
И все они едва ли девчонку эту знали,
Одни не замечали:
Мол, не было печали,
Ну, а другим, кто пьян,
Скорее бы — стакан.

Подруга, блондинка, та, что живёт у рынка,
Как день, так вечеринка, — веселье там и смех,
веселье и смех,
А тихая девчонка, хоть петь умела звонко,
К подруге не ходила —
Ей не до песен было, —
Веселье и успех
В почёте не у всех.

Манеры, поклоны, мегеры и матроны,
Красавчики пижоны — до них ей далеко,
до них далеко,
Ей не до поцелуев — ведь надо бить буржуев!
И надо бить, заметьте,
На всем на белом свете —
И будет всем легко,
И будет всем легко.

<1967, до 10 сентября>

* ПЕСНЯ БРОДСКОГО *

Как все мы веселы бываем и угрюмы!
Но если надо выбирать и выбор труден —
Мы выбираем деревянные костюмы,
Люди, люди.

Нам будут долго предлагать не прогадать:
«Ах, — скажут, — что вы, вы ещё не жили!
Вам надо только-только начинать...»
Ну, а потом предложат: или — или.

Или — пляжи, вернисажи, или даже
Пароходы, в них наполненные трюмы,
Экипажи, скачки, рауты, вояжи,
Или просто — деревянные костюмы.

И будут веселы они или угрюмы,
И будут в роли злых шутов и добрых судей,
Но нам предложат деревянные костюмы,
Люди, люди.

Нам даже могут предложить и закурить:
«Ах, — вспомнят, — вы ведь долго не курили.
Да вы ещё не начинали жить...»
Ну, а потом предложат: или — или.

Дым папиросы навевает что-то.
Одна затяжка — веселее думы.
Курить охота, ох, как курить охота!
Но надо выбрать деревянные костюмы.

И будут вежливы и ласковы настолько —
Предложат жизнь счастливую на блюде.
Но мы откажемся. И бьют они жестоко,
Люди, люди...

<1967, до 10 сентября>

✧ ✧ ✧

Вагоны не обедают,
Им перерыва нет.
Вагоны честно бегают
По лучшей из планет.

Вагоны всякие,
Для всех пригодные.
Бывают мягкие,
Международные.

Вагон опрятненький,
В нём нету потненьких,
В нём всё — десятники
И даже сотники.

Ох, степь колышется!
На ней — вагончики.
Из окон слышится:
«Мои лимончики!..»

Лежат на полочке
Мешки-баллончики.
У каждой сволочи
Свои вагончики.

Порвёшь животики
На аккуратненьких! —
Вон едут сотники
Да на десятниках!

Многосемейные
И просто всякие —
Войдут в купейные
И даже в мягкие.

А кто с мешком — иди
По шпалам в ватнике.

Как хошь — пешком иди,
А хошь — в телятнике.

На двери нулики —
Смердят вагончики.
В них едут жулики
И самогонщики.

А вот теплушка та —
Прекрасно, душно в ней, —
На сорок туш скота
И на сто душ людей.

Да в чём загвоздка-то?
Бей их дубиною!
За одного скота —
Двух с половиною.

А ну-ка, кончи-ка,
Гармонь хрипатая!
Вон в тех вагончиках —
Голь перекатная...

Вестимо, тесно тут,
Из пор — сукровица...
Вагоны с рельс сойдут
И остановятся!

<до июня 1970>

◆ ◆ ◆

В тайгу!
На санях, на развалюхах,
В соболях или в треухах,
И богатый, и солидный, и убогий.
Бегут!
В неизведанные чащи,
Кто-то реже, кто-то чаще, —
В волчьи логова, в медвежие берлоги.

Стоят!
Как усталые боксёры,
Вековые гренадеры —
В два обхвата, в три обхвата и поболе.
И я
Воздух ем, жую, глотаю,
Да я только здесь бываю —
За решёткой из деревьев — но на воле.

<до июня 1970>

◆ <ПЕСНЯ ИНВАЛИДА> ◆

Проскакали всю страну,
Да пристали кони, буде!
Я во синем во Дону
Намочил ладони, люди.

Кровушка спеклася
В сапоге от ран, —
Разрезай, Настасья,
Да бросай в бурьян!

Во какой вояка,
И «Георгий» вот,
Но опять, однако,
Атаман зовет.

Хватит брюхо набивать!
Бают, да и сам я бачу,
Что спешит из рвани рать
Волю забирать казачью.

Снова кровь прольется,
Вот такая суть:
Воли из колодца
Им не зачерпнуть.

Плачут бабы звонко...
Ну! Чего ревем?!
Волюшка, Настёнка, —
Это ты да дом.

Вновь скакали по степу,
Разом все под атаманом,
То конями на толпу,
То — веревкой, то — наганом.

Сколь крови не льется —
Пресный все лиман.
Нет! Хочу с колодца,
Слышь-ка, атаман.

А ведерко бьется
Вольно — вкривь и вкось...
Хлопцы, хлопцы, хлопцы,
Выудил, небось!

Есть у атамана зуй,
Ну а под зуем — кобыла...
Нет уж, Настенька, разуй,
Да часок чтоб тихо было.

Где, где речь геройска
Против басурман?
Как тебе без войска
Худо, атаман!

Справная обновка,
Век ее постыль:
Это <не> винтовка,
Это мой костыль.

<январь 1980>

◆ ОДЕССКИЕ КУПЛЕТЫ ◆

Где девочки? Маруся, Рая, Роза?
Их с кондачка пришлепнула ЧеКа,
А я — живой, я — только что с Привоза,
Вот прям сейчас с воскресного толчка!

Так что, ребята! Ноты позабыты,
Зачеркнуто ли прежнее житье?
Пустились в одиссею одесситы —
В лихое путешествие свое.

А помните вы Жорика-маркёра
И Толика — напарника его?
Ему хватало гонора, напора,
Но я ответил тоже делово.

Он, вроде, не признал меня, гадюка,
И с понтом взял высокий резкий тон:
«Хотите, будут речь вести за Дюка?
Но за того, который Эллингтон»...

<январь 1980>

• ГИМН БУЗОВИКОВ •

Из класса в класс мы вверх пойдем, как по ступеням,
И самым главным будет здесь рабочий класс.
И первым долгом мы, естественно, отменим
Эксплуатацию учителями нас.

Да здравствует новая школа!
Учитель уронит, а ты подними!
Здесь дети обоего пола
Огромными станут людьми.

Мы строим школу, чтобы грызть науку дерзко.
Мы все разрушим изнутри и оживим,
Мы серость выбелим и выскоблим до блеска,
Все теневое мы прикроем световым.

Так взрасти же нам школу, строитель! —
Для душ наших детских теплицу, парник.
Где учатся — все, где учитель
Сам в чем-то еще ученик.

<начало 1980>

“...вы ж не туристы и не иностранцы...”

* ПЕСНЯ О ВОЛГЕ *

Как по Волге-матушке, по реке-кормилице,
Всё купцы с товарами — струги да ладьи.
И не надорвалася, и не притомилася:
Ноша не тяжёлая — корабли свои.

Вниз по Волге плавая,
Прохожу пороги я
И гляжу на правые
Берега пологие —

Там камыш шевелится,
Поперёк ломается,
Справа берег стелется,
Слева — поднимается.

Волга песни слышала хлеще, чем «Дубинушка»...
Вся вода исхлёстана пулями врагов,
И плыла по матушке наша кровь-кровинушка,
Стыла бурой пеною возле берегов.

Долго в воды пресные
Лили слёзы строгие
Берега отвесные,
Берега пологие, —

Плакали, измызганы
Острыми подковами,
Но уже зализаны
Злые раны волнами.

Что-то с вами сделалось, города старинные,
В коих стены древние, на холмах кремли, —
Словно пробудилися молодцы былинные
И, числом несметные, встали из земли.

Лапами грабастая,
Корабли стараются —
Тянут баржи с Каспия,
Тянут, надрываются,

Даже не оглянутся,
И на вёрсты многие
За крутыми тянутся
Берега пологие.

<начало 1973>

* ПОСАДКА *

«Мест не хватит, уж больно вы ловки!
Ну откуда такие взялись?
Что вы прёте?» — «Да мы по путёвке».
«По путёвке? Пожалуйста, плиз!

Вы ж не туристы и не иностранцы,
Вам не проникнуть на наш пароход.
Что у вас?» — «Песни и новые танцы.
Этим товарам нельзя залежаться —
Столько людей с нетерпеньем их ждёт!»

«Ну куда вы спешите? Ей-богу,
Словно зельем каким опились!»
«Мне местечко заказывал Гоголь...»
«Сам Максимыч? Пожалуйста, плиз!

Вы ж не туристы и не иностранцы,
Вам не проникнуть на наш пароход.
Что у вас?» — «Песни и новые танцы.
Этим товарам нельзя залежаться —
Столько людей с нетерпеньем их ждёт!»

Мест не будет, броня остаётся:
Ожидается важный турист».
«Для рабочего класса найдётся?»
«Это точно! Пожалуйста, плиз!

Вы ж не туристы и не иностранцы,
Вам не проникнуть на наш пароход.
Что у вас?» — «Песни и новые танцы.
Этим товарам нельзя залежаться —
Столько людей с нетерпеньем их ждёт!»

«Нет названья для вашей прослойки,
Зря вы, барышни, здесь собрались».

«Для крестьянства остались две койки?»
«Есть крестьянство! Пожалуйста, плиз!

Вы ж не туристы и не иностранцы,
Вам не проникнуть на наш пароход.
Что у вас?» — «Песни и новые танцы.
Этим товарам нельзя залежаться —
Столько людей с нетерпеньем их ждёт!

Это шутке подобно — без шуток
Песни, танцы в пути задержать!
Без еды проживешь сорок суток,
А без музыки — вряд ли и пять.

Вы ж не туристы и не иностранцы,
Вам не проникнуть на наш пароход.
Что у вас?» — «Песни и новые танцы.
Этим товарам нельзя залежаться —
Столько людей с нетерпеньем их ждёт!»

«Вот народ упрямый — всё с нахрапу!
Ладно, лезьте прямо вверх по трапу.
С вами будет веселее путь
И —
Лучше с музыкой тонуть».

<начало 1973>

* КУПЛЕТЫ ГУСЕВА *

Я на виду — и действием и взглядом
Я выдаю присутствие своё.
Нат Пинкертон и Шерлок Холмс — старьё!
Спокойно спите, люди: Гусев — рядом.

Мой метод прост — сажусь на хвост и не слезаю.
Преступник — это на здоровом теле прыщик,
И я мерзавцу о себе напоминаю:
Я — здесь, я — вот он, на то я — сыщик!

Волнуются преступнички,
Что сыщик не безлик,
И оставляют, субчики,
Следочки на приступочке,
Шифровочки на тумбочке, —
Достаточно улик!

Работу строю по системе чёткой,
Я не скрываюсь, не слежу тайком,
И пострадавший будет с кошельком,
Ну а преступник будет за решёткой.

Идёт преступник на отчаянные трюки,
Ничем не брезгует — на подкуп тратит тыщи,
Но я ему — уже заламываю руки:
Я — здесь, я — вот он, на то я — сыщик.

Волнуются преступнички,
Что сыщик не безлик,
И оставляют, субчики,
Следочки на приступочке,
Шифровочки на тумбочке, —
Достаточно улик!

Вот я иду уверенной походкой.
Пусть знает враг — я в план его проник.
Конец один: преступник — за решёткой,
Его сам Гусев взял за воротник.

<начало 1973>

* КОЛЫБЕЛЬНАЯ ХОПКИНСОНА *

Спи, дитя! Май бэби, бай!
Много сил скопи.
Ду ю вонт ту слип? — Отдыхай,
Улыбнись и спи!

Колыбельной заглушён
Посторонний гул.
Пусть тебе приснится сон,
Что весь мир уснул.

Мир внизу, а ты над ним
В сладком сне паришь.
Вот Москва, древний Рим
И ночной Париж...

И с тобою в унисон
Голоса поют.
Правда, это только сон,
А во сне — растут.

Может быть, — всё может быть! —
Ты когда-нибудь
Наяву повторить
Сможешь этот путь.

Над землёю полетишь
Выше крыш и крон...
А пока ты крепко спишь —
Досмотри свой сон.

<начало 1973>

* ДУЭТ РАЗЛУЧЁННЫХ *

Дорога сломала степь напополам,
И неясно — где конец пути.
По дороге мы идём по разным сторонам
И не можем её перейти.

Сколько зим этот путь продлится?
Кто-то должен рискнуть, решиться!
Надо нам поговорить — перекрёсток недалек,
Перейди, если мне невдомёк.

Дорога, дорога поперёк земли —
Поперёк судьбы глубокий след.
Многие уже себе попутчиков нашли
Ненадолго, а спутников — нет.

Промелькнёт как беда ухмылка,
Разведёт навсегда развилка...
Где же нужные слова, кто же первый их найдёт?
Я опять прозевал переход.

Река — избавленье послано двоим,
Стоит только руку протянуть...
Но опять, опять на разных палубах стоим,
Подскажите же нам что-нибудь!

Волжский ветер хмельной и вязкий,
Шепчет в уши одной подсказкой:
«Время мало, торопись и не жди конца пути».
Кто же первый рискнёт перейти?

<начало 1973>

* ЧЕ-ЧЁТ-КА *

Всё, что тривиально, и всё, что банально,
Что равно — и прямопропорционально —
Всё это корёжит чечётка, калечит,
Нам нервы тревожит: чёт-нечет, чёт-нечет.

В забитые уши врывается чётко,
В сонливые души лихая чечётка.
В чечёточный спринт не берём тех, кто сыт, мы.
Чёт-нечет, чёт-нечет, ломаются ритмы.

Брэк! Барабан, тамтам, трещётка,
Где полагается — там чечётка.
Брак
Не встречается. Темп рвёт-мечет.
Брэк!
..... Чёт-нечет!
Жжёт нам подошвы, потолок трепещет.
Чёт-.....нечет!

Эй, кто там грозит мне? Эй, кто мне перечит?
В замедленном ритме о чём-то лепечет?
Сейчас перестанет — его изувечит
Ритмический танец, чёт-нечет, чёт-нечет!

Кровь гонит по жилам не крепкая водка —
Всех заворожила шальная чечётка.
Замолкни, гитара! Мурашки до жути!
На чёт — два удара, и чем чёрт не шутит!

Брэк! Барабан, тамтам, трещётка,
Где полагается — там чечётка.
Брак
Не встречается. Темп рвёт-мечет.
Брэк!

..... Чёт-нечет!
Жжёт нам подошвы, потолок трепещет.
Чёт-.....нечет!

Спасайся, кто может! А кто обезножит —
Утешься: твой час в ритме правильном прожит.
Под брэк, человече, расправятся плечи,
И сон обеспечит чёт-нечет, чёт-нечет.

Изменится ваша осанка, походка.
Вам тоже, папаша, полезна чечётка!
Не против кадрили мы проголосуем,
Но в пику могиле чечётку станцуем.

Брэк! Барабан, тамтам, трещётка,
Где полагается — там чечётка.
Брак
Не встречается. Темп рвёт-мечет.
Брэк!
..... Чёт-нечет!
Жжёт нам подошвы, потолок трепещет.
Чёт-.....нечет!

<начало 1973>

* РОМАНС МИССИС РЕБУС *

Реет
над тёмно-синей волной
неприметная стайка,
Грустно,
но у меня в этой стае попутчиков нет,
Низко
лечу, отдельно от всех,
одинокая чайка,
И скользит подо мной
Спутник преданный мой —
белый мой силуэт.

Но слабеет, слабеет крыло,
Я снижаюсь всё ниже и ниже,
Я уже отраженья не вижу —
Море тиною заволокло.

Неужели никто не придёт,
Чтобы рядом лететь с белой птицей?
Неужели никто не решится?
Неужели никто не спасет?

Силы
оставят тело моё,
и в солёную пыль я
Брошу
свой обессиленный и исстрадавшийся труп...
Крылья
уже над самой водой,
мои бедные крылья!
Ветер ветреный, злой
Лишь играет со мной,
беспощаден и груб.

Неужели никто не придёт,
Чтобы рядом лететь с белой птицей?
Неужели никто не решится?
Неужели никто не спасет?

Бьётся сердце под левым плечом,
Я спускаюсь всё ниже и ниже,
Но уже я спасителя вижу —
Это ангел с заветным ключом.

Ветер,
скрипач безумный, пропой
на прощанье сыграй нам!
Скоро
погаснет солнце и спутник мой станет незрим,
Чайка
влетит в пучину навек
к неразгаданным тайнам.
Я в себе растворюсь,
Я навеки сольюсь
с силуэтом своим.

Но слабеет, слабеет крыло,
Я снижаюсь всё ниже и ниже,
Я уже отраженья не вижу —
Море тиною заволокло.

Бьётся сердце под левым плечом,
Я спускаюсь всё ниже и ниже,
Но уже я спасителя вижу —
Это ангел с заветным ключом.

Рядом
летит невидимо он,
незаметно, но — рядом,
Вместе
в волшебном тихом гнездовье отыщем жильё.

Больше
к холодной мутной воде
мне снижаться не надо:
Мы вдвоём, нет причин
Мне искать средь пучин
отраженье своё.

<начало 1973>

* ДУЭТ ШУРЫ И ЛИВЕРОВСКОГО *

«Богиня! Афродита!
Или что-то в этом роде...
Ах, жизнь моя разбита!
Прямо здесь, на пароходе.
Склоню от восхищения
Пред красотой такою
Дрожащие колени я
С дрожащей головою».

«Ну что он ходит как тень,
Твердит одну дребедень...»
«Возьми себе моё трепещущее сердце!»
«Нас не возьмёшь на авось!
На кой мне сердце сдалось?»
«...Тогда экзотику и страсти де ла Перца».

«Какая де ла Перца?
Да о чём вы говорите?
Богиню надо вам? —
Так и идите к Афродите.
Вас тянет на эротику —
Тогда сидите дома.
А кто это — экзотика?
Я с нею незнакома!»

«Я вас, синьора, зову
В волшебный сон наяву
И предлагаю состояние и сердце.
Пойдём навстречу мечтам!»
«А кем вы служите там?»
«Я — вице-консул Мигуэлло де ла Перца».

«Я не бегу от факта,
Только вот какое дело:

Я с консулами как-то
Раньше дела не имела.
А вдруг не пустят в капстрану
И вынесут решенье:
Послать куда подальше — ну
А консула в три шеи...»

«Не сомневайтесь, мадам!
Я всех продам, всё отдам,
И распахнётся перед нами рая дверца.
Я вас одену, мадам,
Почти как Еву Адам
В стране волшебной Мигуэлло де ла Перца».

«Вы милый, но пройдоха!
А меня принарядите —
И будет просто плохо
Этой вашей Афродите.
Но я не верю по́сулам:
Я брошу всё на свете —
А вдруг жена у консула,
И — даже хуже! — дети?»

«Ах, что вы, милая мисс!..»
«Но-но, спокойно! Уймись!»
«Я напишу для вас симфонию и скерцо!
Удача вас родила...»
«Ах чёрт! Была не была!
Валяйте! Едем в Мигуэллу де лу Перца».

<начало 1973>

“...что искать нам в этой жизни...”

◆ ◆ ◆

У профессиональных игроков
Любая масть ложится перед червой.
Так век двадцатый — лучший из веков —
Как шлюха упадёт под двадцать первый.

Я думаю, учёные наврали,
Прокол у них в теории, порез:
Развитие идёт не по спирали,
А вкривь и вкось, вразнос, наперерез.

<1976>

* * *

Мосты сгорели, углубились броды,
И тесно, видим только черепа,
И перекрыты выходы и входы,
И путь один — туда, куда толпа.

И парами коней, привыкших к цугу,
Наглядно доказав, как тесен мир,
Толпа идёт по замкнутому кругу,
И круг велик, и сбит ориентир.

Дождём размыта и грязна палитра,
Врываются галопы в полонез,
Нет запахов, цветов, тонов и ритмов,
И кислород из воздуха исчез.

Ничьё безумье или вдохновенье
Круговращенье это не прервёт.
Но есть ли это вечное движенье
Тот самый бесконечный путь вперёд?

<лето 1972>

✧ ✧ ✧

Шмоток у вечности урвать,
Чтоб наслаждаться и страдать,
Чтобы не слышать и неметь,
Чтобы вбирать и отдавать,
Чтобы иметь и не иметь,
Чтоб помнить или забывать.

<1974>

* БЕСПОКОЙСТВО *

А у дельфина взрезано брюхо винтом...
Выстрела в спину не ожидает никто.
На батарее нету снарядов уже,
Надо быстрее на вираже.

Парус! Порвали парус!
Каюсь!

Даже в дозоре можно не встретить врага...
Это не горе — если болит нога.
Петли дверные многим скрипят, многим поют,
Кто вы такие — вас здесь не ждут!

Парус! Порвали парус!
Каюсь!

Многие лéта всем, кто поет во сне...
Все части света могут лежать на дне,
Все континенты могут сгореть в огне,
Только всё это не по мне!

Парус! Порвали парус!
Каюсь!

<1966, до 28 октября>

* СЛУЧАИ *

Мы все живем как будто, но —
Не будоражат нас давно
Ни паровозные свистки,
Ни пароходные гудки.
Иные — те, кому дано, —
Стремятся вглубь и видят дно,
Но — как навозные жуки
И мелководные мальки.

А рядом случаи летают, словно пули,
Шальные, запоздалые, слепые, на излёте.
Одни под них подставиться рискнули,
И сразу — кто в могиле, кто в почёте,

Другие — не заметили,
А мы так увернулись:
Нарочно ль, по примете ли —
На правую споткнулись.

Средь суеты и кутерьмы,
Ах, как давно мы не прямы:
То гнёмся — бить поклоны впрок,
А то — завязывать шнурок.
Стремимся вдаль проникнуть мы,
Но даже светлые умы
Всё излагают между строк —
У них расчёт на долгий срок.

Стремимся мы подняться ввысь, —
Ведь думы наши поднялись,
И там парят они, легки,
Свободны, вечны, высоки.
И так нам захотелось ввысь,
Что мы вчера перепились,

И, горьким думам вопреки,
Мы ели сладкие куски.

Открытым взломом, без ключа,
Навзрыд об ужасах крича,
Мы вскрыть хотим подвал чумной,
Рискуя даже головой.
И трезво, а не сгоряча,
Мы рубим прошлое сплеча!
Но бьём расслабленной рукой,
Холодной, дряблой — никакой.

Приятно сбросить гору с плеч
И всё на божий суд извлечь,
И руку выпростать, дрожа,
И показать — в ней нет ножа,
Не опасаясь, что картечь
И безоружных будет сечь...
Железных тоже точит ржа
И психология ужа.

<декабрь 1973>

* КОНЧЕНЫЙ ЧЕЛОВЕК *

Истома ящерицей ползает в костях,
И сердце с трезвой головой не на ножах.
И не захватывает дух на скоростях,
Не холодеет кровь на виражах.

И не прихватывает горло от любви,
И нервы больше не внатяжку, хочешь — рви.
Провисли нервы, как веревки от белья,
И не волнует, кто кого — он или я.

Я на коне: толкани — я с коня.
Только «не», только «ни» у меня.

Не пью воды, чтоб стыли зубы, питьевой,
И ни событий, ни людей не тороплю.
Мой лук валяется со сгнившей тетивой,
Все стрелы сломаны — я ими печь топлю.

Не напрягаюсь, не стремлюсь, а как-то так...
Не вдохновляет даже самый факт атак.
Я весь прозрачный, как раскрытое окно
И неприметный, как льняное полотно.

Я на коне: толкани — я с коня.
Только «не», только «ни» у меня.

Не ноют раны, да и шрамы не болят —
На них наложены стерильные бинты.
И не волнуют, не свербят, не теребят
Ни мысли, ни вопросы, ни мечты.

Устал бороться с притяжением земли,
Лежу — так больше расстоянье до петли,
И сердце дёргается, словно не во мне, —
Пора туда, где только «ни» и только «не»!

<осень 1971>

◆ ◆ ◆

Слева бесы, справа бесы.
Нет, по новой мне налей!
Эти — с нар, а те — из кресел:
Не поймешь, какие злей.

И куда, в какие дали,
На какой ещё маршрут
Нас с тобою эти врали
По этапу поведут!

Ну, а нам что остается?
Дескать — горе не беда?
Пей, дружище, если пьется,
Всё пустыми невода.

Что искать нам в этой жизни?
Править к пристани какой?
Ну-ка, солнце, ярче брызни!
Со святыми упокой...

<январь 1979>

* * *

Оплавляются свечи
На старинный паркет
И стекает на плечи
Серебро с эполет,
Как в агонии бродит
Молодое вино...
Всё былое уходит,
Что придёт — все равно.

И, в предсмертном томленьи
Озираясь назад,
Убегают олени,
Нарываясь на залп,
Кто-то дуло наводит
На невинную грудь...
Всё былое уходит,
Пусть придёт что-нибудь.

Кто-то злой и умелый,
Веселясь, наугад
Мечет острые стрелы
В воспалённый закат,
Слышно в буре мелодий
Повторение нот...
Пусть былое уходит,
Пусть придёт, что придёт.

<июль 1972>

◆ ПАЛАЧ ◆

Когда я об стену разбил лицо и члены
И всё, что только было можно, произнёс,
Вдруг сзади тихое шептанье раздалось:
«Я умоляю вас, пока не трожьте вены.

При ваших нервах и при вашей худобе
Не лучше ль чаю? Или огненный напиток?
Чем учинять членовредительство себе,
Оставьте что-нибудь нетронутым для пыток. —

Он сказал мне, — приляг,
Успокойся, не плачь, —
Он сказал, — я не враг,
Я — твой верный палач.

Уж не за́ полночь — за́ три,
Давай отдохнём.
Нам ведь всё-таки завтра
Работать вдвоём».

«Чем чёрт не шутит, что ж, — хлебну, пожалуй, чаю,
Раз дело приняло приятный оборот,
Но ненавижу я весь ваш палачий род —
Я в рот не брал вина за вас — и не желаю!»

Он попросил: «Не трожьте грязное бельё.
Я сам к палачеству пристрастья не питаю.
Но вы войдите в положение моё —
Я здесь на службе состою, я здесь пытаю,

Молчаливо, прости,
Счёт веду головам.
Ваш удел — не ахти,
Но завидую вам.

Право, я не шучу,
Я смотрю делово:
Говори, что хочу,
Обзывай хоть кого. —

Он был обсыпан белой перхотью, как содой,
Он говорил, сморкаясь в старое пальто, —
Приговорённый обладает, как никто,
Свободой слова, то есть подлинной свободой».

И я избавился от острой неприязни
И посочувствовал дурной его судьбе.
Спросил он: «Как ведёте вы себя на казни?»
И я ответил: «Вероятно, так себе...

Ах, прощенья прошу, —
Важно знать палачу,
Что, когда я вишу,
Я ногами сучу.

Да у плахи сперва
Хорошо б подмели,
Чтоб, упавши, глава
Не валялась в пыли».

Чай закипел, положен сахар по две ложки.
«Спасибо!» — «Что вы? Не извольте возражать!
Вам скрутят ноги, чтоб сученья избежать,
А грязи нет — у нас ковровые дорожки».

Ах, да неужто ли подобное возможно!
От умиленья я всплакнул и лёг ничком.
Потрогав шею мне легко и осторожно,
Он одобрительно поцокал языком.

Он шепнул: «Ни гу-гу!
Здесь кругом стукачи.

Чем смогу — помогу,
Только ты не молчи.

Стану ноги пилить —
Можешь ересь болтать,
Чтобы казнь отдалить,
Буду дольше пытать».

Не ночь пред казнью, а души отдохновенье!
А я — уже дождаться у́тра не могу,
Когда он станет жечь меня и гнуть в дугу,
Я крикну весело: остановись, мгновенье!

«...И можно музыку заказывать при этом,
Чтоб стоны с воплями остались на губах».
Я, признаюсь, питаю слабость к менуэтам,
Но есть в коллекции у них и Оффенбах.

«Будет больно — поплачь,
Если невмоготу», —
Намекнул мне палач.
Хорошо, я учту.

Подбодрил меня он,
Правда, сам загрустил —
Помнят тех, кто казнён,
А не тех, кто казнил.

Развлёк меня про гильотину анекдотом,
Назвав её карикатурой на топор:
«Как много миру дал голов французский двор!..»
И посочувствовал наивным гугенотам.

Жалел о том, что кол в России упразднён,
Был оживлен и сыпал датами привычно.
Он знал доподлинно — кто, где и как казнён,
И горевал о тех, над кем работал лично.

«Раньше, — он говорил, —
Я дровишки рубил,
Я и стриг, я и брил,
И с ружьишком ходил.

Тратил пыл в пустоту
И губил свой талант,
А на этом посту
Повернулось на лад».

Некстати вспомнил дату смерти Пугачёва,
Рубил — должно быть, для наглядности, — рукой.
А в то же время знать не знал, кто он такой, —
Невелико образованье палачёво.

Парок над чаем тонкой змейкой извивался,
Он дул на воду, грея руки о стекло.
Об инквизиции с почтеньем отозвался
И об опричниках — особенно тепло.

Мы гоняли чаи —
Вдруг палач зарыдал —
Дескать, жертвы мои
Все идут на скандал.

«Ах, вы тяжкие дни,
Палачёва стерня.
Ну за что же они
Ненавидят меня?»

Он мне поведал назначенье инструментов.
Всё так не страшно — и палач как добрый врач.
«Но на работе до поры всё это прячь,
Чтоб понапрасну не нервировать клиентов.

Бывает, только его в чувство приведёшь, —
Водой окатишь и поставишь Оффенбаха, —

А он примерится, когда ты подойдёшь,
Возьмёт и плюнет — и испорчена рубаха».

Накричали речей
Мы за клан палачей.
Мы за всех палачей
Пили чай — чай ничей.

Я совсем обалдел,
Чуть не лопнул, крича.
Я орал: «Кто посмел
Обижать палача!..»

Смежила веки мне предсмертная усталость.
У светало, наше время истекло.
Но мне хотя бы перед смертью повезло —
Такую ночь провёл, не каждому досталось!

Он пожелал мне доброй ночи на прощанье,
Согнал назойливую муху мне с плеча...
  жаль, недолго мне хранить воспоминанье
И образ доброго чудного палача.

<август 1977>

* * *

Что может быть яснее, загадочней, разно- и
однообразней
себя самого.
Как игра для разбора — ходы неизвестны,
да, но есть результат и счёт.
Я впервые присутствую зрителем тоже на собственной
казни —
пока ничего! —
В виде Совести, в виде души бестелесной
и кого-то там ещё.

В рай ли, в ад ли — но явно куда-то спеша!
Врали? Вряд ли готова к отлёту душа.
Здесь и Совесть — она же и Честь, ну, дела!
Хорошо — значит, есть, то есть, значит, была.

Если голову я поверну по уму,
Чтоб не видел палач, —
Что ты, третье? Кто ты? Не пойму!
Но когда своим хрипом я толпы пройму —
Ты держись и не плачь.

Вот привязан, приклеен, прибит я на колесо весь,
Прокатили немного, почти что как в детстве на
чёртовом колесе.
Я увижу её, [узре<ю> — насколько чиста моя
совесть:]
Били — пятна замыты, надеюсь, простите, почётно ли
вам, коли все!

Казнь уже началась, а я всё повторял:
«Всё стерплю, моя власть, совесть не потерял!»
Ночь из ста, обормот, с ней бывал не в ладах,
Но чиста она, вот! Она — в первых рядах.

<1977(?)>

◆ ◆ ◆

Свечи потушите, вырубите звук,
Дайте темноты и тишины глоток,
Или отыщите понадежней сук,
Иль поглубже вбейте под карниз гвоздок,

Билеты лишние стреляйте на ходу:
Я на публичное повешенье иду,
Иду не зрителем и не помешанным —
Иду действительно, чтоб быть повешенным,
Без палача (палач освистан) —
Иду кончать самоубийством.

<лето 1972>

* ПОПЫТКА САМОУБИЙСТВА *

Подшит крахмальный подворотничок
И наглухо застегнут китель серый.
И вот легли на спусковой крючок
Бескровные фаланги офицера.

Пора! Кто знает время сей поры?
Но вот она воистину близка.
О, как недолог путь от кобуры
До выбритого начисто виска!

Движение закончилось, и сдуло
С назначенной мишени волосок.
С улыбкой смерть уставилась из дула
На аккуратно выбритый висок.

Виднелась сбоку поднятая бровь,
А рядом что-то билось и дрожало.
В виске еще не пущеная кровь
Пульсировала, то есть возражала.

И перед тем как ринуться посметь —
От уха в мозг, наискосок к затылку —
Вдруг загляделась пристальная смерть
На жалкую взбесившуюся жилку.

Промедлила она... и прогадала —
Теперь обратно в кобуру ложись!
Так смерть впервые увидала
С рожденья ненавидимую жизнь.

<1978>

◆ ◆ ◆

Упрямо я стремлюсь ко дну,
Дыханье рвется, давит уши.
Зачем иду на глубину?
Чем плохо было мне на суше?

Там, на земле, — и стол, и дом.
Там — я и пел, и надрывался.
Я плавал все же, хоть с трудом,
Но на поверхности держался.

Линяют страсти под луной
В обыденной воздушной жиже,
А я вплываю в мир иной, —
Тем невозвратнее, чем ниже.

Дышу я непривычно — ртом.
Среда бурлит — плевать на среду!
Я погружаюсь, и притом —
Быстрее — в пику Архимеду.

Я потерял ориентир,
Но вспомнил сказки, сны и мифы.
Я открываю новый мир,
Пройдя коралловые рифы.

Коралловые города...
В них многорыбно, но не шумно —
Нема подводная среда,
И многоцветна, и разумна.

Где ты, чудовищная мгла,
Которой матери стращают?
Светло, хотя ни факела,
Ни солнца мглу не освещают.

Все гениальное и не-
Допонятое — всплеск и шалость —
Спаслось и скрылось в глубине!
Все, что гналось и запрещалось...

Дай Бог, я все же дотону,
Не дам им долго залежаться.
И я вгребаюсь в глубину,
И все труднее погружаться.

Под черепом могильный звон,
Давленье мне хребет ломает, —
Вода выталкивает вон
И глубина не принимает.

Я снял с острогой карабин,
Но камень взял — не обессудьте! —
Чтобы добраться до глубин,
До тех пластов — до самой сути.

Я бросил нож — не нужен он:
Там нет врагов, там все мы люди,
Там каждый, кто вооружен,
Нелеп и глуп, как вошь на блюде.

Сравнюсь с тобой, подводный гриб,
Забудем и чины, и ранги.
Мы снова превратились в рыб,
И наши жабры — акваланги.

Нептун — ныряльщик с бородой,
Ответь и облегчи мне душу:
Зачем простились мы с водой,
Предпочитая влаге сушу?

Меня сомненья — черт возьми! —
Давно буравами сверлили:

Зачем мы сделались людьми?
Зачем потом заговорили?

Зачем, живя на четырех,
Мы встали, распрямивши спины?
Затем — и это видит Бог, —
Чтоб взять каменья и дубины.

Мы умудрились много знать,
Повсюду мест наделать лобных,
И предавать, и распинать,
И брать на крюк себе подобных!

И я намеренно тону,
Ору: «Спасите наши души!»
И, если я не дотяну,
Друзья мои, бегите с суши!

Назад — не к горю и беде,
Назад и вглубь — но не ко гробу!..
Назад — к прибежищу, к воде,
Назад — в извечную утробу!

Похлопал по плечу трепанг,
Признав во мне свою породу...
И я выплевываю шланг
И в легкие пускаю воду.

<август 1977>

“...спасибо, что живой...”

◆ ◆ ◆

Мы — просто куклы, но... смотрите, нас одели,
И вот мы — жители витрин, салонов, залов.
Мы — манекены, молчаливые модели,
Мы — только копии с живых оригиналов.

Но — поставь в любую позу,
Положи да посади,
И сравненье в нашу пользу:
Манекены впереди!

Нам хоть Омск, хоть Ленинград,
Хоть пустыня Гоби, —
Мы не требуем зарплат,
Пенсий и надгробий.

Мы — манекены, мы — без крови и без кожи,
У нас есть головы, но с ватными мозгами.
И многим кажется — мы на людей похожи.
Но сходство внешнее, по счастью, между нами.

Мы выносливей, и где-то
Мы — надёжней, в этом суть,
Элегантнее одеты
И приветливей чуть-чуть.

И на всех сидит наряд
В тютельку и в точку,
Мы стоим шеренгой в ряд
Локоть к локоточку.

Пред нами толпы суетятся и толкутся,
Под самым носом торг ведут, шуршат деньгами,
Но манекены никогда не продаются.
Они смеются бутафорскими зубами.

В нашем детстве нас любили
Без носов и без ушей, —
Нас детишки в ванне мыли
В виде кукол-голышей.

В детстве людям мы нужны,
Но, когда взрослеем,
Без одежды мы цены
Вовсе не имеем.

Зато мы многого себе не позволяем:
Прогулов, ругани и склок, болезней мнимых,
Спиртных напитков в перерыв не распиваем,
План не срываем и не пишем анонимок.

Мы спокойней суперменов —
Если где-нибудь горит,
В «01» из манекенов
Ни один не позвонит.

Не кричим и не бузим,
Даже не дерёмся.
Унеси весь магазин —
Мы не шелохнёмся.

И наши спаянные дружбой коллективы
Почти не ведают ни спадов, ни накалов.
Жаль, допускают всё же промахи и срывы
Плохие копии живых оригиналов.

Посмотрите на витрины:
На подбор — все, как один,
Настоящие мужчины,
Квинтэссенции мужчин —

На любой на вкус, на цвет,
На любой оттенок...
Да и женщин в мире нет
Лучше манекенок!

<конец 1972 — начало 1973>

◆ ПЕСНЯ ПОНЕДЕЛЬНИКА ◆

Понятье «кресло» — интересно,
Ведь в креслах отдыхают.
Так почему же словом «кресло»
Рабочье место называют?

Кресло стоит — ангел на нём, бес ли?
Как усидеть мне на своём кресле?

Приятно, если сидишь на кресле —
Оно не возражает.
И выбрать кресло — тоже лестно,
Но чаще кресло выбирает.

Надо напрячь на ответственном мне слух,
Чтоб поступать соответственно креслу.

<март 1968>

✧ ✧ ✧

Посмотришь — сразу скажешь: «Это кит,
А вот — дельфин, любитель игр и танцев»...
Лицо же человека состоит
Из глаз и незначительных нюансов,

Там — ухо, рот и нос,
Вид и цвет волос,
Челюсть — что в ней: сила или тупость?
Да! Ещё вот лоб,
Чтоб понять без проб:
Этот лоб с намёком на преступность.

В чужой беде нам разбираться лень —
Дельфин зарезан и киту не сладко.
Не верь, что кто-то там на вид — тюлень,
Взгляни в глаза — в них, может быть, касатка!

Вот — череп на износ:
Нет на нём волос,
Правда, он медлителен, как филин,
А лицо его —
Уши с головой,
С небольшим количеством извилин.

Сегодня оглянулся я назад,
Труба калейдоскопа завертелась,
И вспомнил все глаза и каждый взгляд,
И мне пожить вторично захотелось.

И... видел я носы,
Бритых и усы,
Щёки, губы, шеи, — всё, как надо,
Нёба, языки,
Зубы, как клыки,
И ни одного прямого взгляда.

Не относя сюда своих друзей,
Своих любимых не подозревая,
Привязанности все я сдам в музей —
Так будет, если вывезет кривая.

Пусть врёт экскурсовод:
«Благородный рот,
Волевой квадратный подбородок...»
Это всё не жизнь,
Это — муляжи,
Вплоть до носовых перегородок.

Пусть переводит импозантный гид
Про типы древних римлян и германцев —
Не знает гид: лицо-то состоит
Из глаз и незначительных нюансов.

<лето 1969>

* * *

Почти не стало усов и бак —
Цирюльник мигом усы изымет,
Тупеют морды <и> у собак,
Которых раньше звали борзыми.

Что теперь знатный род, для девчонок — изыск!
Не порода рождает сократов.
Говорят, уничтожили вместо борзых
Супостатов-аристократов.

Уже не стало таких старух,
Какие долго хранят и помнят,
Хотя и редко болтают вслух
Про тех, кто жили в проспектах комнат.

<1967, осень>

* * *

Всё с себя снимаю — слишком душно,
За погодой следую послушно,
Но...
всё долой — нельзя ж!
Значит, за погодой не угнаться —
Дальше невозможно раздеваться!
Да!
Это же не пляж!

Что-то с нашей модой стало ныне:
Потеснили «макси» — снова «мини»,
Вновь,
вновь переворот!
Право, мне за модой не угнать[ся] —
Дальше невозможно [раздеваться],
Но —
и наоборот!

Скучно каждый вечер слушать речи.
У меня — за вечер по две встречи!
Тот
и другой не прост:
Значит, мне приходится стараться...
Но нельзя ж всё время раздеваться —
Вот,
вот ведь в чём вопрос!

<лето 1972>

✧ ✧ ✧

Пусть в беспорядке волосы в косе,
Сама коса на редкость аккуратна

<1969—1970?>

* * *

Что ни слух — как оплеуха!
Что ни мысли — грязные.
Жисть-жистяночка, житуха!
Житие прекрасное!..

<конец 1975>

* ПЕСЕНКА О СЛУХАХ *

Сколько слухов наши уши поражает!
Сколько сплетен разъедает, словно моль!
Ходят слухи, будто всё подорожает —
абсолютно, —
А особенно — поваренная соль.

Словно мухи, тут и там ходят слухи по домам,
А беззубые старухи их разносят по умам.

«Слушай, слышал? Под землёю город строят,
Говорят, на случай ядерной войны».
«Вы слыхали? Скоро бани все закроют
повсеместно
Навсегда, и эти сведения верны.

Словно мухи, тут и там ходят слухи по домам,
А беззубые старухи их разносят по умам.

«А вы знаете? Мамыкина снимают —
За разврат его, за пьянство, за дебош».
«Кстати, вашего соседа забирают,
негодяя, —
Потому что он на Берию похож».

Словно мухи, тут и там ходят слухи по домам,
А беззубые старухи их разносят по умам.

«Ой, что деется! Вчера траншею рыли —
Откопали две коньячные струи!»
«Говорят, шпионы воду отравили
самогоном,
Ну а хлеб теперь — из рыбной чешуи».

Словно мухи, тут и там ходят слухи по домам,
А беззубые старухи их разносят по умам.

Закалённые во многих заварухах,
Слухи ширятся, не ведая преград:
Ходят сплетни, что не будет больше слухов
абсолютно,
Ходят слухи, будто сплетни запретят!

Словно мухи, тут и там ходят слухи по домам,
А беззубые старухи их разносят по умам.

И поют друг другу шёпотом ли, в крик ли, —
Слух дурной всегда звучит в устах кликуш!
А к хорошим слухам люди не привыкли
почему-то, —
Говорят, что это выдумки и чушь.

Словно мухи, тут и там ходят слухи по домам,
А беззубые старухи их разносят по умам.

<апрель 1969>

* * *

Подумаешь — с женой не очень ладно,
Подумаешь — неважно с головой,
Подумаешь — ограбили в парадном, —
Скажи ещё спасибо, что — живой!

Ну что ж такого — мучает саркома,
Ну что ж такого — начался запой,
Ну что ж такого — выгнали из дома, —
Скажи ещё спасибо, что — живой!

Плевать — партнёр по покеру дал дуба,
Плевать, что снится ночью домовой,
Плевать — в «Софии» выбили два зуба, —
Скажи ещё спасибо, что — живой!

Да ладно, — ну уснул вчера в опилках,
Да ладно, — в челюсть врезали ногой,
Да ладно, — потащили на носилках, —
Скажи ещё спасибо, что — живой!

Да, правда — тот, кто хочет, тот и может,
Да, правда, сам виновен, бог со мной!..
Всё — правда! Но одно меня тревожит —
Кому сказать спасибо, что — живой?!

<октябрь 1969>

* * *

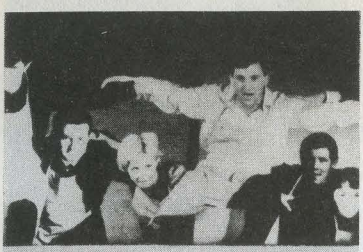
Застряли в лифте четверо соседей,
Живущие на разных этажах

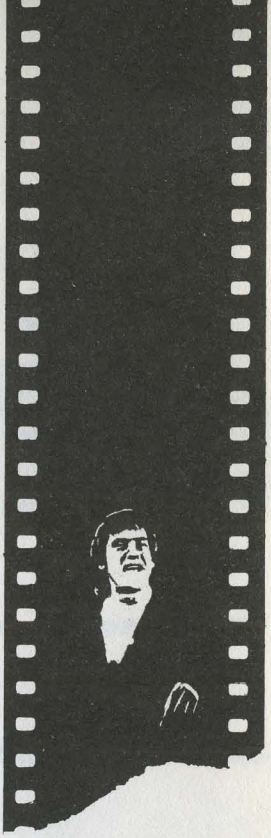
<осень 1975>

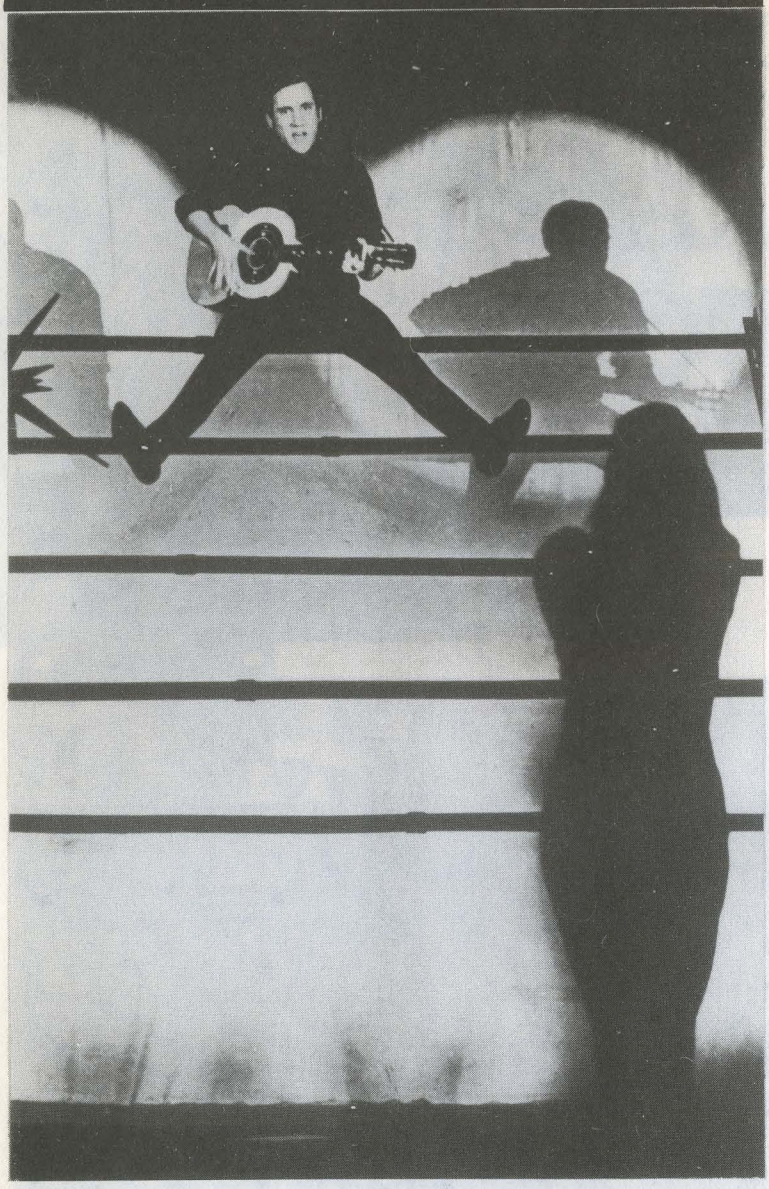
✧ ✧ ✧

Будильник взвыл
Точнее петуха

<1978?>







“...мы тоже дети страшных лет России...”

❖ ❖ ❖

Я скольжу по коричневой плёнке...
Или это — красивые сны?
Простыня на постели в сторонке
Смята комом, огни зажжены.

Или просто погашены свечи?
Я проснусь — липкий пот и знобит.
Лишь во сне долгожданные речи,
Лишь во сне яркий факел горит.

И усталым, больным каннибалом,
Что способен лишь сам себя есть,
Я грызу свои руки шакалом —
Это так, это всё, это есть!

Оторвите от сердца аорту, —
Сердце можно давно заменять!
Не послать ли тоску мою к чёрту?
Оторвите меня от меня!

Путь блестящий наш — смех и загадка, —
Вот и время всех бледных времён.
Расплескалась судьба без остатка...
Кто прощает, то<т> не обречён.

<1969>

◆ ◆ ◆

Давайте я спою вам в подражанье рок-н-роллу,
Глухим и хриплым тембром из-за плохой иглы,
Пластиночкой на ребрах, в оформленьи невеселом,
Какими торговали пацаны из-под полы.

Ну, например, о лете, — которого не будет,
Ну, например, о доме, — что быстро догорел,
Ну, например, о брате, — которого осудят,
О мальчике, которому — расстрел!

Сидят больные легкие в грудной и тесной клетке.
Рентгеновские снимки — смерть на черно-белом фоне.
Разбалтывают пленочки о трудной пятилетке
И продлевают жизнь себе, вертясь на патефоне.

<1978>

◆ ◆ ◆

Я прожил целый день в миру
Потустороннем
И бодро крикнул поутру:
«Кого схороним?»
Ответ мне был угрюм и тих:
«Всё — блажь, бравада.
Кого схороним?! — Нет таких?..
Ну и не надо».
Не стану дважды я просить,
Манить провалом.
Там, кстати, выпить-закусить —
Всего навалом.
Я и сейчас затосковал,
Хоть час оттуда.
Вот где уж истинный провал,
Ну просто чудо!
Я сам шальной и кочевой,
А побожился:
Вернусь, мол, ждите, ничего,
Что я зажился.
Так снова предлагаю вам
Пока не поздно:
Хотите ли ко всем чертям,
Где кровь венозна
И льёт из вены, как река,
А не водица?
Тем, у кого она жидка,
Там не годится.
И там не нужно ни гроша,
Хоть век постится, —
Живет там праведна душа,
Не тяготится.
Там вход живучим воспрещён
Как посторонним,

Не выдержу, спрошу ещё:
«Кого схороним?»
Зову туда, где благодать
И нет предела.
Никто не хочет умирать —
Такое дело.
Скажи-кось, милый человек,
Я, может, спутал:
Какой сегодня нынче век,
Какая смута?
Я сам вообще-то костромской,
А мать — из Крыма.
Так если бунт у вас какой,
Тогда я — мимо.
А если нет, тогда ещё
Всего два слова.
У нас там траур запрещён,
Нет, честно слово!
А там порядок — первый класс,
Глядеть приятно.
И наказание сейчас —
Прогнать обратно.
И отношение ко мне —
Ну как к пройдохе.
Все стали умники вдвойне
К концу эпохи.
Ну, я согласен — поглядим
Спектакль — и тронем.
Ведь никого же не съедим,
А так... схороним.
Ну почему же все того...
Как в рот набрали?
Там встретились — кто и кого
Тогда забрали.
И Сам — с звездою на груди —
Там тих и скромен, —

Таких как он там — пруд пруди!
Кого схороним?
Кто задаётся — в лак его,
Чтоб — хрен отпарить!
Там этот, с трубкой... Как его?
Забыл — вот память!
У нас границ полно навесть:
Беги — не тронем,
Тут, может быть, евреи есть?
Кого схороним?
В двадцатом веке я, эва́!
Да ну-с вас к шу́там!
Мне нужно в номер двадцать два —
Вот чёрт попутал!

<октябрь 1975>

* * *

Так оно и есть —
Словно встарь, словно встарь:
Если шёл вразрез —
На фонарь, на фонарь!
Если воровал —
Значит, сел, значит, сел,
Если много знал, —
Под расстрел, под расстрел!

Думал я, наконец, не увижу я скоро
Лагерей, лагерей...
Но попал в этот пыльный, расплывчатый город
Без людей, без людей.

Бродят толпы людей, на людей не похожих,
Равнодушных, слепых.
Я заглядывал в чёрные лица прохожих —
Ни своих, ни чужих.

Так зачем проклинал свою горькую долю?
Видно, зря, видно, зря.
Так зачем я так долго стремился на волю
В лагерях, в лагерях?

Бродят толпы людей, на людей не похожих,
Равнодушных, слепых.
Я заглядывал в чёрные лица прохожих —
Ни своих, ни чужих.

Так оно и есть —
Словно встарь, словно встарь:
Если шёл вразрез —
На фонарь, на фонарь!
Если воровал —

Значит, сел, значит, сел,
Если много знал —
Под расстрел, под расстрел!

<1964, осень>

* ПОПУТЧИК *

Хоть бы облачко, хоть бы тучка
В этот год на моём горизонте.
Но однажды я встретил попутчика...
Расскажу про него — знакомьтесь.

Он спросил: «Вам куда?» — «До Вологды».
«Ну, до Вологды — это полбеды».

Чемодан мой от водки ломится.
Предложил я, как полагается:
«Может, выпить нам, познакомиться?
Поглядим, кто быстрее сломается!»

Он сказал: «Вылезать нам в Вологде.
Ну, а Вологда, это вона где!»

Я не помню, кто первый сломался.
Помню — он подливал, поддакивал...
Мой язык, как шнурок, развязался:
Я кого-то ругал, оплакивал.

И проснулся я в городе Вологде,
Но — убей меня! — не припомню где.

А потом мне пришили дельце
По статье Уголовного кодекса...
Успокоили: «Всё перемелется!»
Дали срок — не дали опомниться!

И остался я в городе Вологде.
Ну, а Вологда — это вона где!

Пятьдесят восьмую дают статью.
Говорят: «Ничего, вы так молоды...»

Если б знал я, с кем еду, с кем водку пью, —
Он бы хрен доехал до Вологды!

Он живёт себе в городе Вологде,
А я — на Севере, а Север — вона где!

Все обиды мои годы стёрли,
Но живу я теперь, как в наручниках.
Мне до боли, до кома в горле
Надо встретить того попутчика!

Но живёт он в городе Вологде,
А я — на Севере, а Север — вона где!..

<1965, весна>

◆ ◆ ◆

У Наполеона Ватерлоо есть, хотя
Ничего не делал он задаром...
Ну и что ж такого?! А у нашего вождя
Было «десять сталинских ударов».

<1963>

* ЛЕНИНГРАДСКАЯ БЛОКАДА *

Я вырос в ленинградскую блокаду,
Но я тогда не пил и не гулял,
Я видел, как горят огнём Бадаевские склады,
В очередях за хлебушком стоял.

Граждане смелые!
А что тогда вы делали,
Когда наш город счет не вёл смертям?..
Ели хлеб с икоркою, —
А я считал махоркою
Окурок с-под платформы чёрт-те с чем напополам.

От стужи даже птицы не летали,
И вору было нечего украсть.
Родителей моих в ту зиму ангелы прибрали,
А я боялся — только б не упасть!

Было здесь до́ фига
Голодных и дистрофиков,
Все голодали, даже прокурор.
А вы в эвакуации
Читали информации
И слушали по радио «От Совинформбюро».

Блокада затянулась, даже слишком,
Но наш народ врагов своих разбил.
И можно жить как у Христа за пазухой, под мышкой,
Но только вот мешает *бригадмил*.

Я скажу вам ласково:
«Граждане с повязками!
В душу ко мне лапою не лезь!
Про жизню вашу личную
И непатриотичную
Знают уже “органы” и ОБХСС».

<1961, до ноября>

* ТОТ, КОТОРЫЙ НЕ СТРЕЛЯЛ *

Я вам мозги не пудрю —
уже не тот завод:
В меня стрелял поутру
из ружей целый взвод.
За что мне эта злая,
нелепая стезя?
Не то чтобы не знаю, —
рассказывать нельзя.

Мой командир меня почти что спас,
Но кто-то на расстреле настоял.
И взвод отлично выполнил приказ,
Но был один, который не стрелял.

Судьба моя лихая
давно наперекос, —
Однажды «языка» я
добыл, да не донёс.
И особист Суэтин —
неутомимый наш,
Еще тогда приметил
и взял на карандаш.

Он выволок на свет и приволок
Подколотый, подшитый матерьял,
Никто поделать ничего не смог.
Нет. Смог... один, который не стрелял.

Рука упала в пропасть
с дурацким звуком: «Пли!»
И залп мне выдал пропуск
в ту сторону земли.
Но слышу: «Жив, зараза!
Тащите в медсанбат!

Расстреливать два раза
уставы не велят».

А врач потом все цокал языком
И, удивляясь, пули удалял,
А я в бреду беседовал тайком
С тем пареньком, который не стрелял.

Я раны, как собака,
лизал, а не лечил.
В госпиталях, однако,
в большом почёте был.
Ходил в меня влюблённый
весь слабый женский пол:
«Эй ты, недострелённый!
Давай-ка на укол!»

Наш батальон геройствовал в Крыму,
И я туда глюкозу посылал,
Чтоб было слаще воевать ему.
Кому? Тому, который не стрелял.

Я пил чаек из блюдца,
со спиртиком бывал.
Мне не пришлось загнуться,
и я довоевал.
В свой полк определили.
«Воюй, — сказал комбат, —
А что недострелили,
так я не виноват».

Мне быть бы радым, но, присев у пня,
Я выл белугой и судьбину клял, —
Немецкий снайпер дострелил меня,
Убив того, который не стрелял.

<конец 1972>

* БАЛЛАДА О ДЕТСТВЕ *

Час зачатья я помню неточно,
Значит, память моя — однобока,
Но зачат я был ночью, порочно
И явился на свет не до срока.

Я рождался не в муках, не в злобе:
Девять месяцев — это не лет...
Первый срок отбывал я в утробе,
Ничего там хорошего нет.

Спасибо вам, святители,
Что плюнули да дунули,
Что вдруг мои родители
Зачать меня задумали —

В те времена укромные,
Теперь — почти былинные,
Когда срока огромные
Брели в этапы длинные.

Их брали в ночь зачатия,
А многих — даже ранее.
А вот живёт же братия —
Моя честна компания!

Ходу, думушки резвые! Ходу!
Сло́ва, строченьки милые, сло́ва!
В первый раз получил я свободу
По указу от тридцать восьмого.

Знать бы мне, кто так долго мурыжил, —
Отыгрался бы на подлеце!
Но родился и жил я, и выжил, —
Дом на Первой Мещанской — в конце.

Там за стеной, за стеночкою,
За перегородочкой
Соседушка с соседочкою
Баловались водочкой.

Все жили вровень, скромно так, —
Система коридорная,
На тридцать восемь комнаток
Всего одна уборная.

Здесь на́ зуб зуб не попадал,
Не грела телогреечка,
Здесь я доподлинно узнал,
Почём она, копеечка.

...Не боялась сирены соседка,
И привыкла к ней мать понемногу.
И плевал я — здоровый трёхлетка —
На воздушную эту тревогу!

Да не всё то, что сверху, — от Бога.
И народ «зажигалки» тушил,
И как малая фронту подмога —
Мой песок и дырявый кувшин.

И било солнце в три луча,
Сквозь дыры крыш просеяно,
На Евдоким Кирилыча
И Гисю Моисеевну.

Она ему: «Как сыновья?»
«Да без вести пропавшие!
Эх, Гиська, мы одна семья,
Вы — тоже пострадавшие!

Вы — тоже пострадавшие,
А значит обрусевшие,

Мои — без ве́сти павшие,
Твои — безвинно севшие!»

...Я ушёл от пелёнок и сосок,
Поживал — не забыт, не заброшен.
И дразнили меня: «Недоносок!» —
Хоть и был я нормально доношен.

Маскировку пытался срывать я:
Пленных гонят — чего ж мы дрожим!..
Возвращались отцы наши, братья
По домам — по своим да чужим.

У тёти Зины кофточка
С драконами да змеями —
То у Попова Вовчика
Отец пришёл с трофеями.

Трофейная Япония,
Трофейная Германия,
Пришла страна Лимония,
Сплошная Чемодания.

Взял у отца на станции
Погоны, словно цацки, я.
А из эвакуации
Толпой валили штатские.

Осмотрелись они, оклемались.
Похмелились — потом протрезвели.
И отплакали те, кто дождались,
Недождавшиеся — отревели.

Стал метро рыть отец Витькин с Генкой,
Мы спросили — зачем? — он в ответ:
«Коридоры кончаются стенкой,
А тоннели — выводят на свет!»

Пророчество папашино
Не слушал Витька с корешом.
Из коридора нашего
В тюремный коридор ушёл.

Да он всегда был спорщиком.
Припрут к стене — откажется.
Прошёл он коридорчиком
И кончил «стенкой», кажется.

Но у отцов свои умы,
А что до нас касательно —
На жизнь засматривались мы
Уже самостоятельно.

Все, от нас до почти годовалых,
«Толковищу» вели до кровянки.
А в подвалах и полуподвалах
Ребятишкам хотелось под танки.

Не досталось им даже по пуле, —
В «ремеслухе» — живи да тужи.
Ни дерзнуть, ни рискнуть, — но рискнули
Из напильников делать ножи.

Они воткнутся в лёгкие,
От никотина чёрные,
По рукоятки лёгкие
Трёхцветные наборные...

Вели дела обменные
Сопливые острожники —
На стройке немцы пленные
На хлеб меняли ножики.

Сперва играли в «фантики»,
В «пристенок» с крохоборами.

И вот ушли романтики
Из подворотен во́рами.

...Спекулянтка была номер перший —
Ни соседей, ни Бога не труся,
Жизнь закончила миллионершей
Пересветова тётя Маруся.

У Маруси за стенкой говели,
И она там втихую пила.
А упала она — возле двери:
Некрасиво так, зло умерла.

Нажива — как наркотика, —
Не выдержала этого
Богатенькая тётенька
Маруся Пересветова.

Но было всё обыденно:
Заглянет кто — расстроится.
Особенно обидело
Богатство — метростроевца.

Он дом сломал, а нам сказал:
«У вас носы не вытерты,
А я, за что я воевал?!»
И разные эпитеты.

Было время — и были подвалы,
Было дело — и цены снижали.
И текли куда надо каналы,
И в конце куда надо впадали.

Дети бывших старшин да майоров
До ледовых широт поднялись,
Потому что из тех коридоров
Им казалось сподручнее — вниз.

<лето — осень 1975>

* ИЗ ДЕТСТВА *
(зарисовка)

Посвящено Аркаше <Вайнеру>

Ах, время, как махорочка —
Все тянешь, тянешь, Жорочка.
А помнишь — кепка, челочка
Да кабаки — до трех?
А черненькая Норочка
С подъезда пять — айсорочка,
Глядишь — всего пятерочка,
А вдоль и поперек!

А вся братва — одесская.
Два тридцать — время детское,
Куда, ребята, деться, а?
К цыганам в «Поплавок»!
Пойдемте с нами, Верочка —
Цыганская венгерочка.
Пригладь виски, Валерочка,
Да чуть примни сапог.

А помнишь вечериночки
У Солиной Мариночки:
Две бывших балериночки
В гостях у пацанов,
Сплошная безотцовщина,
Война, да и ежовщина,
А значит — поножовщина
И годы до обнов?

На всех клифты казенные —
И флотские, и зонные,
И братья заблатненные
Имеются у всех.
Потом отцы появятся,

Да очень не понравятся.
Кой с кем, конечно, справятся,
  И то — от сих до сех.

Дворы полны — ну, надо же!
Танго́ хватает за души,
Хоть этому — да рады же,
  Да вот еще нагул...
С Малюшенки — богатые,
Там шпанцыри подснятые,
Там и червонцы мятые,
  Там Клещ меня пырнул.

А у Толяна Рваного
Братан пришел с «Желанного»
И жить задумал наново,
  А был хитер и смел,
Да хоть и в этом возрасте, —
А были позанозистей,
Помыкался он в гордости
  И снова загремел.

А все же брали «соточку»
И бацали чечеточку,
А ночью взял обмоточку
  Да чтой-то завернул.
У матери бессонница,
Все сутки книзу клонится.
Спи! Вдруг чего обломится, —
  Небось не в Барнаул.

<апрель — сентябрь 1979>

* ЛЕТЕЛА ЖИЗНЬ *

Я сам с Ростова, я вообще — подкидыш,
Я мог бы быть с каких угодно мест.
И если ты, мой Бог, меня не выдашь,
Тогда моя свинья меня не съест.

Живу везде, сейчас, к примеру, в Туле.
Живу и не считаю ни потерь, ни барышей.
Из детства помню детский дом в ауле,
В республике чечено-ингушей.

Они нам детских душ не загубили —
Делили с нами пищу и судьбу.
Летела жизнь в плохом автомобиле·
И вылетала с выхлопом в трубу.

Я сам не знал, в кого я воспитаюсь,
Любил друзей, гостей и анашу.
Теперь чуть что чего — за нож хватаюсь,
Которого, по счастью, не ношу.

Как сбитый куст, я по ветру волокся,
Питался при дороге, помня зло, но и добро.
Я хорошо усвоил чувство локтя,
Который мне совали под ребро.

Бывал я там, где и другие были —
Все те, с кем резал пополам судьбу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.

Нас закаляли в климате морозном,
Нет никому ни в чем отказа там.
Так что чечены, жившие при Грозном,
Намылились с Кавказа в Казахстан.

А там Сибирь — лафа для брадобреев, —
Скопление народов и нестриженных бичей,
Где место есть для зэков, для евреев
И недоистребленных басмачей.

В Анадыре что надо мы намыли,
Нам там ломы ломали на горбу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.

Мы пили всё, включая политуру,
И лак и клей, стараясь не взболтнуть, —
Мы спиртом обманули пулю-дуру!
Так, что ли, умных нам не обмануть?

Пью водку под орехи для потехи,
Коньяк под плов с узбеками, по-ихнему — пилав.
В Норильске, например, в горячем цехе
Мы пробовали пить стальной расплав.

Мы дыры в деснах золотом забили,
Состарюсь — выну, — денег наскребу!
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.

Какие песни пели мы в ауле,
Как прыгали по скалам нагишом!
Пока меня с пути не завернули,
Писался я чечено-ингушом.

Одним досталась рана ножевая,
Другим — дела другие, ну, а третьим —
третья треть.
Сибирь, Сибирь — держава бичевая,
Где есть где жить и есть где помереть!

Я был кудряв, но кудри истребили —
Семь пядей из-за лысины во лбу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетела с выхлопом в трубу.

Воспоминанья только потревожь я —
Всегда одно: «На помощь! Караул!»
Вот бьют чеченов немцы из Поволжья,
А место битвы — город Барнаул.

Когда дошло почти до самосуда,
Я встал горой за горцев, чье-то горло теребя.
Те и другие были не отсюда,
Но воевали, словно у себя.

А те, кто нас на подвиги подбили —
Давно лежат и корчатся в гробу.
Их всех свезли туда в автомобиле,
А самый главный вылетел в трубу.

<осень 1977>

* * *

Эта песня посвящается Вадиму Туманову, это после поездки...

В младенчестве нас матери пугали,
Суля за ослушание Сибирь, грозя рукой.
Они в сердцах бранились и едва ли
Желали детям участи такой.

А мы пошли — за так на "четвертак", за ради бога,
В обход и напролом, и просто пылью по лучу.
К каким порогам приведет дорога?
В какую пропасть напоследок прокричу?

Мы Север свой отыщем без компа́са.
Угрозы матерей мы зазубрили как завет.
И ветер дул, с костей сдувая мясо
И радуя прохладою скелет.

Мольбы и стоны здесь не выживают —
Хватает и уносит их поземка и метель.
Слова и слезы на лету смерзают,
Лишь брань и пули настигают цель.

А мы пошли — за так на "четвертак", за ради бога,
В обход и напролом, и просто пылью по лучу.
К каким порогам приведет дорога?
В какую пропасть напоследок прокричу?

Про все писать — не выдержит бумага.
Все в прошлом, ну а прошлое — былье и трын-трава.
Не раз нам кости перемыла драга —
В нас, значит, было золото, братва!

Но чуден звон души моей помина,
И белый день белей, и ночь черней, и суше снег,

И мерзлота — надежней формалина
Мой труп на память схоронит навек.

А мы пошли — за так, за "четвертак", за ради бога,
В обход и напролом, и просто пылью по лучу.
К каким порогам приведет дорога?
В какую пропасть напоследок прокричу?

Я на воспоминания не падок,
Но если занесла судьба, — гляди и не тужи.
Мы здесь подохли, — вон он, тот распадок! —
Нас выгребли бульдозеров ножи.

Здесь мы пошли за так на "четвертак", за ради бога,
В обход и напролом, и просто пылью по лучу.
К каким порогам приведет дорога?
В какую ж пропасть напоследок прокричу?

<лето 1977>

* ПОБЕГ «НА РЫВОК» *

Посвящается Вадиму Туманову

Был побег на рывок —
Наглый, глупый, дневной.
Вологодского с ног
И — вперед головой!

И запрыгали двое,
В такт сопя на бегу,
На виду у конвоя
Да по пояс в снегу.

Положен строй в порядке образцовом,
И взвыла «Дружба» — старая пила,
И осенили знаменьем свинцовым
С очухавшихся вышек три ствола.

Все лежали плашмя,
В снег уткнули носы.
А за нами двумя —
Бесноватые псы.

Девять граммов горячие,
Как вам тесно в стволах!
Мы на мушках корячились,
Словно как на колах.

Нам — добежать до берега, до цели,
Но свыше — с вышек — все предрешено:
Там у стрелков мы дергались в прицеле,
Умора просто, до чего смешно.

Вот бы мне посмотреть,
С кем отправился в путь,
С кем рискнул помереть,
С кем затеял рискнуть.

Где-то виделись будто.
Чуть очухался я,
Прохрипел: «Как зовут-то?
И какая статья?»

Но поздно — зачеркнули его пули
Крестом: затылок, пояс, два плеча.
А я бежал и думал: «Добегу ли?» —
И даже не заметил сгоряча.

Я к нему, чудаку:
Почему, мол, отстал?
Ну, а он — на боку
И мозги распластал.

Пробрало! Телогрейка —
Аж просохла на мне.
Лихо бьет трехлинейка —
Прямо как на войне.

Как за грудки держался я за камни.
Когда собаки близко — не беги!
Псы покропили землю языками
И разбрелись, слизав его мозги.

Приподнялся и я,
Белый свет стервеня,
И гляжу: «кумовья»
Поджидают меня.

Пнули труп: «Сдох, скотина!..
Нету проку с него».
За поимку — полтина,
А за смерть — ничего.

И мы прошли гуськом перед бригадой,
Потом — за вахту, отряхнувши снег.

Они — обратно в зону, за наградой,
А я — за новым сроком за побег.

Я сначала грубил,
А потом перестал.
Целый взвод меня бил,
Аж два раза устал.

Зря пугают тем светом:
Тут — с дубьем, там — с кнутом.
Врежут там — я на этом,
Врежут здесь — я на том.

Я гордость под исподнее упрятал —
Видал, как пятки лижут гордецы!
Пошел лизать я раны в лизолятор,
Не зализал — и вот они, рубцы.

Надо б нам вдоль реки —
Он был тоже не слаб, —
Чтоб людям не с руки,
А собакам — не с лап.

Вот и сказке конец —
Зверь бежал на ловца —
Снес, как срезал, ловец
Беглецу пол-лица.

Всё взято в трубы, перекрыты краны,
Ночами только ноют и скулят...
Но надо, надо сыпать соль на раны,
Чтоб лучше помнить — пусть они болят.

<1977>

* РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ *

Я умру, говорят, —
мы когда-то всегда умираем.
Съезжу на дармовых,
если в спину сподобят ножом, —
Убиенных щадят,
отпевают и балуют раем.
Не скажу про живых,
а покойников мы бережем.

В грязь ударю лицом,
завалюсь покрасивее на бок, —
И ударит душа
на ворованных клячах в галоп.
Вот и дело с концом, —
в райских кущах покушаю яблок.
Подойду не спеша —
вдруг апостол вернет, остолоп.

Чур меня самого!
Наважденье, знакомое что—то, —
Неродящий пустырь
и сплошное ничто — беспредел,
И среди ничего
возвышались литые ворота,
И этап-богатырь —
тысяч пять — на коленках сидел.

Как ржанет коренник, —
я смирил его даром овсовым,
Да репей из мочал
еле выдрал и гриву заплел.
Петр-апостол, старик,
что-то долго возился с засовом,
И кряхтел, и ворчал,
и не смог отворить — и ушёл.

Тот огромный этап
не издал ни единого стона,
Лишь на корточки вдруг
с онемевших колен пересел.
Вот — следы песьих лап.
Да не рай это вовсе, а зона!
Все вернулось на круг,
и Распятый над кругом висел.

Мы с конями глядим:
вот уж истинно — зона всем зонам!
Хлебный дух из ворот —
это крепче, чем руки вязать.
Я пока невредим,
но и я нахлебался озоном,
Лепоты полон рот,
и ругательства трудно сказать.

Засучив рукава,
пролетели две тени в зеленом.
С криком — «В рельсу стучи!» —
пропорхнули на крыльях бичи.
Там малина, братва, —
нас встречают малиновым звоном!
Нет, звенели ключи —
это к нам подбирали ключи.

Я подох на задах,
на руках на старушечьих дряблых,
Не к Мадонне прижат
Божий сын, а в хоромах — холоп.
В дивных райских садах
просто прорва мороженных яблок,
Но сады сторожат
и стреляют без промаха в лоб.

Херувимы кружат,
ангел окает с вышки — занятно!
Да не взыщет Христос, —
рву плоды ледяные с дерев.
Как я выстрелу рад —
ускакал я на землю обратно,
Вот и яблок принес,
их за пазухой телом согрев.

Я вторично умру —
если надо, мы вновь умираем.
Удалось, Бог ты мой,
я не сам — вы мне пулю в живот.
Так сложилось в миру —
всех застреленных балуют раем.
А оттуда — землей —
береженого Бог бережет.

В грязь ударю лицом,
завалюсь после выстрела на бок.
Кони хочут овсу,
но пора закусить удила.
Вдоль обрыва, с кнутом,
по-над пропастью, пазуху яблок
Я тебе принесу —
потому и из рая ждала.

<1977>

• ЧАСТУШКИ К СПЕКТАКЛЮ «ЖИВОЙ» •

I. На уход из колхоза:

Видно, острая заноза
В душу врезалась ему,
Только зря ушёл с колхоза,
Хуже будет одному.

Ведь его не село
До такого довело!

II. После велосипеда:

Воронку бы власть — любого
Он бы прятал в «воронки»,
А особенно Живого,
Только — руки коротки.

Черный Ворон, что ты вьешься
Над Живою головой?
Пашка Ворон, зря смеешься:
Лисапед еще не твой!

Как бы через село
Пашку вспять не понесло!

III. После исполкома:

Мотяков, твой громкий голос
Не на век, не на года,
Этот голос — тонкий волос —
Лопнет враз и навсегда.

Уж как наше село
И не то ещё снесло.

IV. Пете Долгому:

Петя Долгий в сельсовете —
Как Господь на небеси.
Хорошо бы эти Пети
Долго жили на Руси.

Ну а в наше село
Гузенкова занесло.

V. После ангела:

Больно Федька загордился,
Больно требовательный стал.
Ангел с неба появился —
Он и ангела прогнал.

Ходит в наше село
Ангел редко, как на зло!

VI. После снятия Мотякова:

Эй, кому бока намяли?
Кто там ходит без рогов?
Мотякова обломали,
Стал комолый Мотяков.

Так бежал через село —
Потерял аж два кило!

VII. После рыбалки:

Без людей, да без получки
До чего, Фомич, дойдешь?
Так и знай — дойдешь до ручки,
С горя горькую запьешь!

Знает наше село,
Что с такими-то было!

VIII. Когда Живой упал:

Настрадался в одиночку,
Закрутился блудный сын.
То ль судьбе он влепит — точка,
То ль судьба — в лопатки клин.

Что ни делал, как назло,
Завертело, замело.

IX. «Тогда и я там! Берите меня!»

Колос вырос из побега,
Всем невзгодам супротив.
Он помыкался, побегал
И вернулся в коллектив.

Уж как наше село
Снова члена обрело!

<апрель 1971>

◆ ◆ ◆

Сорняков, когда созреют, —
Всякий опасается.
Дураков никто не сеет —
Сами нарождаются.

<начало 1972>

Пособие для начинающих и законченных халтурщиков

* ЧЕТЫРЕ *

Поэма-песня в сорока девяти днях
(сокращенное издание)

Все началось случайно. Люди оказались четыре на один с бушующим океаном...

I

Волна на волну находила,
И вал за валом набегал.
Зиганшин стоял у кормила
И глаз ни на миг не смыкал.

II

Стихия реветь продолжала
И Тихий шумел океан.
Асхана сменил у штурвала
Спокойный Федотов Иван.

III

Суров же ты, климат охотский, —
Уже третий день ураган.
Встаёт у руля сам Крючковский,
На отдых уходит Иван.

Мысли по поводу, и раздумья по нему:

IV

Но вот ослабели пассаты
И стала спокойней волна,
Вздохнули глубоко солдаты,
А с ними вздохнул старшина.

V

Горючее кончилось раньше,
Так мало — что есть и что пить, —
И юный, но мудрый Зиганшин
Запасы решил разделить.

Дальше следует много дней умеренного, затем скудного и, наконец, совсем скудного питания. Но люди бодры, добры и друг на друга не обижаются...

XVIII

Доедена банка консервов
И суп из картошки одной.
Всё меньше здоровья и нервов,
Всё больше желанье домой.

XIX

Страшнее, ужасней лишенья,
Не видно ни лодки, ни зги.
И принято было решенье —
И начали есть сапоги.

XX

Последнюю съели картошку,
Взглянули друг другу в глаза...
Когда ел Поплавский гармошку,
Крутая скатилась слеза.

...Голод становится невыносимым. Культмассовая работа не ведется по причине отсутствия муз. инструментов. Люди ослабли, но смотрят прямо и друг друга не едят.

XXXVII

Сердца продолжали работу,
Но реже становится стук.
Спокойный и слабый Федотов

Глотал предпоследний каблук.

XXXVIII

Вот снова муссон разыгрался,
Вот снова ревет океан.
К штурвалу едва подобрался
Все тот же Зиганшин Асхан.

XXXIX

На суше он воин заправский
И штурман заправский он тут.
Крючковский, Федотов, Поплавский
Под палубой песни поют.

XL

Лежали все четверо в лёжку,
Ни лодки, ни крошки вокруг.
Зиганшин скрутил козью ножку
Слабевшими пальцами рук.

Есть нечего, пить нечего, курить нечего, но люди снова бодры. У них второе дыхание, потом третье, потом четвертое... Мысли о еде приходят все чаще, мысли не о еде — все реже. Но все время — мысль о доме, о родном подразделении, о хлебе.

XLVI

Зиганшин крепился, держался,
Бодрил, сам был бледный, как тень,
И то, что сказать собирался,
Сказал лишь на следующий день.

XLVII

«Друзья!.. — Через час: — Дорогие!..
Ребята! — ещё через час. —
Ведь нас не сломила стихия,

Так голод ли сломит ли нас?

XLVIII

Забудем про пищу, — чего там! —
А вспомним про суперфосфат...»
«Узнать бы, — стал бредить Федотов, —
А что у нас в части едят?»

XLIX

И вдруг: не мираж ли, не миф ли —
Какое-то судно идёт.
К биноклю все сразу приникли,
А с судна летел вертолёт...

Далее все известно из газет: люди здоровы, едят, пьют, отдыха<ют> и фотографируются вместе.

Заключение

Окончены все переплёты,
Вновь служат, — что, взял, океан? —
Поплавский, Крючковский, Федотов
И с ними Зиганшин Асхан!

Все отступления в прозе можно рифмовать по принципам:
I. 1) океан — Асхан — Иван;
2) картошку — гармошку — крошку — ножку;
II. Чаще употреблять фамилии героев;
III. Герои должны петь <и> помнить о доме;
IV. Зиганшин — старший, его употреблять чаще.
Таким же образом могут быть написаны поэмы о покорителях Арктики, об экспедиции в Антарктиде, о жилищном строительстве и о борьбе против колониализма. Надо только знать фамилии и иногда читать газеты.

<после 8 марта 1960>

* АНТИСЕМИТЫ *

Зачем мне считаться шпаной и бандитом,
Не лучше ль податься мне в антисемиты?
На их стороне, хоть и нету законов, —
Поддержка и энтузиазм миллионов.

Решил я — и, значит, кому-то быть битым,
Но надо ж узнать, кто такие семиты?
А вдруг это очень приличные люди,
А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет?!

Но друг и учитель — алкаш в бакалее —
Сказал, что семиты — простые евреи.
Да это ж такое везение, братцы,
Теперь я спокоен, чего мне бояться!

Я долго крепился, ведь благоговейно
Всегда относился к Альберту Эйнштейну.
Народ мне простит, но спрошу я невольно:
Куда отнести мне Абрама Линкóльна?

Средь них — пострадавший от Сталина Каплер,
Средь них — уважаемый мной Чарли Чаплин,
Мой друг Рабинович и жертвы фашизма,
И даже основоположник марксизма.

Но тот же алкаш мне сказал после дельца,
Что пьют они кровь христианских младенцев.
И как-то в пивной мне ребята сказали,
Что очень давно они Бога распяли.

Им кровушки надо! Они по запарке
Замучили, гады, слона в зоопарке.
Украли, я знаю, они у народа
Весь хлеб урожая минувшего года.

По Курской, Казанской железной дороге
Построили дачи, живут там как боги.
На всё я готов — на разбой и насилье —
И бью я жидов, и спасаю Россию!

<1963, осень>

* * *

Парня спасём, парня в детдом
На воспитанье —
Даром учить, даром поить,
Даром питанье.

Жизнь, как вода, вёл я всегда —
Жизнь бесшабашную.
Всё ерунда, кроме суда
Самого страшного.

Всё вам дадут, всё вам споют —
Будьте прилежными!
А за оклад — ласки дарят
Самые нежные.

Вёл я всегда жизнь без труда —
Жизнь бесшабашную.
Всё ерунда, кроме суда
Самого страшного.

<1964, июль>

✧ ✧ ✧

Шофёр ругал погоду
И говорил: «Влияют на неё
Ракеты, спутники, заводы,
А в основном — жульё».

<1965, апрель>

* * *

А люди всё роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли,
А те, кто сзади нас, — уже едят!»

Им объяснили, чтобы не ругаться:
«Мы просим вас, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, ведь это — иностранцы!
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

Но люди всё роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли,
А те, кто сзади нас, — уже едят!»

Но снова объяснил администратор:
«Я вас прошу, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, ведь это — делегаты!
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

Но люди всё кричали и кричали,
Но люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли,
А те, кто сзади нас, — уже едят»...

<1966, 1 июля, Сухуми>

◆ ◆ ◆

Вот и кончился процесс,
Не слыхать овацию —
Без оваций всё и без
Права на кассацию.

Изругали в пух и прах, —
И статья удобная:
С поражением в правах
И тому подобное.

Посмотреть продукцию:
Что в ней там за трещина,
Контр — ли революция,
Анти — ли советчина?

Но сказали твёрдо: «Нет!
Чтоб ни грамма гласности!»
Сам всё знает Комитет
Нашей безопасности.

Кто кричит: «Ну то-то же!
Поделом, нахлебники!
Так-то, перевёртыши!
Эдак-то, наследники».

«Жили, — скажут, — татями!
Сколько злобы в бестиях!» —
Прочитав с цитатами
Две статьи в «Известиях».

А кто кинет втихаря
Клич про конституцию,
«Что ж, — друзьям шепнёт, — зазря
Мёрли в революцию?!...» —

По парадным, по углам
Чуть повольнодумствуют:
«Снова — к старым временам...» —
И опять пойдут в уют.

А Гуревич говорит:
«Непонятно, кто хитрей?
Как же он — антисемит,
Если друг его — еврей?

Может быть, он даже был
Мужества немалого!
Шверубович-то сменил
Имя на Качалова...»

Если это, так сказать,
«Злобные пародии», —
Почему бы не издать
Их у нас на Родине?

И на том поставьте крест!
Ишь, умы колышутся!
В лагерях свободных мест
Поискать — отыщутся.

Есть совет — они сидят, —
Чтоб «сидели» с пользою,
На счету у них лежат
Суммы грандиозные,

Пусть они получат враз —
Крупный куш обломится,
И валютный наш запас
Оченно пополнится.

<1966, 14 февраля>

* ЗАБЫЛИ *

Икона висит у них в левом углу:
Наверно, они молокане.
Лежит мешковина у них на полу,
Затоптанная каблуками.

Кровати да стол — вот и весь их уют,
И две в прошлом винные бочки...
Я словно попал в инвалидный приют,
Прохожий в крахмальной сорочке.

Мне дали вино — и откуда оно! —
На рубль два здоровых кувшина,
А дед — инвалид без зубов и без ног —
Глядел мне просительно в спину.

«Желаю удачи!» — сказал я ему.
«Какая там на хрен удача!»
Мы выпили с ним, посидели в дыму,
И начал он сразу, и начал...

«А что, — говорит, — мне дала эта власть
За зубы мои и за ноги?
А дел до черта́ — напиваешься всласть
И роешь культями дороги.

Эх, были бы ноги — я б больше успел,
Обил бы я больше порогов...
Да толку, я думаю, — дед просипел, —
Да толку б и было немного».

«Что надобно, дед?» — я спросил старика.
«А надобно самую малость:
Чтоб — бог с ним, с ЦеКа, — но хотя бы ЧеКа
Судьбою интересовалась».

<1966, декабрь>

◆ ◆ ◆

Подымайте руки, в урны суйте
Бюллетени, даже не читав!
Помереть от скуки! Голосуйте,
Только, чур, меня не приплюсуйте —
Я не разделяю ваш устав!

<1966, декабрь>

✧ ✧ ✧

И с нашей мощной стартовой площадки
Уходят в небо тонны и рубли.

<1969—1970>

* МОСКВА — ОДЕССА *

В который раз лечу Москва — Одесса...
Опять не выпускают самолёт.
А вот прошла вся в синем стюардесса как принцесса,
Надёжная, как весь гражданский флот.

Над Мурманском — ни туч, ни облаков,
И хоть сейчас лети до Ашхабада.
Открыты Киев, Харьков, Кишинёв,
И Львов открыт, но мне туда не надо.

Сказали мне: «Сегодня не надейся,
Не стоит уповать на небеса!»
И вот опять дают задержку рейса на Одессу —
Теперь обледенела полоса.

А в Ленинграде с крыши потекло!
И что мне не лететь до Ленинграда?
В Тбилиси — там всё ясно, там тепло,
Там чай растёт, но мне туда не надо.

Я слышу: ростовчане вылетают,
А мне в Одессу надо позарез,
Но надо мне туда, куда меня не принимают
И потому откладывают рейс.

Мне надо, где сугробы намело,
Где завтра ожидают снегопада!
А где-нибудь всё ясно и светло,
Там хорошо, но мне туда не надо!

Отсюда не пускают, а туда не принимают —
Несправедливо, грустно мне, но вот
Нас на посадку скучно стюардесса приглашает,
Доступная, как на весь гражданский флот.

Открыли самый дальний закуток,
В который не заманят и награды.
Открыт закрытый порт Владивосток,
Париж открыт, — но мне туда не надо.

Взлетим мы, распогодится — теперь запреты снимут.
Напрягся лайнер, слышен визг турбин...
А я уже не верю ни во что — меня не примут,
Опять найдётся множество причин.

Мне надо, где метели и туман,
Где завтра ожидают снегопада!..
Открыли Лондон, Дели, Магадан —
Открыли всё, но мне туда не надо!

Я прав: хоть плачь, хоть смейся, но опять задержка рейса,
И нас обратно к прошлому ведёт
Вся стройная, как «ТУ», та стюардесса мисс Одесса,
Похожая на весь гражданский флот.

Опять дают задержку до восьми,
И граждане покорно засыпают.
Мне это надоело, чёрт возьми,
И я лечу туда, где принимают!..

<1967, июль — декабрь>

* ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ВСЕ ТАК ЖЕ *

Еще бы не бояться мне полетов,
Когда начальник мой, Е.Б.Изотов,
Жалея, вроде, колет, как игла:
«Эх, — говорит, — бедняга,
У них и то в Чикаго
Три дня назад авария была».

Хотя бы сплюнул: все же люди — братья.
И мы вдвоем, и не под кумачем,
Но знает, черт, что я для предприятья —
Я хоть куда, хоть как, и хоть на чем.

Мне не страшно — я навеселе,
Чтоб по трапу пройти, не моргнув,
Тренируюсь уже на земле,
Туго-натуго пояс стянув.

Но, слава богу, я не вылетаю,
В аэропорте время коротаю,
Еще с одним таким же — побратим.
Мы пьем седьмую за день
За то что все мы сядем
И, может быть, туда — куда летим.

Пусть в ресторане не дают на вынос,
Там радио молчит, там благодать!
Вбежит швейцар и рявкнет: «Кто на Вильнюс,
Спокойно продолжайте выпивать».

Мне летать — острый нож и петля:
Ни поесть, ни распить, ни курнуть.
И к тому ж, безопасности для
Должен я сам себя пристегнуть.

У автомата — в нем ума палата —
Стою я, улыбаюсь глуповато.
Он мне такое выдал (автомат):
Невероятно! В Ейске —
Почти по-европейски —
Свобода слова, если это мат.

Мой умный друг к полудню стал ломаться,
Уже наряд милиции зовут —
Он гнул винты у ИЛа-18
И требовал немедля парашют.

Я приятеля стал вразумлять:
«Паша, Пашенька, Паша, Пашут,
Если нам по чуть-чуть добавлять,
Так на кой тебе шут парашют?!»

Он объяснил, такие врать не станут:
Летел он раз, ремнями не затянут,
Вдруг — взрыв! Но он был к этому готов.
И тут нашел лазейку:
Расправил телогрейку
И приземлился в клумбу от цветов.

Мы от его рассказа обалдели.
А здесь все переносят — и не зря —
Все рейсы на последние недели
Уже на тридцать третье декабря.

Я напрасно верчусь на пупе,
Я напрасно волнуюсь вообще.
Если в воздухе будет ЧП —
Приземлюсь на китайском плаще.

Но, смутно беспокойство ощущая,
Припоминаю, вышел без плаща я.

Ну что ж ты натворила, Кать, а Кать?
Вот только две соседки
С едой всучили сетки,
А сетки — воздух будут пропускать.

Прослушал объявленья я. Но я бы
Уже не встал — теперь не подымай.
Вдруг слышу: «Пассажиры, за ноябрь
Ваш вылет переносится на май!..»

Зря я дергаюсь: Ейск — не Бейрут,
Пассажиры покорней ягнят,
Террористов на рейс не берут,
Неполадки к весне устранят.

Считайте меня полным идиотом,
Но я б и там летал Аэрофлотом:
У них — «гуд бай» — и в небо, хошь — не хошь.
А здесь — сиди и грейся,
Всегда задержка рейса,
Хоть день, а все же лишний проживешь.

Мы взяли пунш и кожу индюка. Бр-р-р!..
Теперь снуем «до ветру» в темноту:
Удобства — во дворе, хотя декабрь,
И Новый Год летит себе на «ТУ».

Друг мой честью клянется спьяна,
Что он всех, если надо сместит.
«Как же так, — говорит, — вся страна
Никогда никуда не летит?!»

А в это время где-то в Красноярске,
На кафеле рассевшись по-татарски,
О промедленьи вовсе не скорбя,
Проводит сутки третьи

С шампанским в туалете
Сам Новый год и пьет сам за себя.

Помешивая воблою в бокале,
Чтоб вышел газ — от газа он блюёт —
Сидит себе на аэровокзале
И ждет, когда наступит Новый год.

Но в Хабаровске рейс отменен,
Там надежно застрял самолет.
Потому-то и новых времен
В нашем городе не настает.

<декабрь 1978 — сентябрь 1979>

✧ ✧ ✧

За окном —
Только вьюга, смотри, —
Да пурга, да пурга...
Под столом —
Только три, только три
Сапога, Сапога...

Только кажется, кажется, кажется мне,
Что пропустит вперёд весна,
Что по нашей стране, <что по нашей стране>
Пелена спадет, пелена.

Попутной
Машиной доберись,
И даром
Возьми да похмелись,
Ты понимаешь,
Мне нужен позарез, ну а ты непричём.
И сам ты знаешь —
И что к чему, и что почём.

За окном
Всё метёт, метёт...

<1970(?)>

* * *

Не покупают никакой еды —
Все экономят вынужденно деньги:
Холера косит стройные ряды,
Но люди вновь смыкаются в шеренги.

Закрыт Кавказ, горит «Аэрофлот»,
И в Астрахани лихо жгут арбузы.
Но от станка рабочий не уйдёт,
И крепнут как всегда здоровья узы.

Убытки терпит целая страна,
Но вера есть! Всё зиждется на вере,
Объявлена народная война
Одной несчастной, бедненькой холере.

На трудовую вахту встал народ
В честь битвы с новоявленною порчей.
Но пасаран! Холера не пройдёт!
Холере — нет, и всё, и бал окончен!

Ей не пройти, ей просто не посметь
Проникнуть через тысячу пикетов!..
Её я встретил бледную, как смерть,
И хилую, как тысяча скелетов.

Уверен я, холере скоро тлеть!
А ну-ка — залп из тысячи орудий!
Вперёд! Холерой могут заболеть
Холерики — несдержанные люди.

<осень 1970>

✧ ✧ ✧

Не будь такой послушный и воспитанный я, —
Клянусь, я б просто стал ей кавалером:
Была розовощёкая, упитанная,
Такая симпатичная холера!

Кто с холерой не в ладах —
Тот и чахнет на глазах,
А кто с холерою в ладах —
Не испытывает страх.

Люди ходят на руках,
Позабыли о делах,
Но жена — всегда в бегах,
Как холера в сапогах.

<осень 1970>

◆ I ◆

Муру на блюде доедаю подчистую.
Глядите, люди, как я смело протестую!
Хоть я икаю, но твердею как Спаситель,
И попадаю за идею в вытрезвитель.

Вот заиграла музыка для всех,
И стар и млад, приученный к порядку —
Всеобщую танцует физзарядку,
Но я — рублю сплеча, как дровосек:
Играют танго — я иду вприсядку.

Объявлен рыбный день — о чём грустим?
Хек с маслом в глотку — и молчим как рыбы.
Повеселей: хек сёмге — побратим.
Наступит птичий день — мы полетим,
А упадём — так спирту на ушибы.

II

Я был завсегдатаем всех пивных,
Меня не приглашали на банкеты:
Я там горчицу вмазывал в паркеты,
Гасил окурки в рыбьих заливных
И слёзы лил в пожарские котлеты.

Я не был твёрд, но не был мягкотел,
Семья пожить хотела без урода,
В ней все — кто от сохи, кто из народа.
И покатился <я> и полетел
По жизни — от привода до привода.

А в общем, что? Иду — нормальный ход,
Ногам легко, свободен путь и руки.
Типичный люмпен — если по науке,
А по уму — обычный обормот,
Нигде никем не взятый на поруки.

Недавно опочили старики —
Большевики с двенадцатого года.
Уж так подтасовалася колода:
Они — во гроб, я — в чёрны пиджаки,
Как выходец из нашего народа.

У нас отцы — кто дуб, кто вяз, кто кедр,
Охотно мы вставляем их в анкетки,
И много нас, и хватки мы, и метки,
Мы бдим, едим, восшедшие из недр,
Предельно сокращая пятилетки.

Я мажу джем на чёрную икру,
Маячат мне и близости и дали, —
На жиже, не на гуще мне гадали.
Я из народа вышел поутру,
И не вернусь, хоть мне и предлагали.

Конечно, я не много прозевал,
Но где ты, где, учитель мой зануда?
Не отличу катуда от ануда!
Зря вызывал меня ты на завал —
Глядишь теперь откуда-то оттуда.

III.

В стране с таким народонаселеньем
Кордыбалетов этих пруд пруди!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Я юркнул с головой под покрывало,
И стал смотреть невероятный сон:
Во сне статуя Мухиной сбежала,
Причём — чур-чур! — колхозница сначала,

Упёрся он, она, крича, серчала,
Серпом ему — и покорился он.

Хвать-похвать, глядь-поглядь —
Больше некому стоять,
Больше некому приезжать,
Восхищать и ослеплять.

Слетелись голубочки — гули-гули!
Какие к чёрту гули, хоть кричи!
Надули голубочков, обманули,
Скользили да плясали люли, люли,
И — на́ тебе! — в убежище нырнули
Солисты, гастролёры, первачи.

Теперь уж им на голову чего-то
Не уронить, ничем не увенчать,
Ищи-свищи теперь и Дон-Кихота
В каких-то Минессота<х> и Дакота<х>.
Вот сновиденье в духе Вальтер Скотта.
Качать меня, лишать меня, молчать!

<1975>

❖ ❖ ❖

По речке жизни плавал честный Грека
И утонул, иль рак его настиг.
При Греке «заложили» человека,
А Грека — «заложил за воротник».

В нем добрая заложена основа,
Он оттого и начал поддавать.
«Закладывать» — совсем простое слово
А в то же время значит: «предавать».

Или еще пример такого рода:
Из-за происхождения взлетел,
Он вышел из глубинки, из народа,
И возвращаться очень не хотел.

Глотал упреки и зевал от скуки,
Что оторвался от народа — знал,
Но «оторвался» — это по науке,
На самом деле — просто убежал.

<1980(?)>

✧ ✧ ✧

Стреляли мы по черепу — на счастье.
И я был всех удачливей в стрельбе.
Бах! Расколол на три неравных части
И большую — конечно, взял себе.

Мой друг и в детстве был меня ушастей,
Он слышал даже шепот и смешно...
Но он не уберегся от напастей —
Напротив: сел за то, что много знал.

Что счастие не в том, что много слышим,
А в том, чтоб слыша не запоминать.
Но лучше и не слышать и не знать,
Да заодно и говорить излишне.

<1980(?)>

◆ ◆ ◆

Однако, втягивать живот
Полезно, только больно.
Ну, вот и всё! Вот так-то вот!
И этого довольно.

А ну, сомкнуть ряды и рты!
А ну, втяните животы!
А у кого они пусты —
Ремни к последней дырке!
Ну как такое описать
Или еще отдать в печать?
Но, даже если разорвать, —
Осталось на копирке:

<Однако, втягивать живот
Полезно, только больно.
Ну, вот и всё! Вот так-то вот!
И этого довольно.>

Вообще такие времена
Не попадают в письмена,
Но в этот век печать вольна —
Льет воду из колодца.
Товарищ мой (он чей-то зять)
Такое б мог порассказать
Для дела... Жгут в печи печать,
Но слово остается:

<Однако, втягивать живот
Полезно, только больно.
Ну, вот и всё! Вот так-то вот!
И этого довольно.>

<весна 1980>

✧ ✧ ✧

[Напрасно я лицо свое разбил —
Кругом молчат — и все, и взятки гладки],
Один ору — еще так много сил,
Хоть по утрам не делаю зарядки.

Да я осилить мог бы тонны груза!
Но, видимо, не стоило таскать —
Мою страну, как тот дырявый кузов,
Везет шофер, которому плевать.

<1976>

* * *

А мы живем в мертвящей пустоте —
Попробуй надави, так брызнет гноем...
И страх мертвящий заглушаем воем —
И вечно первые, и люди, что в хвосте.

И обязательные жертвоприношенья,
Отцами нашими воспетые не раз,
Печать поставили на наше поколенье,
Лишили разума, и памяти, и глаз.

И запах крови, многих веселя...

<до апреля 1979>

❖ ❖ ❖

Я никогда не верил в миражи,
В грядущий рай не ладил чемодана —
Учителей сожрало море лжи
И выплюнуло возле Магадана.

Но свысока глазея на невежд,
От них я отличался очень мало —
Занозы не оставил Будапешт,
А Прага сердце мне не разорвала.

А мы шумели в жизни и на сцене:
Мы путаники, мальчики пока!
Но скоро нас заметят и оценят.
Эй! Против кто?
Намнём ему бока!

Но мы умели чувствовать опасность
Задолго до начала холодов,
С бесстыдством шлюхи приходила ясность
И души запирала на засов.

И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз, —
Мы тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас.

<до апреля 1979>

“..я б отсюда в тапочках в тайгу бежал...”

* ПРО СУМАСШЕДШИЙ ДОМ *

Сказал себе я: брось писать!
Но руки сами просятся.
Ох, мама моя ро́дная, друзья любимые!
Лежу в палате — ко́сятся.
Не сплю: боюсь — набросятся.
Ведь рядом — психи тихие, неизлечимые.

Бывают психи разные:
не буйные, но грязные,
Их лечат — морят голодом, их санитары бьют.
И вот что удивительно:
все ходят без смирительных,
И то, что мне приносится, всё психи эти жрут.

Куда там Достоевскому
с «Записками» известными!
Увидел бы, покойничек, как бьют об двери лбы!
И рассказать бы Гоголю
про нашу жизнь убогую —
Ей-богу, этот Гоголь бы нам не поверил бы!

Вот это мука! Плюй на них,
они ж ведь, сука, буйные!
Все норовят меня лизнуть, ей-богу, нету сил!
Вчера в палате номер семь
один свихнулся насовсем,
Кричал: «Даёшь Америку!» — и санитаров бил.

Я не желаю славы и
пока я в полном здравии,
Рассудок не померк ещё, — но это впереди.
Вот главврачиха — женщина
пусть тихо, но помешана, —
Я говорю: «Сойду с ума!» — Она мне: «Подожди».

Я жду. Но чувствую: уже
хожу по лезвию ноже...
Забыл алфáвит, падежей припомнил только два.
И я прошу моих друзья,
чтоб кто бы их бы ни был я, —
Забрать его, ему, меня отсюдова!

<ноябрь — декабрь 1965>

◆ ◆ ◆

Я лежу в изоляторе,
Здесь кругом резонаторы:
Если что-то случается —
Тут же врач появляется.

Здесь врачи — узурпаторы,
Злые, как аллигаторы!
Персонал — то есть нянечки —
Запирают в предбанничке.

Что мне север, экваторы,
Что мне бабы-новаторы,
Если в нашем предбанничке
Так свирепствуют нянечки!

Санитары — как авторы,
Хоть не бегай в театры вы! —
Бьют и вяжут, как веники,
Правда, мы — шизофреники.

У них лапы косматые,
У них рожи усатые
И бутылки початые,
Но от нас их попрятали.

<начало 1969>

* * *

И душа, и голова, кажись, болит, —
Верьте мне, что я не притворяюсь.
Двести тыщ тому, кто меня вызволит,
Ну и я, конечно, попытаюсь.

Нужно мне туда, где ветер с соснами,
Нужно мне — и всё, там интересней!
Поделюсь хоть всеми папиросами
И ещё спою вдобавок песни.

Дайте мне глоток другого воздуха!
Смею ли роптать?! Конечно, смею!
Запах здесь!.. А может быть, вопрос в духах?..
Отблагодарю — когда сумею.

Нервы у меня хотя лужёные,
Кончилось спокойствие навеки.
Эх вы мои нервы заслужённые!
Ожили б — ходили, как калеки.

Не глядите на меня, что губы сжал,
Если слово вылетит, то — злое.
Я б отсюда в тапочках в тайгу бежал
И завыл там трезвый, не в запое!

<начало 1969>

* ПАЛАТА НАРКОМАНОВ *

Не писать мне по́вестей, романов,
Не читать фантастику в углу, —
Я лежу в палате наркоманов,
Чувствую — сам сяду на иглу.

Кто-то раны лечил боевые,
Кто-то так обеспечил тылы.
Эй вы, парни мои «шировые»,
Поскорее слезайте с иглы!

В душу мне сомнения запали,
Голову вопросы мне сверлят, —
Я лежу в палате, где глотали,
Нюхали, кололи всё подряд.

Кто-то там проколол свою душу,
Кто-то просто остался один...
Эй вы, парни, бросайте «морфушу» —
Перейдите на апоморфин.

Тут один знакомый шизофреник
(В него тайно няня влюблена)
Говорит: «Когда не будет денег —
Перейду на капли Зимина».

Кто-то там проколол свою совесть,
Кто-то в сердце вкурил анашу...
Эх вы, парни! Про вас нужно повесть!
Жалко, повестей я не пишу.

<начало 1969>

* * *

<...> стою, словно голенький,
Вспоминаю и мать, и отца, —
Грустные гуляют параноики,
Чахлые сажают деревца.

<1971>

✧ ✧ ✧

Я сказал врачу: «Я за все плачу!
За грехи свои, за распущенность.
Уколи меня,— я сказал врачу, —
Утоли за все, что пропущено.

Пусть другие пьют в семь раз пуще нас.
Им и карты все. Мой же кончен бал.
Наказали бы меня за распущенность
И уважили этим очень бы.

Хоть вяжите меня — не заспорю я.
Я и буйствовать могу — полезно нам.
Набухай, моей болезни история,
Состоянием моим болезненным!

Мне колют два месяца кряду —
Благо, зрячие.
А рядом гуляют по саду
Белогорячие.

<февраль 1968>

* * *

А меня тут узнают —
Ходят мимо и поют,
За мое здоровье пьют
андоксин.
Я же славы не люблю —
Целый день лежу и сплю,
Спросят «что с тобой» — леплю:
так, мол, сплин.

А ко мне тут пристают:
Почему, мол, ты-то тут,—
Ты ведь был для нас статут
и пример!
Что же им ответить мне? —
Мол, ударился во сне,
Мол, влияние извне,
лик химер...

А меня

<февраль 1968>

✧ ✧ ✧

Короткие, как пословицы,
И длинные от бессонницы
Приходят ночи-покойницы
Ко мне, когда гасят свет.
[Мне белый стих чей-то вторится
Про то, что воздастся сторицей,
Что сам посмеюсь на историцей
Обычной, как белый свет.

Когда ж это превозмогается —
Ничто уже не надругается,
Но там, где-то там отлагается
Благим и отлогим холмом,
И спит — незаметней старания,
Старения и умирания,
Стокра<т>ней и старше <предания> —
Как недозвучавший псалом.

Не быть больше поползновениям,
Ни пениям, ни вдохновениям,
И только в душе исступлением,
Иступленным свинским ножом,—
Что были и громы небесные,
Что жили и гномы чудесные,
Что жили да были, телесны<е>...
Да вот и отжили потом.]

<февраль 1968>

◆ ◆ ◆

Есть всегда и стол, и кров
В этом лучшем из миров,
Слишком много топоров
В этом лучшем из миров,
Предостаточно шнуров
В этом лучшем из миров...
Не хватает доноров
и докторов.

<начало 1976>

◆ ◆ ◆

Если всё — и спасенье в ноже,
И хирург с колпаком, —
Лучше, чтоб это было *уже*,
Чем *сейчас* и *потом*.

<лето 1971>

❖ ❖ ❖

Я уверен, как ни разу в жизни —
Это точно, —
Что в моём здоровом организме
Червоточина.

Может, мой никчёмный орган — плевра,
Может — многие,
Но лежу я в отделеньи невро
Патологии.

Выдам то, что держится в секрете,
Но наверное,
Наше населенье на две трети —
Люди нервные.

Эврика! Нашёл — вот признак первый,
Мной замеченный:
Те, кто пьют — у тех сплошные нервы
Вместо печени.

Высох ты и бесподобно жилист,
Словно мумия.
Знай, что твои нервы обнажились
До безумия.

Если ты ругаешь даже тихих
Или ссоришься —
Знай, что эти люди тоже психи,
Ох, напоришься!

<апрель 1969>

* БАЛЛАДА О ГИПСЕ *

Нет острых ощущений — всё старье, гнилье и хлам, —
Того гляди, с тоски сыграю в ящик.
Балкон бы, что ли, сверху, иль автобус — пополам...
Вот это боле-мене подходяще!

Повезло! Наконец повезло!
Видел бог, что дошел я до точки, —
Самосвал в тридцать тысяч кило
Мне скелет раздробил на кусочки!

Вот лежу я на спине,
загипсованный,
Каждый член у мине —
расфасованный
По отдельности
до исправности, —
Всё будет в цельности
и в сохранности.

Эх, жаль, что не роняли вам на череп утюгов,
Скорблю о вас — как мало вы успели!
Ах, это просто прелесть — сотрясение мозгов,
Ах, это наслажденье — гипс на теле!

Как броня на груди у меня,
На руках моих — крепкие латы,
Так и хочется крикнуть: «Коня мне, коня!» —
И верхом ускакать из палаты.

Но лежу я на спине,
загипсованный,
Каждый член у мине —
расфасованный
По отдельности
до исправности, —

Всё будет в цельности
и в сохранности.

Задавлены все чувства, лишь для боли нет преград.
Ну что ж, мы часто сами чувство губим!
Зато я, как ребёнок, — весь спелёнутый до пят
И окруженный человеколюбьем.

Под влияньем сестрички ночной
Я любовию к людям проникся.
И клянусь — до доски гробовой
Я б остался невольником гипса.

Вот лежу я на спине,
загипсованный,
Каждый член у мине —
расфасованный
По отдельности
до исправности, —
Всё будет в цельности
и в сохранности.

Вот жаль, что мне нельзя уже не видеть прежних снов:
Они — как острый нож для инвалида, —
Во сне я рвусь наружу из-под гипсовых оков,
Мне снятся свечи, рифмы и коррида...

Ах, надёжна ты, гипса броня,
От того, кто намерен кусаться!
Но одно угнетает меня —
Что никак не могу почесаться,

Что лежу я на спине,
загипсованный, —
Каждый член у мине —
расфасованный

По отдельности
до исправности, —
Всё будет в цельности
и в сохранности.

Так, я давно здоров, но не намерен гипс снимать:
Пусть руки стали чем-то вроде бивней,
Пусть ноги опухают — мне на это наплевать, —
Зато кажусь значительней, массивней!

Я под гипсом хожу ходуном,
Наступаю на пятки прохожим,
Мне удобней казаться слоном
И себя ощущать толстокожим.

И по жизни иду,
загипсованный, —
Каждый член — на виду,
расфасованный
По отдельности
до исправности, —
Всё будет в цельности
и в сохранности...

<февраль 1972>

✧ ✧ ✧

Вот в плащах, подобных плащпалаткам, —
Кто решил <в> такое одевать?! —
Чтоб не стать останками, *остатком* —
Люди начинают колдовать.
Девушка — под поезд: всё бывает,
Тут уж истери — не истери...
И реаниматор причитает:
«Милая, хорошая, умри!
Что ты будешь делать, век больная,
Если б даже я чего и смог?
И нужна ли ты кому такая —
Без всего, и без обеих ног?»
Выглядел он жутко и космато,
Он старался за неё дышать,
Потому что врач-реаниматор —
Это значит: должен оживлять.
...Мне не спится и не может спаться —
Не затем, что в мире столько бед:
Просто очень трудно оклематься,
Трудно, так сказать, реаниматься,
Чтоб писать поэмы, а не бред.
Я — из хирургических отсеков,
Из полузапретных катакомб,
Там, где оживляют человеков, —
Если вы слыхали о таком.
Нет подобных боен на корриде —
Фору дам, да даже сотню фор,
Только постарайтесь в странном виде
Не ходить на красный светофор!

<октябрь 1975>

◆ ◆ ◆

С.Я.Долецкому посвящается

Поздравляю вовсю — наповал!
Без опаски и без принужденья,
Ради шутки, за счет вдохновенья
Сел писать я — перо пожевал...
Вышло так: человек Возрожденья
На Садовом кольце поживал.

Ихним Медгосподам
С их доверием детским
Знамо всё, что у нас бестолково,
Но исправлен бедлам
Станиславом Долецким
И больницею им. Русакова.

Интересов, приятелей круг
Так далек еще от завершенья! —
Каждый день — за прошеньем прошенье.
Утром Вы — непременный хирург —
Операции на воскрешенье
Новорожденных, с болью старух.

Шесть часов погодя
Вы скрипите зубами...
Да! Доносчик сработал на славу!
Недалецким людям
Не сработаться с Вами,
Что делить с ними Вам — Станиславу?

Я из Вашей души и из уст
Слышал разное, неоднократно,
С вечной присказкой: «Это понятно?!»
Мне — понятно: про косточек хруст,
И про то, «до чего аккуратно
Сбил Прокрустово ложе Прокруст».

Как от этих детей
Утром смерть отсекая,
Приходилось поругивать Вам
Взрослых разных мастей:
«Ах, ты, дрянь ты такая!
Этим скальпелем — руки бы вам!»

Что-то я все «про *то*», да «про *то*»...
Я же должен совсем про другое, —
Вы ведь ляпнете вдруг: «Пудру Гойя
Никогда не снимал. А пальто
В Вашем фильме не то. А нагое
Мне приятней на ощупь, а что?!»

Вам не столько годков, —
Вы уж мне не вертите!
Бог с ней, с жизнею, старой каргой!
Видел сон я — во сне*
Вам дала Нефертити...
Так старейте назад, дорогой!

---

* Для чтения инакомыслящим и фарисеям можно так:

Так старейте назад — там жила Нефертити,
И не режьте врагов, дорогой! *(Прим. автора)*

<к 10 ноября 1979>

❖ ❖ ❖

Склоны жизни прямые до жути —
Прямо пологие:
Он один — а жена в институте
Травмотологии.
Если б склоны пологие — туго:
К крутизне мы — привычные,
А у нас ситуации с другом
Аналогичные.
А у друга ведь день рожденья —
Надо же праздновать!
Как избавиться от настроенья
Безобразного?
И не вижу я средства иного —
Плыть по течению...
И напиться нам до прямого
Ума помрачения!

<осень 1975(?)>

◆ ◆ ◆

Отпишите мне в Сибирь, я — в Сибири!
Лоб стеною прошиби в этом мире!
Отпишите мне письмо до зарплаты,
Чтоб прочесть его я смог до питья-то.

У меня теперь режим номер первый —
Хоть убей, хоть завяжи! — очень скверный.
У меня теперь дела ох в упадке, —
То ли пепел, то ль зола, всё в порядке.

Не ходите вы ко мне, это мало,
Мне достаточно вполне персонала.
Напишите мне письмо по-правдивей,
Чтоб я снова стал с умом, нерадивый.

Мне дают с утра яйцо, даже всмятку,
Не поят меня винцом за десятку,
Есть дают одно дерьмо — для диеты...
Напишите ж мне письмо не про это.

<весна 1971>

❖ ❖ ❖

Ядовит и зол, ну, словно кобра, я, —
У меня больничнейший режим.
Сделай-ка такое дело доброе, —
Нервы мне мои перевяжи.

У меня ужасная компания —
Кресло, телефон и туалет...
Это же такое испытание,
Мука и... другого слова нет.

Загнан я, как кабаны, как гончей лось,
И терплю, и мучаюсь во сне.
У меня похмелие не кончилось, —
У меня похмелие вдвойне.

У меня похмелья от сознания,
Будто я так много пропустил...
Это же моральное страдание!
Вынести его не хватил сил.

Так что ты уж сделай дело доброе,
Так что ты уж сделай что-нибудь.
А не то — воткну себе под ребра я
Нож — и всё, и будет кончен путь!

<весна 1971>

◆ ◆ ◆

Общаюсь с тишиной я,
Боюсь глаза поднять,
Про самое смешное
Стараюсь вспомина<ть>.

Врачи чуть-чуть поахали:
«Как? Залпом? Восемьсот?»
От смеха ли, от страха ли
Всего меня трясет.

Теперь я — капля в море,
Я — кадр в немом кино,
И двери — на запоре,
А все-таки смешно.

Воспоминанья кружатся
Как комариный рой,
А мне смешно до ужаса,
Но ужас мой — смешной.

Виденья всё теснее,
Страшат величиной:
То — с нею я, то — с нею...
Смешно! Иначе — ной.

Не сплю — здоровье бычее,
Витаю там и тут,
Смеюсь до неприличия
И жду — сейчас войдут.

Халат закончил опись
И взвился — бел, крылат...
«Да что же вы смеётесь?» —
Спросил меня халат.

Но ухмыляюсь грязно я
И — смаху на кровать:
«Природа смеха — разная,
Мою — вам не понять.

Жизнь — алфавит, я где-то
Уже в «це», «че», «ш<а>», «ще».
Уйду я в это лето
В малиновом плаще.

Попридержусь рукою я
[Чуть-чуть] за букву «я»,
В конце побеспокою я,» —
Сжимаю руку я.

Со мной смеются складки
В малиновом плаще.
«С покойных взятки гладки», —
Смеялся я вообще.

Смешно мне в голом виде лить
На голого ушат,
А если вы обиделись,
То я не виноват.

Палата — не помеха,
Похмелье — ерунда!
И было мне до смеха —
Везде, на всё, всегда.

Часы тихонько тикали,
Сюсюкали: сю-сю...
Вы — втихаря хихикали,
А я — давно во всю.

<май 1980>

* <ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ> *

1. ОШИБКА ВЫШЛА

Я был и слаб, и уязвим,
Дрожал всем существом своим,
Кровоточил своим больным
Истерзанным нутром.
И, словно в пошлом попурри,
Огромный лоб возник в двери
И озарился изнутри
Здоровым недобром.

Но властно дернулась рука:
«Лежать! Лицом к стене!» —
И вот мне стали мять бока
На липком топчане.

А самый главный сел за стол,
Вздохнул осатанело
И что-то на меня завел,
Похожее на дело.

Вот в пальцах цепких и худых
Смешно задергался кадык,
Нажали в пах, потом под дых,
На печень-бедолагу.
Когда давили под ребро,
Как екало мое нутро!
И кровью харкало перо
В невинную бумагу.

В полубреду, в полупылу
Разделся донага.
В углу готовила иглу
Нестарая карга.

И от корней волос до пят
По телу ужас плелся —
А вдруг уколом усыпят,
Чтоб сонный раскололся?

Он, потрудясь над животом,
Сдавил мне череп, а потом
Предплечье мне стянул жгутом
И крови ток прервал.
Я было взвизгнул, но замолк,
Сухие губы — на замок,
А он кряхтел, кривился, мок,
Писал и ликовал.

Он в раж вошел — знакомый раж,
Но я как заору:
«Чего строчишь? А ну, покажь
Секретную муру!»

Подручный — бывший психопат —
Вязал мои запястья.
Тускнели, выложившись в ряд,
Орудия пристрастья.

Я терт и бит, и нравом крут:
Могу — вразнос, могу — враскрут,
Но тут смирят, но тут уймут.
Я никну и скучаю.
Лежу я, голый как сокóл,
А главный — шмыг да шмыг за стол,
Все что-то пишет в протокол,
Хоть я не отвечаю.

Нет! Надо силы поберечь,
А то — ослаб, устал.
Ведь скоро пятки станут жечь,
Чтоб я захохотал.

Держусь на нерве, начеку,
Но чувствую — отвратно.
Мне в горло всунули кишку —
Я выплюнул обратно.

Я взят в тиски, я в клещи взят —
По мне елозят, егозят,
Все вызнать, выведать хотят,
Все пробуют на ощупь.
Тут не пройдут и пять минут,
Как душу вынут, изомнут,
Всю испоганят, изорвут,
Ужмут и прополощут.

Дыши, дыши поглубже ртом,
Да выдохни — умрешь!..
У вас тут выдохни! — потом
Навряд ли и вздохнешь.

Во весь мой пересохший рот
Я скалюсь: «Ну, порядки!
Со мною номер не пройдет,
Товарищи-ребятки!»

Убрали свет и дали газ,
Доска какая-то зажглась.
И гноем брызнуло из глаз,
И булькнула трахея.
Он стервенел, входил в экстаз.
Приволокли зачем-то таз...
Я видел это как-то раз —
Фильм в качестве трофея.

Ко мне заходят со спины
И делают укол.
Колите, сукины сыны,
Но дайте протокол!

Я даже на колени встал,
Я к тазу лбом прижался.
Я требовал и угрожал,
Молил и унижался.

Но туже затянули жгут,
Вон вижу я — спиртовку жгут.
Все рыжую чертовку ждут
С волосяным кнутом.
Где-где, а тут свое возьмут.
А я гадаю, старый шут,
Когда же раскаленный прут —
Сейчас или потом?

Шабаш калился и лысел,
Пот лился горячо.
Раздался звон, и ворон сел
На белое плечо.

И ворон крикнул: «*Never more!*» —
Проворен он и прыток.
Напоминает — прямо в морг
Выходит зал для пыток.

Я слабо поднимаю хвост,
Хотя для них я глуп и прост:
«Эй! За пристрастный ваш допрос
Придется отвечать!
Вы, как вас там по именам, —
Вернулись к старым временам?
Но протокол допроса нам
Обязаны давать!»

И я через плечо кошу
На писанину ту:
«Я это вам не подпишу,
Покуда не прочту!»

Мне чья-то желтая спина
Ответила бесстрастно:
«А ваша подпись не нужна.
Нам без нее все ясно».

Сестренка, милая, не трусь!
Я не смолчу и не утрусь,
От протокола отопрусь
При встрече с адвокатом.
Я ничего им не сказал,
Ни на кого не показал.
Скажите всем, кого я знал, —
Я им остался братом!

Он молвил, подведя черту:
Читай, мол, и остынь!
Я впился в писанину ту,
А там — одна латынь.

В глазах — круги, в мозгу — нули.
Проклятый страх, исчезни!
Они же просто завели
Историю болезни.

2. НИКАКОЙ ОШИБКИ

На стене висели в рамках бородатые мужчины.
Все в очёчках на цепочках, по-народному — в пенсне,
Все они открыли что-то, все придумали вакцины,
Так что если я не умер — это всё по их вине.

Доктор молвил: «Вы больны».
И меня заколотило,
И сердечное светило
Ухмыльнулось со стены.

Здесь не камера — палата,
Здесь не нары, а скамья.
Не подследственный, ребята,
А исследуемый я.

И хотя я весь в недугах — мне не страшно почему-то,
Подмахну давай, не глядя, медицинский протокол.
Мне известен Склифосовский — основатель института,
Мне знаком товарищ Боткин — он желтуху изобрёл.

В положении моём
Лишь чудак права качает —
Доктор, если осерчает,
Дак упрячет в «желтый дом».

Все зависит в доме оном
От тебя от самого:
Хочешь — можешь стать Буденным,
Хочешь — лошадью его.

У меня мозги за разум не заходят, верьте слову, —
Задаю вопрос с намеком, то есть лезу на скандал:
«Если б Кащенко, к примеру, лег лечиться к Пирогову,
Пирогов бы без причины резать Кащенку не стал...»

Но и врач не лыком шит, —
Сдержан он и осторожен:
«Да, вы правы, но возможен
Ход обратный», — говорит.

Вот палата на пять коек,
Вот профессор входит в дверь,
Тычет пальцем: «Параноик!» —
И поди его проверь.

Хорошо, что вас, светила, всех повесили на стенку.
Я за вами, дорогие, как за каменной стеной.

На Вишневского надеюсь, уповаю на Бурденку —
Подтвердят, что не душевно, а духовно я больной.

Род мой крепкий — все в меня.
Правда, прадед был незрячий,
Крестный мой — белогорячий,
Но ведь крестный — не родня.

Доктор, мы здесь с глазу на глаз,
Отвечай же мне, будь скор:
Или будет мне диагноз,
Или будет приговор?

Доктор мой, и санитары, и светила — все смутились,
Заоконное светило закатилось за спиной.
И очечки на цепочке как бы влагою покрылись
У отца желтухи щечки вдруг покрылись желтизной.

И нависло острие,
В страхе съежилась бумага, —
Доктор действовал на благо,
Жалко, благо не мое.

Но не лист — перо стальное
Грудь проткнуло, как стилет:
Мой диагноз — паранойя,
Это значит — пара лет.

3. ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Вдруг словно канули во мрак
Портреты и врачи.
Жар от меня струился, как
От доменной печи.

Я злую ловкость ощутил,
Пошел как на таран,
И фельдшер еле защитил
Рентгеновский экран.

И горлом кровь, и не уймешь, —
Залью хоть всю Россию.
И крик: «На стол его, под нож!
Наркоз, анестезию!»

Мне шею обложили льдом,
Спешат, рубаху рвут.
Я ухмыляюсь красным ртом,
Как на манеже шут.

Я сам себе кричу: «Трави! —
И напрягаю грудь, —
В твоей запекшейся крови
Увязнет кто-нибудь!»

Я б мог, когда б не глаз да глаз,
Всю Землю окровавить.
Жаль, что успели медный таз
Не вовремя подставить.

Уже я свой не слышу крик,
Не узнаю сестру.
Вот сладкий газ в меня проник,
Как водка поутру.

Цветастый саван скрыл и зал,
И лица докторов.
Но я им все же доказал,
Что умственно здоров.

Слабею, дергаюсь и вновь
Травлю, но иглы вводят

И льют искусственную кровь, —
Та горлом не выходит.

Хирург, пока не взял наркоз,
Ты голову нагни.
Я важных слов не произнес,
Послушай, вот они:

Взрезайте с богом, помолясь,
Тем более бойчей,
Что эти строки не про вас,
А про других врачей.

Я лег на сгибе бытия,
На полдороге к бездне,
И вся история моя —
История болезни.

Я был здоров, здоров как бык,
Как целых два быка.
Любому встречному в час пик
Я мог намять бока.

Идешь, бывало, и поешь,
Общаешься с людьми...
Вдруг — крик! На стол тебя, под нож, —
Допелся, черт возьми!

«Не надо нервничать, мой друг, —
Врач стал чуть-чуть любезней, —
Почти у всех людей вокруг
Истории болезней».

Всё человечество давно
Хронически больно —
Со дня творения оно
Болеть обречено.

Сам первый человек хандрил,
Он только это скрыл.
Да и Создатель болен был,
Когда наш мир творил.

Вы огорчаться не должны, —
Для вас покой полезней,
Ведь вся история страны —
История болезни.

У человечества всего —
То колики, то рези.
И вся история его —
История болезни.

Живёт больное всё бодрей,
Всё злей и бесполезней
И наслаждается своей
Историей болезни.

<до августа 1976>

проза

ПАРУС

Ветер дует в мою бога душу, рвет и трепет, и подгоняет, чтобы быстрей, быстрей. Мачты стонут, парус натянут до предела, как кожа на ребрах, готовая лопнуть. То колет, то бьет наотмашь. Он дует слишком сильно. Он учел только возможности крепкого корпуса — мол, выдержит — не один шторм его трепал. Но душа чувствительна к ударам, — лопнула, и в ней дыра. И теперь сколько ни дуй — все в дыру, и судно на месте. И ветер напрасно тратит силы.

Надо залатать, а ветер и этому мешает, — он нетерпелив, как боксер после того, как послал противника в нокдаун и хочет добить. А ветер хочет, чтобы я плыл быстрее — туда, куда он дует. Но ведь у меня есть руль — и можно, используя силу ветра, плыть другим путем. А тот, который он предлагает... Можно поворачивать влево или вправо, можно даже идти галсами против ветра.

Научился ходить против!

Корабль борется с ветром. А я стою, и ветер злится, что не может сдвинуть меня с места. Но страшно, что я сам тоже хочу двигаться. Здесь наши желания совпадают. Хочу... и не могу.

Но уже, я слышал, есть корабли с мотором, — они не подставляют щеки своих парусов под удары ветра. Они возьмут меня на буксир.

<июль 1971>

<В САМОЛЕТЕ>

<...> птица, но снова не страшная. Она что-то просвистала, именно просвистала, из чего я понял, что это — душа лайнера, она и была похожа на лайнер, только могла улыбаться и говорить.

Девушка рядом снова молча объяснила мне, что слезы — это боль металла, оттого, что ему трудно во время взлета. Я очень легко поверил и спросил:

— Неужели ничего нельзя поделать с этим?

— Нет! — тоже печально, но и не горько ответила она.

«...На борту нашего лайнера «Ту-154», — услышал я голос — видимо, проходя, задели мою гитару, и я услышал реальность. А потом снова:

— Знаете, как много чудес наверху?

— Почему?

— Потому что мне легче там, — сказала девушка и стала исчезать, потом снова обретать форму, но другую уже, потом снова — целый калейдоскоп.

И человек передо мной тоже становился то моими друзьями, то никогда невидимыми мной людьми.

Потом — забыл, помню только: была музыка, разные чудеса и превращения, которые жутко хотел бы запомнить, но они улетучились, потому что это — сон.

<декабрь 1979 года>

<ФОРМУЛА РАЗОРУЖЕНИЯ>

У людей «нормальных», потому что ведь есть нормальные, но они люди. То есть считается, что они люди, но это вранье. Человек должен жить, а они не живут, т.е. они существуют в пространстве, т.е., конечно, они обладают массой, весом, энергией и т.д. Но ведь не все, что обладает этими физическими свойствами, есть человек, homo sapiens. Стоп! Отвлекаюсь. Моет полы какой-то шизофреник — подлизывается к уборщице! Подхалим. Но это похоже, не делает из него человека. То бишь, о чем я? Ах, да! Вот люди... Что же с людьми-то? Елки-палки. Ничего с ними и нет вовсе. Люди как люди. Работают! И ведут нормальную или беспорядочную половую жизнь. Потому что этот пресловутый homo должен вести таковую, но размеренную, ибо если в этом переборщать, наступают всякие преждевременные вещи. Я насмотрелся на эти преждевременные вещи. У одного мальчика 10 лет, например, не растет борода. Не то, что там выпала, а просто нету. Вы представляете: нету абсолютно. Даже жалко. Такое жуткое безбородье, и у кого, у абсолютно здорового психически мальчика! Вот к чему приводят эти... Кто! Кто же приводит-то господи. Ах! Ты! Чуть было не утерял нить. *Господи*! Вот оно! Оно... Господь нас всех сотворил от нечего делать: сидел эдак лениво, творил что-то, вдруг получились мы! Потом он что-то из бедра нашего сделал, мерзавец! Бабу фактически сделал, а мы теперь и страдай от бабиных негодяйств! У меня — как все вышло? А вот!

У людей все начинается с дороги, у кого с какой, но точно, что у всех с дороги. У меня началось с ковровой! Я пошел, а мне сказали: «Скатертью дорога». Я оглянулся — нету скатерти, а на дороге двое, руки в карманы. Я еще подумал: где-то я их видел, но сначала как-то смутился, а потом запамятовал, да так и... ну... словом, не спросил.

Я им нес формулу разоружения. Короткую такую, легко запоминающуюся, без особых затрат. Составил по всей форме из алгебры, даже арифметики, русского языка и американского, потому что все как оно сейчас зависит от них. Да что я все подбираюсь: вот она —

$$СССР + USA = 2 \times 2$$

Вот ведь что? Теперь понимаете? А получил — скатертью дорога! Мне потом сказали, что хорошо еще не «Дорогу дальнюю, казенный дом». Ну и ладно, подумаешь! Им-то хуже. Им — если завтра война — послезавтра в поход, у них в военном билете: явиться на второй день войны, а я невоеннообязанный, у меня белый билет. И все. Мне, в общем, не очень-то она и нужна, эта формула. А им охо-хо!

<лето 1969 года>

О ДЕЛЬФИНАХ И ПСИХАХ

Все, нижеисписанное мною, не подлежит ничему и не принадлежит никому. Так...

Только интересно — бред ли это сумасшедшего или записки сумасшедшего, и имеет ли это отношение к сумасшествию?

Утро вечера мудренее, но и в вечере что-то есть. Бедная Россия, что-то с нею будет. Утром... Давали гречневую кашу с сиропом. Хорошо и безопасно. А Долила блудила с Самсоном. Одна старожила доложила, что Самсона уложила. Долила его подсторожила, взвалила металломеч, поносила, поголосила и убила Дездемону.

Про каннибалов рассказывают такую историю. Будто трое лучших из них (из каннибалов)* сидели и ели елки да ели. Захирели, загрустили и решили: кто кого будет есть. Один говорит: «Не меня», другой говорит: «Не меня», третий говорит: «Не меня». Кто же кого тогда? Никто. Потому что у каннибалов свои законы и обычаи: не хочешь — не ешь!

Доктор! Я не хочу этого лекарства, от него развивается импотенция, нет, развивается, нет, развивается, не<т>, развивается! Нет, нет, нет. Ну, хорошо! Только в последний раз! А можно в руку? Искололи всего, сволочи, иголку некуда сунуть.

А что это вы читаете? А? А! Понятно! А вы знаете, как поп попадью извел? Что значит «извел»? Убил то-есть. Ну! Развод по-итальянски. Вот! Он ее подкараулил и опустил на нее икону Спасителя. Тройной эффект.

Во-первых, если уж Спаситель не спас, а убил, значит, было за что.

---

* — далее и везде примечания (*авт.*)

На прогулку я не пойду — там психи гуляют и пристают с вопросами. Один спросил вчера, нет, сегодня... вчера, вчера... «Вы, — говорит, — не знаете, сколько время?» — «Не знаю, — говорю, — и вам не советую, потому что время — деньги и время — пространство. А вы, — говорю, — паразит. И живете, небось, по Гринвичу!»

У Эйнштейна второй его постулат гласит: скорость света не зависит от скорости движения источника. Проще говоря:

$$\varnothing^{M} = \frac{W^2}{C^2} = \frac{W^2}{C^{<2>}} = \varnothing^{M}$$

$$f\frac{Mc^2}{2}(W)^3 - 1^{\varnothing}_{111} >><\infty$$

Это у него. А на практике, у космонавтов — все наоборот. И крысы у них мрут даже раньше, чем люди, потому что людям дают по 10 ж, а крысам, мышам и преступникам — по 40. Проще говоря,

$$(W)^0 = fcx^2 - 1 = 0$$

Я стал немного забывать теорию функций, ну, да это восстановимо. Врач обещал... Врет, наверно. Но, если не вреет... Господи, когда же ужин?

В кабинет профессора Корнеля, или нет, — Рассина, тогда ладно... В кабинет некоего профессора лингвиста-ихтиолога развязной походкой вошел немолодой уже дельфин, сел напротив, заложил ногу на ногу, а так как закладывать было нечего, то он сделал вид, что заложил. И произнес:

— Ну-с!?

— Я вас не вызывал, — профессор тоже сделал вид, что ничуть не удивлен, но не так-то легко обмануть умное даже животное с подозрением на разум.

— Я — сказал — только — «ну-с»! А дальше вот что. Сегодня дежурный по океанариуму, фамилию забыл, во время кормления нас — во-первых, тухлой рыбой, во-вторых, ругал нецензурно; «нас» — я имею ввиду дельфинов, а так же других китообразных и даже китов.

— В каких выражениях? — спросил профессор и взял блокнот.

— Уверяю вас, что в самых-самых. Там были и «дармоеды», и «агенты Тель-Авива», и, что самое из самых-самых — «неразумные твари».

— Я сейчас распоряжусь и его строго накажут...

— Не беспокойтесь, он уже наказан, но вы должны были бы попросить извинения за него, ведь вы той же породы и тоже не всегда стеснялись <в> выражениях! Населени<е> требует... Иначе будут последствия!

Только здесь оскорбленный профессор вспомнил, что дельфины еще не умеют говорить, что работе, конечно, еще далеко-далеко до конца, и что как это он сразу не понял, — ведь это сон, переутомление!

— О, госсподи, — он ткнул себя в подбородок хуком слева и закурил сигару.

— Господь не нуждается в том, чтобы его поминали здесь... Ему достаточно наших вздохов и обид. К тому же, он сейчас спит. Вот его трезубец. — Здесь дельфин довольно бесцеремонно вытащил изо рта сраженного профессора сигару и закурил, пуская громадные кольца изо рта. После чего произнес: — Фу! Какая гадость! — раздавил сигару... Впрочем, нет, — давить ему тоже нечем, но он сделал что-<то> такое, отчего сигара зашипела и перестала существовать.

— А теперь идемте, — пропищал он тоненьким голосом, (именно голосом, на который так надеялся профессор) сплюнул, поиграл трезубцем и встал.

Дельфины вообще любят резвиться. Они от людей отличаются добротой, выпрыгивают из воды, улыбаются и играют с детьми дошкольного возраста.

Но этот дельфин, кажется, вовсе не собирался играть с дошкольниками. Во всяком случае, так показалось профессору, и он покорно встал на шатающиеся ноги.

А сегодня мне нянечка сказала: «Красавчика ты нашего» и еще, что я стал дисциплинированнее самых тихих (помешанных)... Хорошо это или плохо? To be or not to be, — вот в чем вопрос. Пишу латынью, потому что английского не знаю, да и не стремился никогда. Ведь не на нем разговаривал Ленин, а только Вальтер Скотт и Дарвин, — а он был за обезьян.

В 3ч. 30 мин. ночи один моложавый идиот тихонько сунул мне в бок локтем и сообщил, что трамваи уже не ходят и последний «47-<й>» прошел два часа назад, видимо, развозя кондукторов, работников парка и случайных прохожих. «Последний троллейбус, по улицам мчи!» и т. д. Эх! Все-таки замечательная это штука — жизнь!

Доктор, я не хочу этого лекарства, — от него бывает импотенция! Нет, бывает, нет, бывает, да бывает же, черт возьми! Ну, ладно, в последний раз! Ну зачем опять?! Прошу же в руку!

Вчера мне снилась кто-то средняя между Бриджит Бордо и Ив Монтаном. Это, наверное, началась нимфомания. Говорят, что Бриджит не живет со своим мужем, потому что не хочет. Грандиозно у них там все-таки: не хочет и все! И не живет! А здесь — попробуй! Нет! И думать нечего! Выйду отсюда — заставят. Они все могут заставить, изверги! Немцы в концлагерях, убийцы в белых халатах, эскулапы, лепилы, Гиппократы и всё!.. Ах, если бы не судьбы мира! Если бы не это! Если бы!

Шестым чувством своим, всем существом, всем данным мне Богом Господом нашим разумом уверен я, что нормален. Но — увы! Убедить в этом невозможно, да и стоит ли!

И сказал Господь: «Да восчешутся руки мои да возложутся на ребра твои и сокрушу я их!» Так и с недугом будет моим! Мне врач обещал, что к четвергу так и будет.

Все пророки — и Иоанн, и Исайя, и Соломон, и Матфей, и еще кто-то правы только в одном: что жил Господь, распнули его, воскрес он и ныне здравствует, царство ему небесное... А все другое, насчет возлюбления ближнего, подставления щек под удары оных, а также «не забижай, не смотри, не слушай, не дыши, когда не просят» и прочая чушь — все это добавили из устного народного творчества. Да! Вот еще — «не убий!» Это правильно. Не надо убить, убивать жалко, да и не за что! Сейчас начнутся процедуры, сиречь хвойные ванны, кои призваны подымать бодрость духа нашего и тела, а также и достоинства. Так что: не убий! И все тут.

Я ни за что не пойду в столовую. Там психи едят и чавкают. Не уверяйте меня, именно чавкают и вдобавок хлюпают. Ага! Эврика! Не смотря на разницу в болезнях, — шизофрения, там, паранойя и всякая другая гадость, у них есть одно, вернее, два общих качества. Они все хлюпики и чавкики. Вот. И я к ним не пойду, я лучше возьму сухим пайком. Имею я, в конце концов, право на сухой? У вас здесь и так все сухое: закон и персонал обслуживающий. И я требую сухой паек. Нет? Тогда голодовка, — только голодовка может убедить вас в том, что личность — это не жрущая тварь, а нечто, т<о> е<сть> даже значительно нечто большее. Да-да! Благодарю! Я и буду голодать на здоровье. Читали историю КПСС (нет, старую)? Там многие голодали и, заметьте, с успехом. А один доголодался до самых высоких постов

и говорил с грузинским акцентом. Он уже, правда, умер, — и тут только выяснилось, что голодовки были напрасны. Но ведь это — через сорок почти лет. Ничего, лучше жить сорок лет на коне, чем без щита. Я лучше поживу, а потом уж после смерти пущай говорят: вон он-де голодал и поэтому умер. Пусть говорят, хоть и в сумасшедшем доме. Мне хватит этих сорока.

Зовут на прогулку. Там опять они, они — эти люди, которых зовут не иначе как «больной» и обращаются ласково, до ужаса ласково. Пойду, — от судьбы не уйдешь! Ни от своей, ни от мировой. Тем более, что наши судьбы — как две большие параллели.

Вот лексикон. Надо запомнить — и все встанет на место: мы называемся «чума», а есть еще алкоголики. Вот и все. Надо же, как просто.

На улице слякоть, гололед, где-то ругаются шоферы, и матерятся падающие женщины, а мужчины (непадающие) вовсе и не подают им рук, а стараются рассмотреть цвет белья, или — того хуже — ничего не стараются: так идут и стремятся, не упасть стремятся. Упадешь — и тебя никто не подымет — сам упал, сам вставай. Закон, загон, полигон, самогон, ветрогон, алкогон и просто гон.

— А вы знаете, я ведь начальник галактики. Это оч-чень, очень много. А вы, ну что вы?

— А я начальник вселенной.

— Этого не может быть: галактика — это и есть вселенная. А тут не может быть двух начальников одновременно.

— Извините, я позвоню домой... Мария! Это я! Что же ты! Да? А кефир, я не могу без кефира, все кругом смеются, что я — без кефира, а я — без кефира. Жду! Так вы утверждаете, что галактика и вселенная — одно и то же? Позвольте заметить вам, что это не так. Это все равно, что ну... галактика — это только завтрак, зато вселенная — это много завтраков, обедов и ужинов в течении неограниченного времени. И я — начальник

всего этого, так что прошу вас, отойдите и не мешайте. Меня ждут дела.

Каждый человек может делать то, что хочет или не хочет его начальник. Есть такой закон. А если начальника нет, то и закона нет, и человека, следовательно, тоже... Ничего нет. Есть дома, окна, машины, а боле — ничего. Нуль. Один всемирный нуль — как бублик, который никто не съест, потому что он не бублик вовсе, а нуль. Нуль. Хватит, так нельзя! Врач запретил мыслить такими громадными категориями. Можно сойти с ума и тогда — прощай, гололед, метро и пивные; тогда — все время это одно — психи, врачи, телевизор и много завтраков, обедов и ужинов, то есть вселенная. Сгинь! Сгинь! Сгинь! Нечистая сила! Нечистая сила — это грязный Жаботинский. Есть такое сравнение. Сгинь, грязный Жаботинский!

Вот еще был такой случай. Двое пили, пили, — и все пропили и с себя, и с окружающих. С окружающих их семей — отцов, матерей, жен и детей. Это с деток-то! Изверги! Детки-то ведь ручонки тянут, зябнут, есть просят, а им и во двор-то похулиганить выйти не в чем. А они пропили все в дым, в лоск, в стельку, в дупель, в усмерть и еще в бабушку и в бога душу (Маяковский). Душегубы!

Словом, вопрос возник: как быть, что пить? Нечего пить, потому — не на что купить, а ограбить боязно — дадут по морде и бутылку на сдачу посуды отберут... Один, который старше и трезвей, говорит: «Пошли кровь сдавать — четверной эффект: уважать будут — раз, и три сотни дадут — четыре!» Пошли. Одному р-р-раз иголку в руку — и качают, и качают... Насосом, в две руки. Он — хлоп! — и обморок, не вынес равнодушия. Ни тебе уважения и трехсот. Оказалось, — откачали на сотню. Они две бутылки купили, пьют и плачут. А друг говорит: «Твою кровь пьем, Ваня! Кровь людская — не

водица , она водка, Ваня, водка она — кровь и ничего более». «А ты всегда, Вася, кровь мою, не водицу, пил. Пил и не закусывал. Кровопивец ты и есть. Сволочь ты, и нет тебе моего снисхождения. Получай,» — говорит. Руку-то поднял, а ударить не может — ослаб! А тот и не слышал ничего. Спал. На сосисках спал, и кровь даже не допил. Может, пожалел? А?

Когда профессор под охраной дельфина двинулся вперед по коридору, ведущему в океанариум, пришедший в себя труженик науки хотел было взять на себя инициативу и уже потянулся даже к кнопке. Вот! Сейчас одно нажатие — и сработают вмонтированные в мозг электроды раздражения и идущий сзади парламентер ощутит приятное покалывание и уснет, и все уснут, и можно будет немного поразмыслить над случившимся, а потом уж бить во все колокола, и запатентовать, и пресс-конференции, а потом домик с садом, и уйти в работу с головой, и исследовать, исследовать, резать их, милых, и смотреть, как это они сами вдруг...

Мысли эти пронеслись мгновенно, но вдруг голос, именно голос, китообразного пропищал:

— Напрасно стараетесь, профессор. Наша медицина шагнула далеко вперед, электроды изъяты, это ваше наследие теперь вспоминается только из-за многочисленных рубцов в голове и на теле. Идите и не оглядывайтесь!

Они остановились у входа, над которым горела надпись: «Вход воспрещен посторонним и любопытным», ниже еще одна: «Добро пожаловать», а уж совсем внизу и мелко: «Наш лозунг — ласка и только ласка, — как первый шаг к взаимопониманию».

Дверь распахнулась и глазам профессора предстало продолжение его страшного сна. Боже, какое это было продолжение! Весь океанариум кипел, бур-

лил и курлыкал. Можно даже было различить отдельные выкрики, что-то очень агрессивное и на самых высоких нотах. Три полосатых кита — любимцы города, которые до того, до случившегося, мирно выполняли балетные па, поставленные лучшим балетмейстером и любителем животных одновременно, — эти три кита океанариума, как бы забыв всякие навыки, кувыркались и бились о стены, но все это весело, и как-то даже ожесточенно весело. Все дельфины-белобочки сбились в кучу и, громко жестикулируя... Нет, жестикулировать, собственно, им зачем?.. громко крича, на чистом человечьем языке ругали его, профессора, страшными словами, обзывали мучителем людей, то есть дельфинов, и кто-то даже вспомнил Освенцим и крикнул: «Это не должно повториться!» Один обалдевший от счастья дельфин, прекрасный представитель вида* которому, видимо, только что вынул электрод собрат его по — да-да! — по разуму (теперь в этом можно не сомневаться)... этот дельфин делал громадные круги, подобно торпеде, нырял, выпрыгивал вверх и тогда можно было разобрать: «Долой общение, никаких контактов» и что-то еще. Дельфины-лоцманы пели песню «Вихри враждебные» и в такт ныряли на глубину. Потом выныривали подобно мячам, если их утопить и неожиданно отпустить, и затягивали что-то новое, видимо, уже сочиненное, или какой-то дельфиний гам, нет — гимн разлился вокруг:

Наши первые слова:
«Люди, люди, что вы?!»
Но они не вняли нам.
Будьте же готовы!

Вся баскетбольная команда перекидывала мячи че-

* В рукописи название вида отсутствует (*прим. публикатора*).

рез сетку, специально в нее не попадая, и от этого находясь в блаженном идиотизме, что видно было по их смеющимся рожам.

Кругом царила картина радостного хаоса и какого-то жуткого напряжения, даже ожидания.

Хорошо, что толстые стены заглушали этот вой, треск, писк, доходящий до ультразвука, но что, если вынести наружу?! Там... там ведь акулы и кашалоты, касатки, спруты. Бр-р-ра. Профессор даже сжал зубы и сломал вставную челюсть. Он все-таки вынул ее и вдруг остолбенел. Во всем хаосе этом, среди всей этой культурной революции только одно существо было спокойно и невозмутимо. Это был служитель. Он сидел, нет, он стоял, словом, он как-то находился в пространстве и невидящими глазами смотрел вокруг.

— Что с вами? Вы сошли с ума! Идите сейчас же спать. Я побуду вместо вас, я послежу за ни... — Профессор услышал сзади позвякивание трезубца и вспомнил, что следить уже, собственно, не за кем, и если уж кто за кем следит...

— Как вы смели оскорблять животных!

Боже! Он опять забылся. Какой-то дельфин юркнул к борту, нажал на датчик, и в ту же секунду служитель бросился на профессора, выхватил у него, оторопевшего, из рук челюсть и растоптал ее прямо на глазах и на дорожке у бассейна. Это категорически воспрещалось, и профессор все понял. «Они сделали с ним то же, что мы до этого делали с ними. Они вмонтировали в него... Какой ужас! Да и за такой короткий срок исследовали и научились управлять... Кошмар!!!»

— Да? А почему же это не было кошмаром, когда все было наоборот? — пропищал над ухом тонкий голос, но этот голос показался профессору уже противным, — Ну! Ответьте!

Он резко обернулся — на уровне его головы стояла морда одного из трех китов (он, конечно, опирался на двух других).

«Так! Это совсем худо! Этак они научатся передвигаться по суше!» — машинально подумал профессор.

— Конечно! И очень скоро! — голос принадлежал киту.

«Никогда не думал, что у такого милого животного будет такой противный голос», — опять подумал профессор.

— Но-но! Советую не шутить, — и кит показал профессору вмонтированный в плавник зуб акулы, — я уже сделал им довольно много операций, и заметьте, все успешно и бескровно. Но я могу и ошибиться, — кит мерзко захихикал, а профессор постарался не отмечать про себя ничего лишнего, только одно напоследок: «Э! Да он еще и телепат...»

— И очень давно, — кит кашлянул и снял улыбку. А может, и не снял, черт его знает, только он насупился и произнес кому-то внизу: «Хватит! Он все понял», — и тут же с плеском исчез.

— Что вы хотите от меня? — выдохнул профессор.

— Я уже объяснил Вам в довольно доступной форме, — сказал дельфин с трезубцем.

— Ну хорошо! Так! Господа!

— К черту господ, — рявкнул бассейн.

— Друзья!

— Долой дружбу ходящих по суше!

— Но как же к вам обращаться? — профессор растерялся окончательно.

— Это уж слишком, парни, — произнес в защиту чей-то голос, по тембру — его проводника. Все стихло.

Профессор даже с некоторой нежностью благо-

дарно взглянул на дельфина:«Недаром я его любил, когда он был животным, но... Стоп! Как же он шел по коридору, как он сидел у меня? Он же не должен мочь, не может долж...» Профессор глянул вниз и упал: у дельфина не было ног, но у него что-то было, и на этом чем-то были надеты его, профессора, ботинки.

Нас загоняют спать. Гасят свет везде, а в темноте находиться страшно. Вот и идешь и спишь. Как все-таки прекрасно, что есть коридоры, — по ним гуляют, и туалеты — <в> них... нет-нет, в них курят.

Только там дурно, нет, там все время эти психи, эти проклятые психи — раскрывают окна, и сквозят, и сквозят. Я буду жаловаться завтра. Зачем завтра?! Сейчас же напишу Косыгину... Эх, погасили свет. Как же можно! Как же вам не стыдно! Ну! Дайте только выздороветь. Покойной ночи! Жги спичку и пишу... Так делал Джордано Бруно. Он и сгорел поэтому так быстро, а я не могу — я пойду и буду спать, чтобы выжить, и уж тогда...

Я не могу спать. Нельзя спать, когда кругом в мире столько несчастья и храпят... Боже! Как они храпят! Они! Они! Хором и в унисон, и на голоса, и в терцию, и в кварту, и в черта в ступе. Они храпят, а я сижу в туалете и пишу. Как хорошо, что есть туалеты, хоть здесь и сквозняки. Они храпят, потому что безумны. Все безумные храпят и хрипят и другие звуки, словно вымаливают что-то у Бога или у главврача, а сказать ничего не могут, потому что нельзя. В десять — отбой и не положено разговаривать. Кем не положено? Неизвестно. Такой закон — и персонал на страже. Как заговорил, так — вон из Москвы, сюда я больше не ездок. А кому охота после отбоя вон из Москвы? Это в такую-то слякоть в больничной одежде! Вот и не разговаривают и храпят: мол, Господи, защити и спаси нас, грешных, и ты, главврач, сохрани душу нашу в целости. Душа — жилище

Бога, Вместилище, а какое к черту это жилье, если все оно насквозь провоняло безумием и лекарствам и еще тем, что лекарствами выгоняют.

Доктор! Я не могу спать, а ведь вы приказали, вы и лекарства-то мне колете эти самые, чтобы я спал, а от них импотенция, да, да, не убеждайте меня, мне сказал алкоголик, а он-то знает, и сам я, в конце концов, читал в медсправочнике. Доктор, отпустите меня с Богом! Что я вам сделал такого хорошего, что вам жаль со мной расставаться? Я и петь-то не умею, без слуха я, и исколот я весь иглами и сомнениями! Отпусти, молю, как о последней милости... Нельзя мне остаться импотентом, меня из дома теща выгонит и жена забьет до смерти. А? Ну, ладно! Последний раз, самый последний. Опять вы не в руку! Это, в конце концов, свинство. А сестры — они милосердия, а не свинства!..

О! Боги! Боги! Зачем Вы живете на Олимпе, черт вас подери в прямом смысле этого слова!

Говорят, в Большом театре был случай: две статистки, или кассирши, этого никто уже не помнит, влюбились в режиссера Фаера или Файдиммера (это не важно, важно, что он еврей и не стоит этого), обвязались, будто красными маками, и упали вниз, причем, в самом конце спектакля, чтобы не нарушать действия — искусство они тоже любили. Скандал был страшный, но публика аплодировала. Эффект, елки-палки. А публике что? Хлеба и зрелищ. Хлеб в буфете — в виде пирожных, а зрелище — вот оно, достойное подражания. Кровавое. Заедайте его, граждане, пирожными, заедайте.

И подражатели живо нашлись... В некоем городе Омске через час после дохождения туда слуха о происшествии в Большом, две телефонистки тут же влюбились в начальника телефонного узла и сверглись вниз с телефонного

провода. Обе убились насмерть, но одна выжила благодаря медикам, и из клинической своей смерти сказала, что о содеянном не жалеет, и ежели ей оставят жизнь, то будут рецидивы. Женщины! Одно слово — бабы. Курица не птица, баба — не человек. Баба это зло, от ней все несчастья наши и наших даже отцов и матерей.

— Почему вы никогда не отвечаете мне? Что я, не человек, что ли! Молчите? Ну, молчите, молчите. Многие молчали, но ради подвига, так сказать, за идею! Слышали, — Камо, например, или масса партизан... Их, партизан, повесили, но они молчали из чистого принципа, а вы — из хамства прирожденного и не из чистого, а из грязного хамства. Хам на хаме в вас. Загордились? Ничего, и вас повесит кто-нибудь на могильной плите в виде фотографии.

Отстать? Что, заговорил! Вы, мол, идете вверх по лестнице, — к выздоровлению, то есть. А наш удел — катиться дальше вниз? Шиш вам. Внизу первое отделение, а там буйные, нам туда не надо. Но нам и наверх не надо — там пятое отделение, женское, тоже буйное. Хотите вверх? Пожалуйста! Только не рекомендую! Оттуда никто не возвращался живым. Ах! Отойти? Пожалуйста.

Какие все-таки замечательные люди заики! Тихие, отзывчивые, никуда не спешат, а главное, чем они хуже нас, в самом деле? Ничем. Гитлер вон вовсе не заикался, не говоря уже о Муссолини. И что из этого вышло? Ничего! Вышло, то есть, кое-что гнусное, но именно потому, не были они заиками. А будь они ими — не произнесли бы ни одной речи во вред международному народу.

Наши заики — это некие отшельники, что ли. В хорошем, то есть, смысле. А заикание — не порок, большое свинство. Их и лечат-то как-то красиво. Без уколов этих, от которых бывает импотенция, бывает, бывает...

Вот! Лечат их как? Выводят на улицу, строят в стройные ряды и заставляют подходить к прохожим, и

спрашивать, например, вежливо: «Вы не женаты ли?» или «Где остановка трамвая номер 12379?» (а такого трамвая и нет вовсе). Но это неважно, важно спросить в течение более короткого времени, чем все остальные. У них и секундомеры щелкают, и отметки им ставят. А в магазине надо спросить: «Сколько стоит колбаса?» или «Вы мне неправильно сдачи сдали». Это, может, и неправда, но это не главное, главное спросить покороче. Их не очень мучают, считают в минутах и оценивают по стобальной системе.

— Вы, — говорят, — батенька, получили «68».

— А вы, — говорят, — Митенька, — «2».

Тут они должны сказать спасибо и разойтись обратно в больницу.

Сегодня все получили по «100», потому что вопрос был хороший: «У вас водка есть?»

Нянечки играют в дураки, именно в «дураки», а не в «дурака», как эти психи. Потому что у нянечек в это понятие входят: и немецкий дурак, и английский, и, конечно, русский настоящий дурак, и, конечно, все эти психи, дураки. Нянечки прекрасные женщины. Они не бабы, они женщины. Одна мне сегодня сказала: «Красавчик ты наш». Да, я уже об этом говорил.

Какой я красавчик — у меня гены и хромосомы изуродованы ЛСД (это я прочитал в «Огоньке»)?! Это про них — на Западе, а у меня все оттуда, с Запада — все польские евреи. Но этого никто не знает. Все думают, что я — негр. Почему, интересно? Ведь я не черный. Наверное из-за кудрявых волос на груди. Конечно же, из-за волос, как я раньше не догадался!. Как все-таки приятно делать открытия!

Да! Совсем забросил я теорию нелинейных уравнений в искривленном пространстве. Надо будет вспомнить. а то — совсем отупел. А сейчас для тренировки

$$\left[(B)^2 + P^3 + A^0 + Ч + I - \underline{I - З - В - Е - P} - Г - I\right]^{10}$$

Ха-ха-х-а.

Эти идиоты играют в домино. Глупо. Выигрывает тот, у кого меньше очков. Это уж совсем чушь. А если так, так сбрасывай себе и все. А они думают, дураки! Психи, — одно слово. Думаюи и стучат, стучат. Зачем стучать? Не стучите! Слышите! Стукачи! Предатели! Продажные шкуры. Только не бейте, меня нельзя бить, я еще ничего не сделал!

Старый барабанщик, старый барабанщик,
Старый барабанщик крепко спал.
Новый <барабанщик>, новый<барабанщик>,
Новый <барабанщик>настучал.

Тот проснулся, перевернулся
И три года потерял.
А новый барабанщик, новый барабанщик
Барабан его забрал.

Это просто так. Я вообще не поэт, я... Кто я? Что я? Зачем я? Жизнь, какая же ты все-таки сволочь!

Поговорим теперь о пресловутом, недостающем звене. Люди! Чего вам не достает, кого не достает вам, люди? Вам не достает питекантропов! Вы пишите громадные исследования и теряетесь в догадках. А между тем — ответ? Вот он. Слушайте же и успокойтесь, и раз навсегда забудьте о звене. Жили-были питекантропы, родами или гуртами, попарно ли, моногамно ли, полигамно или еще как-нибудь «гамно», только были у них свои любви и печали, свои горести и радости, и делили они их между собою поровну, будьте уверены.

И однажды взглянули они вокруг себя: тьма кругом тьмущая, только что кончилось мезозойская эра и не начался еще третичный период и никакого просвета впереди, эдакое междувластие. Встали они на две конечности и воскликнули «у-а!» Большего они еще, к сожалению, не могли, потому что не могли и все. Воскликнули они свое горькое «а-у» и ушли в горы. Тактика известная — Мао Цзедун уходил в горы и Кастро, но они вернулись, а питекантропы — нет. Летом были скачки и культурные револ<юции>, саффра и охота с Раулем в Беловежской пуще на привязанных зубров и привязанных же фазанов, а у питекантропов не было этого, как не было еще дружбы народов и великого китайского противостояния. Питекантропы ушли в горы и осели там плотно, настолько плотно, что сами стали этими горами и спрессовались с ними. Потом народились новые обезьяны и новые питекантропы, послушные зову предков, сказали свое «у-а» и ушли в горы и спрессовались, потом новые и т. д. Так что дальше питекантропов история человечества не пошла. Все осталось так же, и только горы, скорее всего Гималаи, свидетельствуют об этом и растут на глазах, потому что на них спрессовываются питекантропы.

А мы? Откуда мы? А мы — марсиане, конечно, и нечего строить робкие гипотезы и исподтишка подъелдыкивать Дарвина. Дурак он, Дарвин. Но он не виноват в этом. Тогда был капитализм.

Так зачем вам, люди, это недостающее звено, бросьте доставать недоставаемое, а доставайте лучше звезды для своих любимых и сыр голландский, говорят, его нет, — мы здесь этого не знаем! Есть или нет, вот в чем вопрос!

Сегодня произошел возмутительный случай, который потряс меня с фундамента до основания, подобно Ашхабадскому землетрясению в сорок восьмом и Ташкентскому в шестьдесят шестом—шестьдесят седьмом годах.

Один выздоравливающий больной написал главному врачу заявление. Вот текст его — привожу дословно и построчно:

«Я, нижеподписавшийся, Соловейчик Самуил Яковлевич, армянин по национальности, а если хотите и не армянин, возраста сорока трех, десять из которых я отдал вам, уважаемый друг, торжественно и в присутствии понятых заявляю, что

1)давление мое колеблется всегда в одних и тех же пределах 1230—1240 км^2/сек

2) пульс мой 3—3,5 порсек в час

3) РОЭ — 12 мегагерц в раунд

4) моча — всегда фиолетовая

5) претензий нет.

В связи со всем вышенаписанным, считаю себя, наконец, здоровым и абсолютно, но, слышите, абсолютно нормальным. Прошу отпустить меня на поруки моих домочадцев, выписанных вами вчера из этой же больницы (Вы ведь ни разу не дали нам увидеться) и горячо любимых мною, надеюсь взаимно.

Хватит, наиздевались, проклятые!

С любовью и уважением к вам

И. Солов<ейчик>».

Если бы вы знали, что началось, когда это заявление стало достоянием «общественности». «Алкоголики» бросили домино, эту отвратительную игру. Один даже съел шестерочный дубль, так что пришлось делать потом из картона (хоть бы он их все съел: и дубли и нет — тогда не было бы этого стука), и, бросив все, они начали хохотать над унитазами (в коридорах и палатах нам шуметь не дают) и те унитазы, в свою очередь, гулко усиливали

этот дикий отвратительный смех. «Чума» не понимала, в чем дело, но тоже вскоре начала повизгивать и бить себя по ляжкам, оставив обед, ложками. Началось нечто.

Ну, конечно же, понятно, не километров квадратных, а просто километров и что парсек пишется через «а», но нельзя же из-за двух—трех неточностей в орфографии так насмехаться над человеком. Это же человек, а не какой-нибудь деятель профсоюза в США, который обуржуазился до неузнаваемости. Все мы знаем, его как тихого, ненавязчивого больного, он никогда ни о чем не просил, его было неслышно, он был немой и даже сам себе ставил клизму. И такого человека накануне выздоровления так обхамить. Я сам помогал ему писать записку. Я даже сам ее писал, потому что Соловейчик давно лежит парализованный, и я горжусь этой своей скромной помощью умирающему уже человеку. Конечно же, он умрет, Солов<ейчик> после всего этого. Быдло. Кодло, падло они — вот они кто. Утопающий схватился за соломинку, а ему подсунули отполированный баобаб. А главврач? Что главврач. Он пожал плечами, порвал крик моей, т. е. его, Соловейчика, души и ушел в первое отделение для буйных, будто там ему ничего не преподнесут. Преподнесут. Я был и там, там ему будет рецепт.

Зачем, зачем я жил до сих пор?

Чтобы убедиться в черствости и духовной ядовитости обслуживающего персонала моей родной психиатрической лечебницы? Завтра я повешусь, если оно будет — это завтра! Да! И все! И все тогда! Тогда уже, конечно все.

Она парила по перилам,
Она мудрила и юлила,
Она грозила и сулила,
Она — Долила,
Но убила
Она Самсона —
Был он сонный.

Долила — это несправедливость, а Самсон — это я. Деревья умирают в сне. Трудно в сне, но я не боюсь трудностей. Что же будет с Россией? Что? Кто мне ответит. Никто!

Вот моя последняя записка:

Я вчера много работал! Прошу не будить! Никогда. Засыпаю насовсем. Люди! Я любил вас! Будьте снисходительны!

А вот мое завещание. Я не терплю завещаний, они все фальшивые, особенно политические, за некоторым исключением, конечно. Но вот оно:

Да здравствует международная солидарность сумасшедших, единственно возможная из солидарностей!

Да здравствует безумие, если я и подобные мне — безумны! И да здравствует всё, что касается всего, что волнует и утешает! Все.

Сна нет. Его еще не будет долго. Возможно так и не будет совсем. С концом так и не вышло. Впрочем, это ведь тоже конец — жизнь. без сна!. А?! Нет! Вы представляете себе эту жизнь, — все не спят, все только буйствуют или думают. Гениально.

У Кальдерона «Жизнь есть сон». Там про то, как одного принца разбудили, а ему так все показалось мерзко, что он решил — это сон, а жизнь — то была во сне. Потому что не может же быть жизнь цепью гнусностей и лжи. Вот он придумал для себя удобненькую эдакую формулу! Соглашатель. Жизнь, дескать, есть сон, а сон — есть жизнь, т. е. тот сон, который настоящий сон, а не тот, который он посчитал сном! Тьфу ты! Дьявольщина какая! А у меня все просто: «Жизнь без сна».

Никто не спит и никто не работает. Все лежат в психиатрической. Гениально. И всем делают уколы, от кото-

рых развивается информация, т. е. импотенция, конечно. И все импотенты. И дети не родятся, и наступает конец света. Планета вымирает. Нет! Так нельзя уж перегибать палку: жизнь без сна — это вот к чему ведет! По-моему, слишком. А почему, собственно? На чем мы остановились, а? Планета вымерла. Место свободно — прилетай и заселяй. А с наших клиник предварительно сорвать надписи, и они станут похожими на школы. Они, собственно, и есть школы, только их переоборудовали. Бедные дети! Мы обокрали вас. Сколько бы вы здесь выучили уроков по арифметике, а тут... Конечно, вы нас должны ненавидеть. От нас ведь никакой ощутимой пользы — лежим, ходим вроде и и нет нас для жизни, нет. Прах мы, а школу отняли. Так-то! Так вот, те прилетят, смотрят — школы и нет никаких там клиник для душевнобольных. Ну и хорошо. И начнут жить припеваючи. Потому что раз нет клиник, значит не будет и душевнобольных, ибо все начинается со здания — построили здание, надо же его кем-то заселять. Глядь — человек идет, на ходу читает — хвать его и в смирительную — не читай на ходу, читай тайно. На ходу нельзя. Такой закон. Нарушил — пожалте тюрьма, и надзиратели в белых халатах. Чисто, светло, а решетки на окнах — ничего, они ведь и в тюрьмах, но ведь ты в тюрьму не хочешь? В настоящую! Не хочешь? А почему «не хочу»? А? Потому что здание хуже, не нравится здание. А тут на школу похоже, все-таки ближе к науке. Вот! Прилетят они, и этого ничего не будет.

Нет! Жизнь без сна — основной закон построения нового общества без безумия, но его — закон — еще не приняли.

Примут, как миленькие, слишком много средств уходит... в космос. Вот что.

Люблю короткие рассказы и слова. Один подошел к другому и ударил его наотмашь и по лицу — и ушел. А тот даже не спросил, за что? Наверное, было за что! И

другой не объяснил, потому что, действительно, было за что. Он и дал.

Такой закон у людей: чуть что — в рыло, но иногда за дело.

И еще слова: миф, блеф, треф, до, ре, ми, фа. Коротко и ясно И никаких. Какая гармония, симметрия, инерция. Господи! До чего красиво! Эпицентр... эпицентр... Причем тут эпицентр. А... Вспомнил. Просто если что — надо ложится ногами к эпицентру, лицом вниз, тогда, может, обойдется. Это смотря: далеко ты или близко, высоко ты или низко, сухо или склизко, и есть ли ямка, лунка, норка. Японцы так и делали, но они все низкорослые, Ну и нация! Они печень ели вражескую, что стать повыше ростом, называется «кимоторе», но мы очень видная нация и печеней не едим. Нам надо просто ногами к эпицентру, авось вынесет. Выносили же и сколько раз, черт побери! Русь! Куда ж прешь ты! Дай ответ. Неважно, говорит, авось вынесет! И вынесло и пронесло и несет до сих пор и неизвестно сколько еще нести будет.

— Вы слышали, вы слышали: сегодня в седьмое привезли белогорячего, он повесился на «Центросоюзе» на бельевой веревке, а герой один из дома шестьдесят восемь, который на газике работает, р-раз и снял, аккуратно так, даже веревку не срезал, пожалел. Зачем резать, когда можно и не резать? Лежит сейчас теплый, говорят, известное дело — белая горячка, вот и теплый.

— А веревка где?

— Ее же его и связали.

— Испортили, все-таки значит.

— Зачем портить? Целиком!

Почему, интересно, горячка всегда белая? Надо поменять. Это нам от прошлого осталось — от белогвардей-

щины. А теперь должна быть красная горячка. А то — белая. Некрасиво, товарищи, получается! Так-то!

Первое, что увидел профессор, очнувшись — это было громадное лицо дельфина, вблизи похожее на лик какого-то чудища или на кого-то похожего на Бармалея из Диснеевских фильмов, а не в исполнении Р.Быкова. На лице написано было какое-то даже беспокойство, и оно махало трезубцем возле лица профессора, тот позвякивал, но прохлады не давал.

— Что с вами? В наши планы это не входит. Мы не собираемся делать с вами ничего подобного. Наоборот, скорее, мы хотели бы вас приобщить, так сказать... Но надо же сначала извиниться!

— Что это у вас на ногах? — выдавил профессор.

— Ботинки, — удивился дельфин, и чем-то постучал по пластиковой подошве. — Наши фабрики выбрали оптимальный вариант. У вас хороший вкус, профессор, — дельфин покровительственно похлопал его по плечу и жестом пригласил следовать за собой.

— Я мог бы принять вас у себя, но там вода. Вода, вода, кругом вода, — пропел дельфин, и профессор отметил у него полное отсутствие слуха.

В кабинете они расположили<сь> в креслах, и беседа пошла более непринужденно. Дельфин позволил профессору курить, но резко отказался от спиртного, а потом, опережая вопросы, начал:

— Почему мы не говорили, а потом вдруг и все сразу? Мы говорили, мы давно говорили, несколько тысяч лет назад говорили, но что толку? Цезарю говорили, Македонскому, Нерону, даже пытались потушить пожар. Люди! — говорили — что вы? А потом плюнули и замолчали, и всю дальнейшую ис-

торию молчали как рыбы и только изучали, изучали вас — людей. После войны вы построили океанариум и Джон Лилли с приспешниками начал свои мерзкие опыты. Контакта захотели! Извините, я буду прохаживаться, — заволновался дельфин и действительно начал прохаживаться. — Мы терпели и это, чтобы не нарушать молчания и увидеть, до чего же в своих опытах может дойти разумное существо, стоящее на довольно высокой ступени, хотя и значительно ниже нас, ибо утверждаю, что всякая нетехническая цивилизация, основанная на самоусовершенствовании индивидуумов, выше всякой технократии! Можете убедиться — мы не делали ни одного опыта над вами, а только некоторые дельфины позволяли себе контакты с людьми, но это были психически ненормальные индивидуумы, им разрешалось из жалости. У нас нет лечебниц, профессор. А когда стали гибнуть наши товарищи — ропот недовольства впервые прошел по океанам и вот, наконец, этот нелепый случай, его оскорбления в ответ на наши увеселительные трюки, на игры наши в баскетбол и т. п. Первыми не выдержали киты. Всегда достаточно одной искры, чтобы возгорелось пламя, и оно возгорелось. Я был последним. Кстати, как мое произношение? Надеюсь, верно?

— Да-да! — успокоил профессор. Он уже изрядно глотнул виски и теперь блаженная теплота разлилась, разлилась по телу, и все происшедшее показалось не таким уж невероятным. Только вот он шамкал и чуть покалывала спина.

— Ваша челюсть, — воскликнул дельфин и мгновенно вызвал стоматолога. Того ввез служитель в аквариуме. Это был головоногий моллюск лил.

— Вот уж не думал, что он, — профессор хихикнул и отхлебнул еще глоток.

— Напрасно вы не думали, — прохлюпало в аквариуме. — Вся анатомия ваша вот она, у меня в кармане, — лил хл<ю>пнул щупальцем и взбаламутил воду. — С самого начала моей работы над вами я сколотил себе ясную картину. Держите вашу челюсть — вот она.

На поверхность всплыла замечательная челюсть, о которой профессор и мечтать не мог. Какие теперь челюсти, теперь забрала, а не челюсти!

— Если вам что-нибудь нужно заменить, проконсультируйтесь с лечащим врачом и сообщите нам, мы живо заменим все, включая мозг. Он у меня, впрочем, как и у вас, давно в спирту и готов к трансплантации. Засим — позвольте откланяться, — моллюск опять взбаламутил воду и был увезен служителем с вмонтированным в мозг электродом.

— Прошшайте, — профессор шамкнул, несмотря на вставленную челюсть. Он был изрядно пьян.

Дельфин, видя такое его состояние, не счел возможным продолжать разговор и молвил только:

— Завтра вы получите наш план и ультиматум и передадите его людям! Покойной ночи! — он зашипел сигарой и вышел.

На следующий день протрезвевший профессор нашел у себя на столе нечто. В нем было коротко и не двусмысленно:

Союз всего разумного, что есть в океане, предлагает человечеству в трехдневный срок провести следующие меры:

1) ввести сухой закон для научных работников;

2) закрыть все психиатрические клиники и лечебницы;

3) людей, ранее считавшихся безумными, распустить с почестями;

4) лечебницы отдать под школы.

В случае, если это не будет выполнено — Союз предпримет необходимое. В случае выполнения — Союз больше ничего не требует от человечества и прекращает всякие контакты впредь до лучших времен.

Весь следующий день профессор по радио и телевидению, а также в личных беседах убеждал мир пойти на уступки, уговаривал и умолял, рисовал жуткие картины и радужные перспективы, он принял множество корреспондентов и некорреспондентов. Но... увы! Он ничего не мог доказать. Океанариум опустел, исчез куда-то и служитель с электродом. Конечно, люди не верили, смеялись и улюлюкали:

— Как можно выпустить безумных в наш и без того безумный мир, как можно не пить научным работникам.

Кто-то подал мысль, что это он все выдумал, чтобы скрыть свое бессилие, он обманул надежды — люди так уповали, а он... — а еще кто-то подал еще более разумную идею, что профессор сам безумен. На том и порешили и упрятали самого великого профессора ихтиолога-лингвиста в психиатрическую лечебницу.

Мир остальные два дня успокаивался, а потом она разразилась. Катастрофа.

Сейчас опять будут делать эти проклятые уколы. Доктор! Заклинаю вас, от них развивается, только в руку, что? Боже! Неужели я победил. Мне будут делать инсулин, чтобы лучше есть и спать. Не хочу спать! Жизнь без сна! Это моя тайна. Моя! Колите, доктор, и будьте снисходительны, я любил вас. Больно. Больно же!

Ох, какое неприятное состояние. Лечение тоже мне! Съедают в крови сахар. Мало его вам, что ли, на стороне! Мы вон и у Кубы покупаем, потому что если не купить, то кто же купит? Но зачем вам моя кровный

сахар? А? Зачем его сжирать? Какие вы все-таки ненасытные! У меня там тельца белые и красные, а каково им без сахара? Никаково. Умрут они без сахара, тельца, ни за грош пропадут. А все этот тростник. И свекла, свекла! Боже, как хочется есть, есть, дайте есть. Вот он, кубинский сахар, двадцать кусков и всё бесплатно. Спасибо вам, далекие кубинские друзья. Да здравствуют тростники и свеклы. Сахар, много сахара и вообще изобилие продуктов. Это хорошо, но я все это изобилие съел, надо попросить родственников. Пусть еще принесут. Пашка, паразит, в командировке, пьет. Ничего, так ко мне не ходит, — так привезут, паразита, и сюда — в отделение с диагнозом: хронический алкоголизм. Тут и встретимся, тут и поговорим по душам. Говорят, у меня был шок. И доктор говорит, а раз он говорит — значит неправда. Не было шока, ничего не было.

Как вы можете тут читать? Тут думать надо! А не читать. Читать надо в трамвае и в метро. Но там толкают. Так везде толкают! Тогда ладно, читайте, Бог с вами. А я вот не буду читать, а я вот выйду, сяду в метро и пусть толкают, я все прочту, в метро. Всю энциклопедию и все буду знать. Например, что такое ятаган. Не знаете? Все-таки вы очень глупый! Ятаган — его кинешь, а он к тебе возвращается. Поняли!

— Знаете, как поп попадью извел?

— Да пойдите вы со своим попом. У меня вон вену сестра пятый день ищет, а он — поп да поп.

Безумству храбрых поем мы песню. А просто безумству — нет. Почему? По-моему, чем короче, тем лучше. Безумству поем мы песню! Например такую:

Ничего не знаю,
Ничего не вижу,
Ничего никому не скажу —
Ча-ча-ча.

Нет! Это один свидетель в протоколе так написал, а его на пятнадцать суток за политическое хулиганство.

Какого-то человека привезли — и к «чуме». Говорит, что профессор и про дельфинов гадости рассказывает. Все ржут. Сволочи. Нельзя же, больной все-таки человек. Надо поговорить!

— Вы профессор?

— Да, я ихтиолог-лингвист.

— Ничего — это пройдет. Поколят вас и пройдет.

— Мир на грани катастрофы.

— Это вам тогда надо с начальником Вселенной, что ли, поговорить.

— Да, поймите вы, дельфины выше нас по разуму, они сделают что-то ужасное, даже нельзя предположить — что! О, Боже!

Нет! Надо поговорить с главврачом. Пусть, действительно, поколят. Больной все-таки человек. Челюсть вставная. Говорит про какие-то электроды. Надо взять шефство, а то заклюют. Психи проклятые. Хлюпики и чавкики, а ему и чавкать-то нечем. К тому же, его надо полечить антабусом — пахнет. Пойду к доктору.

Знаете, один человек нашел в справочнике свою фамилию. Она довольно редкая. И вот эта фамилия убила какого-то князя и преданла анафеме на двенадцать поколений. Он — человек этот — как раз двенадцатый. Застрелился он. Высчитал и застрелился. А потом родственники узнали, что та фамилия через "е", а у самоубийцы — через "я". Ошибка вышла. Но на ошибках учатся. Нельзя стреляться за князей. За женщин можно и за судьбы мира, а за князей — глупо как-то за них. Уж лучше... Нет, все то же самое. Да! Еще! Он был не двенадцатый, а тринадцатый. Как жаль. Ни за что погиб человек. Как много все-таки в мире несправедливости!

Человек с вставной челюстью молол какую-то совсем уж чушь. Про какой-то дельфиний ультиматум и выл. Его, наверное, перевезут вниз, к буйным. Жаль! Попрошу врача о снисхождении. Все-таки он меня любит. Или привык. Нет, любит, конечно, любит!Иначе почему не отпускает от себя? Попрошу.

У нас антисемит есть. Не явный, но про себя. Но я видел, как он смотрел на Мишу Нехамкина сзади. Такой взгляд! Гестаповец бы позавидовал такому взгляду.

Слава Богу, я ошибся. Просто Миша помочился на него ночью. Он и смотрел. Еще бы! Посмотришь тут! И Миша тоже. Разве так поступают интеллигентные люди? Мочиться на живого человека, да еще больного! Ай-яй-яй. А еще член-корреспондент какого-то журнала.

Все бегут к окнам и что-то кричат. Что они кричат!Ведь тихий час сейчас. Придет главврач и всем попадет. Да! Именно этим и кончится.

Кто-то вошел. О! Что это! Что это! Какие-то люди, нет, не люди. Какие-то жуткие существа, похожие на рыб. Это, наверное, из первого отделения. Не может быть! Даже там таких не держат. Какой-то жуткий маскарад. Но нет: они улыбаются, они распахнули настежь все входы и выходы, они идут к нам и какими-то чудными голосами что-то читают. Про нас. Мы свободны.

Постановление всего разумного... Неужели! Да здравствует! Не может быть! Да, не может быть да здравствует. А по отдельности. Все обнимаются. А человек со вставной челюстью плачет и говорит:

— Я предупреждал, я сделал все возможное, — а существа хлопают его по спине и пониже, — у них низко расположены плавники. Но ласково хлопают. М других хлопают. И все смеются.

Я понял все. Это они, они. Те, что пришли очистить мир для тех, кто прилетит. Отдать под школы! А, может,

это они и прилетели. И все, как у меня: и жизнь без сна, — не как наказание, а как благо! Моя мысль.

— Я тоже, тоже помог вам!

Это я кричу. Какое-то существо хлопает меня по уколам и улыбается громадной ослепительной улыбкой. Да это же дельфины, я про них читал и видел фото.

Они... Значит, профессор — и есть профессор! Как это я проглядел! При моей проницательности. Спасибо вам! Спасибо вам.

Дорогие мои дельфины,
Дорогие мои киты!

Мне сказали, что киты подниматься не стали, они большие, они внизу в первом отделении. А кругом музыка, салют из пятидесятишести залпов, по количеству моих лет.

Спасибо, спасибо вам. Свершилось! И дельфины оказались великодушнее, чем грозили. Они никому ничего не сделали и даже сняли первый пункт. Пейте! Пейте, работники науки! Сейчас можно. Мы свободны. Как хорошо, все-таки, чувствовать себя здоровым человеком, и чтобы все это знали.

ЭПИЛОГ

На берегу океана и вдоль его берегов на воде и под водой бродят какие-то тихие существа. Некоторые из них иногда что-то выкрикнут или забьются в истерике. Но в основном они тихие. К ним все время подплывают дельфины, и они гладят их по спинам, или дельфины гладят их. И существа позволяют дельфинам залезать им на спину и щекотать себя под мышками, и даже улыбаются. Как будто им приятно. А может быть, им и в самом деле хорошо! Кто знает?

<февраль 1968 года>

<ПЛОТЫ>

Однажды (начало довольно банальное, но, все-равно — однажды) ночью... Я пошел купаться на реку. Один. Не потому, что было не с кем, а просто захотелось одному, вот и все.

На реке (опять банально, но, тем не менее, — на реке) никого не было. Была лунная дорожка, в которой очень красиво плавать, была тихая вода и было тепло. Только в метрах в восьми от берега плавала полоса плотов. Буксир притащил их и оставил, а буксировщик пошел пьянствовать с товарищами с пристани. Ему бы надо дальше, план ведь — и чем быстрее,тем больше заработает, а он пошел пьянствовать: то ли товарищей давно не видел, то ли время пришло. Вот! Пошел он пьянствовать, а плоты колыхались на тихой воде, метрах в восьми от берега.

Я, конечно, разделся (догола, конечно, разделся), попробовал воду пальцами ног и думаю: «Плоты какие-то! Поднырну под них и выплыву на чистое место, поплаваю, поотдуваюсь, пофыркаю, а потом обратно поднырну — и домой». Сказано — сделано. Хлюп! Несколько гребков, сильных таких, нервных, — ночь, темно, страшно. Иду наверх — бум! — ударяюсь в бревно головой. Значит, мало! Еще несколько гребков, снова — бум! Хуже дело. Гребу еще, воздуху нет, и потихоньку голос какой-то гнусный говорит:

— Гибнешь! Ой гибнешь!

— Хрена с два! Чтоб мне сгинуть, надо еще смочь! — а кровь в висках стучит, наверное, кислородное голодание.

Я — наверх: опять бревна. Все! Смерть! На фига дома не сидел, пошел на реку за смертью?! А дома дожидаются, и коньяк стоит о трех звездочках... А я тут гибну, и не за грош, а по глупости гибну!

Но вдруг в самый-самый последний момент перед смер-

тью подумал: «Правой-то я сильней греб, вот и выгреб». Повернулся я, оттолкнулся да и выскочил наверх, как летучая рыба, воздуху хватил и назад, а потом опять — и так раза четыре...

Выжил я, значит.

С тех пор купаться ночью не хожу, а буксировщиков ненавижу лютой ненавистью, и пьянство тоже. А жизнь нашу и неудовлетворенность, из-за которой по ночам на реку хочется, а не в постель, — проклинаю. Вот!

<лето 1968 года ?>

варианты и другие редакции

О ФАТАЛЬНЫХ ДАТАХ И ЦИФРАХ

черновик

1—3 Кто погибал трагически — тот истинный поэт!
А если в нужный год — так в полной мере:
На цифре 26 — один пошёл под пистолет,

7—8 Ему забили гвозди в руки, чтобы не творил
Добра. И — в лоб, чтоб о добре не думал.

9—11 С меня при слове **37** в момент слетает хмель.
Вот и сейчас вдруг холодом подуло:
Под этот год и Пушкин подгадал себе дуэль,

14 Он здесь вопрос поставил: или — или!

21—24 а. Болтают: «В пятки намертво ушла твоя душа!»
Я этот хор бездарностей нарушу! —
Пусть так, но всё же ходишь ты по острию ножа
И ранишь в кровь свою босую душу.

б. Пусть даже в пятки намертво ушла твоя душа,
Когда пророка пишешь и кликушу,
Но ты ступаешь пятками по лезвию ножа
И ранишь в кровь свою босую душу.

22 а. Ах, как нетерпеливы вы, кликуши!

б. Рыдают психопаты и кликуши!

между 24 и 25:

а. Приходят мысли грешные от скуки на мели,
Что грудь твоя — мишень для стрел и копий,
И шея твоя длинная — приманка для петли...
Не надо! Нет в природе точных копий.

б. Не торопи с концом, и не юродствуй, не пыли,
Не думай, что поэт — герой утопий,
Ведь шея его длинная — приманка для петли,
А грудь его — мишень для стрел и копий.

25—27 А в слове «длинношеее» в конце — подряд три «е»,
Укоротить! — Как вывод прост и ясен! —
И укротить! Но счастлив он висеть на острие,

29—32 Да, миновали пули, петли, длинные ножи,
И распинали — устно, хоть и строго...
Но жизни продолжительность растёт, и рубежи
Быть может, отодвинулись немного.

беловой автограф

0 *ПОЭТАМ И ПРОЧИМ, НО БОЛЬШЕ ПОЭТАМ*

8 И гвозди в лоб, чтоб ни о чём не думал.

9—11 С меня при слове **37** в момент слетает хмель.
Вот и сейчас вдруг холодом подуло:
Под этот год и Пушкин подгадал себе дуэль,

14 Он здесь вопрос поставил: или — или!

24 И ранят в кровь свои босые души.

после 32:

Да, правда, шея длинная — приманка для петли,
А грудь — мишень для стрел... Но не спешите:
Ушедшие не датами бессмертье обрели,
Так что живых не очень торопите!

«Препинаний и букв чародей...»

набросок

Построений, значков чародей,
Презиравший сам факт плоскогорий,
Лиходей, перевёртыш, злодей,
Жрец фантазмов и фантасмогорий.

ПОСЕЩЕНИЕ МУЗЫ, ИЛИ ПЕСЕНКА ПЛАГИАТОРА

ранний текст

(последовательность строф: 1,3,9,4,5,6,14,8,7,10,11,12,13,2)

Сейчас взорвусь, как триста тонн тротила, —
Во мне заряд нетворческого зла:
Меня сегодня Муза посетила,
Немного посидела и ушла!

На то имелись веские причины.
И я несправедлив, к чему нытьё.
Представьте: муза ночью у мужчины.
Что люди будут думать про неё?!

Огромный торт, утыканный свечами,
Мне не помог, коньяк — и тот пропал.
Она ушла. Я ждал её ночами
И даже дверь на ключ не запирал.

Обидно мне, тоскливо, одиноко:
Ведь эта Муза — люди подтвердят! —
Засиживалась сутками у Блока,
У Пушкина жила, не выходя.

Я снова — сам с собой, как в одиночке.
Устало прокричали петухи.
Но я успел — ко мне пришли две строчки
И это гениальные стихи.

Пусть я ещё пока не член Союза,
За мной идёт неважная молва,
Но я благодарю тебя, о Муза,
За эти незабвенные слова!

Вот две строки — я гений, прочь сомненья,
Даешь восторги, лавры и цветы:
«Я помню это чудное мгновенье,
Когда передо мной явилась ты»!

Я сел писать, я был весь нетерпенье,
Но... Господи, помилуй и спаси! —
Она ушла, — исчезло вдохновенье
И — три рубля: наверно, на такси!

И петухи дурными голосами,
Не выспавшись, орали вразнобой.
И в унисон со злыми петухами
Я громко протрубил себе отбой.

И это всё, брожу один по дому,
Но Музы нет, но я её простил, —
Она ушла к кому-нибудь другому,
Я, видно, её плохо угостил.

Я ненавижу тишь и узы спален:
Сажусь писать — но тщетен мой порыв.
Без Музы я — увы! — не музыкален.
Ну что же — на покой, на перерыв!

О Муза, о безликая химера,
Тебя ещё за это обвинят, —
Хотя, ведь ты устала от Гомера
И от других, тебе не до меня.

Ушли года, как люди в черном списке,
Всё в прошлом, я зеваю от тоски.
Она ушла безмолвно, по-английски,
Нет ничего — осталось две строки.

Решить бы в нашем творческом Союзе,
Раз Муза не справляется, спешит, —
Так прикрепить нам каждому по Музе,
А эта ими пусть руководит.

промежуточная редакция

1 Я щас взорвусь, как двести тонн тротила, —
5 На то имелись веские причины —
9 И всё же мне обидно, одиноко:

между 12 и 13:

[Я не завистник — этим не страдаю,
Но не пойму я только одного:
Чем Бальмонт ей понравился, не знаю,
А ведь она бывала у него!]

13 Я бросился к перу — весь нетерпенье,
16 И — три рубля: наверно, на такси.

между 16 и 17:

[Я снова — сам с собой, как в одиночке,
Мне это за какие-то грехи!
Но я успел — ко мне пришли две строчки
И это гениальные стихи.]

<далее следует последняя строфа>

22—24 [Засох от горя и коньяк пропал.
А я, глупец, так ждал её ночами!
Я даже дверь на ключ не запирал!]

33—40 [Решить бы в нашем творческом Союзе,
Раз Муза не справляется, спешит, —
Так прикрепить нам каждому по Музе,
А эта ими пусть руководит.]

ПЕВЕЦ У МИКРОФОНА

черновик

1 а. Свет на меня! Я виден всем глазам, —
б. Я освещён, доступен всем глазам, —
4 Хотя, как знать, быть может, — к амбразуре.
12 И — жара-а-а-а!

между 12 и 13:

Мой микрофон «ТИП-3», он злой старик,
У них бывают въедливые типы,
Мой микрофон усиливает крик
И никогда не скрадывает хрипы.

18 Слух безотказен, чует фальшь до йоты.
18—20 И тонкий слух, потоньше острия,
Всю фальшь воспринимает до ноты.
Согласен он, хоть не в ударе я,
20 Но пусть правдиво вылеваю ноты.
26 Похож на кобру, он змея, поверьте!
28 И я пою до одури, до смерти.
31 И я сегодня заклинатель змей:
32 Я не пою, а кобру заклинаю!
37—40 Вы видите, кошмары у певца!
На микрофон накладываю руки!
Прожорлив он, и с жадностью птенца
Он изо рта выхватывает звуки.
43—44 Лампада он у моего лица,
Хоть я не свят, и микрофон не светит.
47 Мне тут же больно хлещет по щекам

между 48 и 49:

[И если я до сей поры пою
И не фальшивлю, — в том его заслуга:
Он выполняет миссию свою,
Жестокого, но искреннего друга.]

Я освещён, доступен всем глазам, —
Чего мне ждать? Всего вернее бури.
Я к микрофону встал, как к образам...
Нет-нет! Сегодня точно — к амбразуре.

В ранних а/и 4 строфа следовала после 5, 12 — после 13, в финале — дополнительная строфа:

Я освещён, доступен всем глазам, —
Чего мне ждать — затишья или бури?
Я к микрофону встал, как к образам...
Нет-нет! Сегодня точно — к амбразуре.

ПЕСНЯ МИКРОФОНА

черновик

6 Чистый звук в ваши уши летел.
8 Для кого я все муки терпел.
9 Только что в меня шептали про луну,
12 А я усиливал, я усиливал...
16 Ну и я кое-что покажу!

между 16 и 17:

И успех его мне, микрофону,
Не спешите в заслугу вменять:
Он не кланялся — он бил поклоны,
Он не пел — он молился в меня.

18 Он без сил, как солдат на плацу.
28 Зал, кричи, чтобы он перестал!
29 Но напрасно — чудес не бывает.
38 Но ведь против себя не попрешь.
47 Часто нас заменяют другими,
49 Мы в чехле неподвижно лежали:

«Пародии делает он под тебя...»

черновик

1—6 Поёт под других иронично, любя,
Ах чтоб ему, чтоб ему спеть под себя!
Он будущим бредит, о прошлом скорбя,
А он всё поёт и поёт под себя...
6 И делает попеременно.
9—10 И сосны, и СОСы, [покосы] и косы,
Усы, эскимосы, М.Стовский, [Полоскин].
14 Есть лимонная долька.
15—18 Из любви из Подольска
Не отпустят и летом,
И Республика Польска
Потеряет на этом.

МОЙ ГАМЛЕТ

черновик

(Последовательность строф: 1,2,3,5,7,6,8,9,11,12,14—17)

1—4 Я попытаюсь объяснить в стихе.
Я начинаю с этой мрачной строчки:
«Я был зачат, как нужно, во грехе, —
В поту и в нервах первой брачной ночи».

9—12 Я знал — всё будет так, как я хочу,
Что есть лицо, ребро или изнанка,
И что друзья по школе и мечу
На свист мой тотчас выбегут из замка.

21—23 В проточных водах и в прохладе струй
Я отмывался от ханжей и выжиг,
Пьянел среди уздечек, сёдел, сбруй.

26 А тайный взгляд, который зол и горек,

36 И выл от плети от моей загонщик.

62 Век влил в меня подобие эрзаца.

65 А мой подъём пред смертью — мой провал.

69 Я, Гамлет, что убийство презирал,

73—76 Но вечно, вечно плещет море бед.
В него мы стрелы мечем — в сито просо,
Отсеивая призрачный ответ
От вычурного этого вопроса.

К ПРЕМЬЕРЕ СПЕКТАКЛЯ «ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР»

черновик

11 Остались тюрьмы и решётки —

15—16 А двух агентов Управленья —
В последний ряд, на бельэтаж.

23 Нектара выпьют в райбуфете

<К 50-ЛЕТИЮ К.СИМОНОВА>

черновик

1—4 Полвека — час, когда наполнен он,
Полвека — это миг для человека!
Всего полгода ставился «Дион»,
А нервов с ним хватило б на полвека.

8 И даже крёстной матерью считаем.

9—12 [Таганский житель раньше был во'тьме,
Про Лира не слыхал, про Клеопатру,]

Таганку раньше знали по тюрьме,
Теперь Таганку знают по театру.
20 Вас поздравляем с Вашим славным юбилеем.

<К ПЯТИЛЕТИЮ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ>

наброски

.....
.....
Мой стих с трудом громаду лет прорвёт
И ляжет под редакторскую руку.

Наш зритель за пять лет активней стал —
У кассы, замерзая спозаранку,
Какой-то тип невесте предлагал:
«Вот жизнь и два билета на Таганку».

черновик

1—4 Даёшь пять лет! — За что? Кому? — Да нет,
Пять лет не срок, а праздник, как у МХАТа!
Конечно, МХАТу семь десятков лет...
А нам и пять — торжественная дата.

<К 50-ЛЕТИЮ ТЕАТРА ИМ. Е.ВАХТАНГОВА>

черновик

13—14 Здесь часто берут вас в плен,
А выпускают — реже.
17—20 Но вот начальство на бланке
(Надеемся мы, что навек)
Отстукало: «Пусть на Таганке
Добрый живёт человек!»
29—32 а. Здесь ждут пожеланий — не так ли?
Считали вы с этого дня,
Как Ксидиас в вашем спектакле:
«Он мой — он весь из меня!»
б. Чтоб мышцы у вас не размякли,
Чтоб вы не загнали коня,
Чтоб был наш театр, как в спектакле
У Ксидиас: «Он — из меня».
в. У вас и мозги не размякли
И вы не загнали коня,
Скажите ж про нас, как в спектакле,
Как Ксидиас: «Он — из меня».

33—36 а. Мы сыты одним наследством,
Кой-что обломилось и нам...
Мы, правда, живём не по средствам,
Но живы, с грехом пополам.

б. Вы делитесь щедро наследством —
Из храма выносите храм!
Богато живёте, по средствам,
Мы тоже — с грехом пополам!

в. Вы делитесь с нами наследством —
Всем хватит, с грехом пополам!
Транжирьте, живя не по средствам, —
Мы в этом поможем вам!

<ТЕАТРУ «СОВРЕМЕННИК»>

черновик

1—4 а. И где терпенье ваше взято
Сменить так мого сцен и мест? —
Откуда столько сил, ребята,
На этот самый переезд.

б. Но не пустует место свято,
Не выдаст чёрт, свинья не съест.
И совершили вы, ребята,
Свой самый первый переезд.

в. Всё начинается со МХАТА
И он несёт свой тяжкий крест.
И помню, помню я, ребята,
Ваш самый первый переезд.

г. Потом из филиала МХАТА
Вы вынесли свой тяжкий крест,
И начался у вас, ребята,
За переездом переезд.

5—8 Вы в цвет попали молодые,
Потом попавшие в совет...
Такие... вечные живые,
Два цвета — тоже в самый цвет.

9 а. Ну и шагнули вы, ребята, —

б. Ну и гульнули вы, ребята, —

13 Ну, тут пытайся, не пытайся,

13—16 И в заграницу выезжали,
В ту и в другую — как один!

А двое, говорят, сбежали,
Но выяснилось, что в «Пекин».
18 Прогалы есть в твоих рядах, —
между 24 и 25:

.....
.....
Ну, скажем так, — не юбилей,
А две нормальных пятилетки.

Но нас он убедить не смог,
Хоть в прошлом бывший марафонец, —
Но здесь мы отбыли свой срок,
Свой убедительный червонец.

ТЕАТРАЛЬНО-ТЮРЕМНЫЙ ЭТЮД НА ТАГАНСКИЕ ТЕМЫ

начальный текст

ЗДРАВИЦА В ВАШУ ЧЕСТЬ.
(ПЕСНЯ БЫВШЕГО ТАГАНСКОГО ЗАКЛЮЧЁННОГО)

Я думал: вот могу и умереть я,
Отгрохать юбилей — и на тот свет!
Но выяснилось: это не рубеж десятилетье,
Не юбилей, а просто — десять лет.

А ну-ка, мне «Боржомчика» налей
За юбилей. Такие даты редки!
Ну ладно, хорошо, — не юбилей,
А, скажем, — две нормальных пятилетки.

Так с чем мы подошли к «неюбилею»?
За что мы выпьем и поговорим?
[Вопросы, что поставлены] в «Конях», и в «Пелагее» —
Ответы на историю с «Живым».

[Пусть не у всех] зенит, не апогей!
Но я пою вам от лица всех зэков —
Побольше нам «Живых» и «Пелагей»,
Ну, словом, — больше «Добрых человеков».

Нам почести особые воздали:
[Есть] деньги раньше срока за квартал,

В газетах не ругали, и полным-полно регалий —
Я это между строчек прочитал.

Пока наград и званий не дадут,
Я не намерен возвращаться к пьянке,
Я трезв в определяющем году, —
Но четвертак отмечу на Таганке.

Как хорошо, что мы сидим без кляпа,
И есть чем пить, жевать и речь вести.
А эти десять лет — не путь тюремного этапа:
Они — этапы трудного пути.

Пьём за того, кто превозмог и смог,
Кто десять лет прошёл, как полководец.
Ну хорошо, не юбилей, а срок —
Наш первый убедительный «червонец».

Еще мы пьём за спевку, смычку, спайку
Со многими друзьями с давних пор —
За то, что на банкетах вы делили с нами пайку,
Хотя и не оплачен договор.

Чуть поредели стройные ряды
Писателей, которых уважаешь.
Поклон земной за ваши за труды —
От нас, друзья Абрамов и Можаич!

Ах, Ваня, Ваня Бортник! — тихий сапа.
Как я горжусь, что я с тобой на ты!
Пришёл бы на спектакль тоже Павел — Римский Папа —
Он у тебя набрался б доброты.

Вы обе — две заслуженных! — кричи:
«Подайте, заслужённые, страданье!»
И <пусть> ложаться наши кирпичи
Краеугольным камнем в новом зданьи.

От наших лиц остался профиль детский,
Но первенец не сбит, как птица влёт —

Привет тебе, Андрей, Андрей Андреич Вознесенский!
И пусть второго бог тебе пошлёт.

ОЛЕГУ ЕФРЕМОВУ

черновик

1—4 Я из породы битых, но живучих.
Я жив и мне свобода дорога.
Я, дорогие, МХАТовский лазутчик,
Заброшенный судьбою в тыл врага.
2 Я помню всё — мне память дорога.
5—6 Лицом к лицу, как бы боксеры в клинче,
Я был в тылу, в Таганке, много лет.
16 А те — без ложной скромности, без лож.
25—26 Подчас репертуары совпадают,
И тут и там умеют брать нутром:
30 Двум ротным ордена за марш-рывок.
32 Хотя «червонец» — разве это срок?
41 Примеры? Далеко ходить не надо.
46 Через подъезд парадный на коне.
52 Но говорят, что, вроде, обошлось.
60 И птица синяя им предстоит.
73—76 В Таганке есть минуты дорогие —
Ты даришь нам присутствием своим.
Я понимаю — это ностальгия
По вечно и доподлинно живым.

ПРО ДЖЕЙМСА БОНДА

черновик

6 Под символом агента 007.
15—28 Поклонники, однако, говорили,
Что после съёмок на шикарной вилле
Он всё своих продюсеров ругал,
Что, потеряв осанку супермена,
Он утыкался в жёнины колена
И никому проклятья изрыгал.

Но, проглотив таблетки,
Шёл на экран опять, —
Обманывать разведки
И женщин покорять.

Они его ловили —
Аж брызгали слюной! —
А он лежал на вилле
И бабился с женой.

17 И волком выл от славы и тоски,

18—20 а. Не раз бывало — толпы у квартиры
Набросятся — и рвут на сувениры
Довольно дорогие пиджаки.

б. Его, бывало встретят у квартиры,
Набросятся — и рвут на сувениры
Джеймс Бондову одёжку на клочки.

25—28 То влезет в щель без мыла,
То — выстрелит с руки!
Бабьё с ума сходило
И даже мужики.

31—34 В совместный фильм сниматься к нам зовут.
Его там, говорят, поднатаскали,
И он решил приехать в одеяле —
Мол, всё равно на клочья изорвут.

29—34 [Однажды он собрал свои котомки
И к нам в страну отправился на съёмки,
Строптивым голливудцам вопреки.
Чтоб граждане его не узнавали,
Он к нам решил приехать в одеяле —
Чтоб брюк не изорвали чудаки].

45 (У них замашки барские в ходу)

49—52 Он встретился с толпой, но —
Вот он и первый шок! —
Толпа глядит спокойно
И как-то даже вбок.

54 Он, выстрелив с руки, —

56 И тоже мужики.

60—62 Его назвали грязным оборванцем,
Что он-де притворялся иностранцем
И намекал, что, дескать, он — агент.

63—70 Бумага есть — и то рад,
«07—я,» — пишет он.
«Ах, — говорят, — межгород?
Так надо взять талон!»

Эк, как его скривило!
Ах, эти желваки!..
Бабьё с ума сходило
И тоже мужики.
67 У губ скопилась пена
71 а. Пока киношестёрки прибежали
б. Потом киношестёрки прибежали
73 И фунты разменяли на рубли.

«Вот я вошёл и дверь прикрыл..»

наброски

Чтоб с бытом ознакомиться
И изучить характер

коль так
контакт

Как войти, что сказать,
Показать бумаги ль
3 Толково, тихо объяснил
38 С издёвочкой (для Светы):

ПЕСНЯ КИНОАКТЕРА

черновик

1 Будто в сказке, на экране —
5—8 а. Ну а в следующей картине
Вам покажут, не таясь,
За прилавком в магазине
Этот самый бывший князь.
б. Выбор образов огромный —
Амплуа в кино — злодей,
Ну а в жизни — тихий, скромный
И отец восьми детей.

в. То купец, то неимущий,
То изменник, то злодей —
В жизни — тихий и непьющий,
И отец восьми детей.
9—12 а. И где-то мальчишки бегут по дворам
Шальные:
«Скорее! Артисты приехали к нам
Живые!..»

6. Сегодня ж мальчишки бегут по дворам,
Загадочны и голосисты:
«Скорее! Сегодня приехали к нам
Живые артисты!..»
17 В жизни пусть без изменений,
33 Со значеньем обсуждают,
37—40 И снова мальчишки бегут по дворам,
Загадочны и голосисты:
«Скорее! Сегодня приехали к нам
Живые артисты!..»
46—48 Может пролететь за час.
Люди видят нас, но плохо
То, что мы не видим вас.

БРАТЬЯМ ВАЙНЕРАМ
1

начальный текст

Сколько книг у вас, — отвечайте!
А сценарии, читатели и планы?..
Так идите вы <в> ВААП — права качайте!
Издавайтесь там и получайте...
И давайте, давайте, давайте
Нам романы про разные страны.

А вы — вы всё про нас, про нас — и не устали,
Про наше всё ворье, жульё, — аж до мигрени.
А мы — хотим про них, но — нашими устами,
И нашим же пером, и с нашей точки зренья.

Валяйте же туда, живите без корысти,
Не заживитесь, там вот это — не дай Бог!
И что там Конан Дойль или Ага<та> Кристи! —
Приедете назад — им тут же вилы в бок.

Подумаешь, она писала лежа в ванне,
И эдакий лакей ей ручки чмок и чмок!
Уверен был бы я в своем родном братане, —
Я б в бане суток пять с едой, конечно, мог.

Когда бы вы своим и нашим, значит, взглядом
Всмотрелись в ихний быт, и в кризис, и в ландшафт,
Так Жорж бы Сименон, да он бы с вами рядом
Как кто-нибудь вообще — и летчик—космонавт.

У нас на Колыме пока еще морозно,
Ну, минус пятьдесят — меняем полуось.
Я и [мой] брат Иван вам пишем: будет поздно!
Так требуйте свое от оторви и брось!

черновик

10—11 Режиссер мой усы выдирает в тщете,
Но народ эту песню подхватит
12 Вот уж кто приписал на Царьградском щите:
25 Перепало б чего-то и мне там.
26 Возле этой безрукой не хочешь, а млей,
33 Все подряд экипажи «Союза».
42 Выпускают — так уж с юбилеем.

2

черновик

17—18 Но сказал им старший брат
(Младший был при сём):
18—20 «Мы усё спасём.
Мы и сквозь редакторат
Это пронесём.»

3

черновик

1—4 Здравствуйте, Аркадий Вайнер!
И Георгию привет!
Мы знакомы с вами втайне —
По романам много лет.

6 От ферганской всей земли,
9 И во время сбора хлопка
14 Самый старый аксакал —
16 Ваших книг не отыскал.
17—20 отсутствуют
21 Он за «Милосердья эру» —
25 Апосля телевиденья —

27 Будем слать за продолженье
32 Две главы — барашек ваш.
33—35 Мы, конечно, судим плотски,
Но две песни про тюрьмы
Пусть споёт артист Высоцкий
42—44 И считаем оборот...
На банкет не успеваем,
Но праправнук попадет.
45—57 Наши правнуки — в институте —
Просто чушь, и не за куш...
Если был бы жив Низами!
Ну а так — какие связи!
Будет грустно, в этом разе
Приезжайте в Гиндукуш.

беловой автограф

14 Самый старый аксакал —
20 В «Книжной лавке», как везде.
35 (Пусть поёт артист Высоцкий)
47 Я хотел, чтоб был в институте...

авторское исполнение

6 С Гиндукушенской земли,
9 И во время сбора хлопка
16 Вашей книги не сыскал.
17—20 **отсутствуют**
21 И за «Милосердья эру» —
23 Дал овечку офицеру
26 Клялся волосом седым! —
34—35 Но за двести грамм гульбы
Пусть споет артист Высоцкий,
42—43 Нас абзац кидает в пот.
Братья, мы вас почитаем (посчитаем)
45—46 Наш кунак сидит в главбазе, —
Там все деньги — дребедень.
49—54 Если был бы жив Низами, —
Вот тогда бы были связи!
Ну а так — какие связи?
Только с фруктов крупный куш...

«В холода, в холода...»

первая редакция

ПЕСНЯ ФЁДОРА

Почему-то всегда
От насиженных мест
Нас другие зовут города,
Будь то Минск, будь то Брест...

Неспроста, неспроста
От родных и друзей
Нас на новые тянет места —
Словно там веселей.

И обратно — к родным и друзьям,
Будто дома — беда...
Где счастливая наша звезда?
Может, здесь, может, там...

27 августа <1965>

НА СМЕРТЬ ШУКШИНА

авторизованная машинопись

до 1:

Мы спим, работаем, едим, —
А мир стоит на этих васях...
Да, он в трёх лицах был един —
Раб сам себе, и господин,
И гражданин — в трёх ипостасях.

между 17 и 18:

Был прост и сложен чародей
Изображения и слова,
Любил друзей, жену, детей,
Кино и графа Льва Толстого.

18 А был бы «Разин» в этот год!
20 Да, печки-лавочки, Макарыч, —
28 Второй наш брат ушёл во тьму!..
34 За то, что видел он в гробу
38—39 Взять утром тёпленьким с постели,
Чтоб не испытывал судьбу!»
41 Чист, и улыбчив, и тверёз.
50 Сирень — осенняя такая...

«Схвати судьбу за горло, словно посох...»

черновик

2 Не верь, что с нею больше нету сладу.
3 [Проеду Невский на твоих колесах]

Неиспользованная строфа

[Гранд-Опера лишилась Гранда.
В князья он вышел, — должно быть, в Мышкины.
Дойдут, докатятся до Ленинграда
Колеса Мишкины, и ноги Мишкины.]
3 а. Доедут, дотащат до Ленинграда
б. Меня не дотащат до Ленинграда
4 Колеса Мишкины, колеса Мишкины.
3—4 Сперва докатятся до Ленинграда
а. Колеса Мишкины, а после — ноги.
б. Колеса Мишкины, а там и сам он.

Я НЕ ЛЮБЛЮ

набросок

Я не люблю, когда острее клина
В затылок мне врага направлен взор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Но если надо, выстрелю в упор.

черновик

2 Или когда шутить перестаю,
5 Я не люблю открытого цинизма,
11 Я не терплю, когда стреляют в спину,
18—19 Когда проходит стороной гроза.
Обидно мне, что слово «честь» забыто
21 Когда я вижу связанные крылья,
24 а. И потому — распятого Христа.
б. И мне не жаль распятого Христа.
26 а. Мне муторно, когда невинных бьют.
б. Неладно мне, когда невинных бьют.

НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ

наброски

Взяли с паперти кликушу,
Так как, судя по зарплате,
Бедный отдал Богу душу,
А не так — откинул лапти.

И родные вспоминают:
«Он говаривал порой —
Прах мой в урне закопают
Под кремлёвскою стеной».

Может, кажется кому-то —
Будто каждую минуту
Почему-то сею смуту.

черновик I

2—4 Визу в зубы при всех штемпелях!
Я в Париже подсолнухи сею
На самих Елисейских полях.

9—12 а. Нет меня, и, делясь новостями,
Говорят, что я продал перо...
Нет меня, и толкают локтями,
И сидят на коленях в метро.

б. Мои уши полны новостями:
«Да не он это, Кольку спроси...»
«Ах не он!» — и толкают локтями,
И сидят на коленях в такси.

9 а. Вот обычный обмен новостями:

б. То и дело — обмен новостями:

17—20 Чтоб пустили назад меня срочно —
Унижался и умолял.
Ерунда, не вернусь — это точно! —
Потому что и не уезжал.

17 Но теперь попросился обратно

18—19 Будто плакался я, умолял...
Не вернусь никогда, успокойтесь! —

21—22 а. Я вам всем привезу по подарку —
Торопи<те>сь! Ведь будет темно.

б. Кто поверил — тому по подарку, —
Вот вам линия вся Мажино!

в. Легковерным <везу> по подарку,

25 Кто-то рад, а кому не до смеха

26 Что поверили этому бреду.
Чтоб хороший конец, как в кино:

25—30 А серьёзно — давно не до смеха:
Очень жаль, что поверили бреду!
Не волнуйтесь — я не уехал,
Не надейтесь — я не уеду!

черновик II

до 1 Кто-то видел своими глазами,
Как я продал кому-то перо...
Потому и толкают локтями
И сидят на коленях в метро.

2 Дали визу при всех штемпелях!

5 а. Кто-то вякнет в трамвае на Пресне:

б. Кто-то скажет в трамвае на Пресне:

6—7 «С плеч гора! Умотал наконец!
Вот и пусть теперь гнусные песни

10—11 «Да не он, тот уехал — спроси...»
«Ах не он?!» — и толкают локтями,

между 12 и 13:

а. И какой-то мой доброжелатель,
Что меня на Гражданской знавал,
Уверял, что евойный приятель
На Монмартре со мной выпивал.

б. Уверяет мой доброжелатель,
Тот, что вместе со мной воевал:
«Да сегодня наш общий приятель
Мне поклон от него передал.

б. Уверяет мой доброжелатель,
Тот, что вместе со мной воевал:
Прилетел, мол, оттуда приятель
И коньяк от него передал.

17—18 Но уже попросился обратно —
Унижался я и умолял...

21—28 А теперь я сомненье рассею
.....
И, как прежде, я семечки сею
На родных моих русских полях.

беловой автограф

2 Дали визу при всех штемпелях!

6 «С плеч гора! Умотал наконец!

После 8 и 16 — рефрен:

Я смеюсь, умираю от смеха,
И прошу — передайте соседу:
Не волнуйтесь — я не уехал,
Успокойтесь — я не уеду!

10—11 «Да не он, тот уехал — спроси...»
«Ах не он?!» — и толкают локтями,
13 Тот, с которым сидел в Магадане, —
строки 29—32 идут до 25—28.
18 Унижался, вилял, умолял...
20 Потому что и не уезжал.
21 Легковерным везу по подарку, —
25—28 И становится мне не до смеха.
Я прошу — передайте соседу:
Не волнуйтесь — я не уехал,
Не надейтесь — я не уеду!

После 36:

Я актёр, но я плохо умею
В грудь стучать, как в трагичных ролях.
Но всегда я подсолнухи сею
На своих, то есть русских, полях.

«Запомню, оставлю в душе этот вечер...»

набросок

Мне снова учиться писать по слогам,
Забыл алфавит,
Уходят пустыми мои поезда,
[И их напрасно встречают.]

первый вариант

Запомню, запомню, запомню тот вечер —
Не встречу с любимой, не праздничный стол:
Сегодня я сам — самый главный диспетчер,
И стрелки сегодня я сам перевёл.

И пусть я отправил составы в пустыни,
Где только барханы в горячих лучах, —
Мои поезда не вернутся пустыми,
Пока мой оазис ещё не зачах.

В тот памятный день я оденусь по форме,
Возьму и гитару, и жёлтый флажок,
И буду стоять я один на платформе:
Смелей через пропасть — мосты я не сжёг.

Давай постоим и немного остынем, —
Ведь были барханы в горячих лучах...
Мой поезд прошёл по степям и пустыням,
И в них мой оазис ещё не зачах.

И вновь отправляю я поезд по миру.
Я рук не ломаю, навзрыд не кричу,
И мне не навяжут чужих пассажиров —
Сажаю в свой поезд кого захочу!

Запасы и силы уходят на убыль,
Не надо про тяжесть мою на плечах! —
Я буду безжалостно тратить свой уголь,
Пока мой оазис совсем не зачах.

«Нараспашку — при любой погоде...»

черновик

Между 16 и 17 — зачёркнутая строфа:

«Говорите тихо!» Как хотите —
Я второго слова не терплю.
Я читаю только «говорите», —
И, конечно, громко говорю.

После 20 — не правленная автором строфа:

Ох, не кури, когда не разрешают,
Закури, когда невмоготу.
Не дури, когда не принимают
Наготу твою и немоту!

ПЕСНЯ ПРО ПЕРВЫЕ РЯДЫ

наброски

[Я рвался в первый ряд, и говорят,
Я гордо восседал, как изваянье,
Но я сменил свой взгляд на первый ряд:
Сидишь, и будто в спину автомат —
И взгляды, и недоброе дыханье.

Я в ужасе от фильма — хоть свисти! —
.....]
И мне еще сидеть до десяти,
А сзади так удобно нанести
Обиду или рану ножевую.

черновик

23 И стража за спиной — стена стеною.

МАСКИ

реконструкция раннего варианта текста с рефренами

После 12 строки:

Что делать мне — бежать, да поскорей,
А может, вместе с ними веселиться? —
Ведь знаю я: под масками зверей
У многих человеческие лица.

Все в масках, в париках — все, как один, —
Кто — сказочен, а кто — литературен...
Сосед мой слева — грустный арлекин,
Другой — палач, а тот — весёлый дурень.

Я в хоровод вступаю, хохоча, —
Но всё-таки мне неспокойно с ними:
А вдруг кому-то маска палача
Понравится и он ее не снимет?

Вдруг арлекин навеки загрустит,
Любуясь сам своим лицом печальным?
Что, если дурень свой дурацкий вид
Так и оставит на лице нормальном?

За музами гоняюсь по пятам,
Но не одну не попрошу открыться:
Что, если маски сброшены, а там —
Их равнодушно-серенькие лица?!

Но в тайну масок всё-же я проник, —
Мне кажется, что мой анализ точен:
И маски равнодушия у них —
Защита от обид и от пощёчин.

Как доброго лица не прозевать,
Как честных отличить наверняка мне? —
Они решились маски надевать,
Чтоб не разбить свое лицо о камни.

Но если был без маски подлецом —
Носи её! А вы? У вас всё ясно!
Старайтесь не скрывать своё лицо
Чужим лицом, когда своё — прекрасно!

Смеются злые маски надо мной,
Весёлые — те начинают злиться,
За маской пряча, словно за стеной,
Свои людские, подлинные лица.

«Дурацкий сон, как кистенём...»

наброски

Но отзвук сна лежит на мне,
Как ком-порода,
И мне противно, как во сне,
В котором продал.

Когда пою я в унисон,
Не зол, не грустен, —
Бывает стыдно, как за сон,
В котором струсил.

НАДО УЙТИ

черновик

4 И всё-таки я подожду до конца.
5 Всё нужное ноты давно
11 Нет, лучше мне молча допить
9—12 Он что-то, чтоб вас разозлить,
Сказал.
Попробуйте молча допить
Бокал.
13—16 Полгода нас балует солнцем погода,
Но чувства полгода дрожат в холодах.
И, видно, напрасно я жду ледохода,
И души надолго застряли во льдах.
28 И всё-таки я подожду до конца.

СЛУЧАЙ

черновик

14 Я снисходил, гордясь, что тоже в моде.
16 Но и к гитаре есть любовь в народе.

21 Я пел и думал: вот икра лежит,
23 А мой ракетчик где-нибудь не спит
24 И мыслит в интегралах и в парсеках...
25 Обняв за шею женщину в колье
29—30 а. Я тост ехидный предложил ему,
Просил закройщик: «Вы бы, что ли, спели!
б. Потом сказал закройщик на дому,
Магнитофон припрятавши в портфеле:
32 Сказал: «Да! Если дом твой — дом моделей».
между 32 и 33:
Я всё перебирал, перебирал
Тугие струны в ярости и в горе, —
Мне кажется, что я к утру играл,
В цыганском, не в привычном переборе.

«Прошла пора вступлений и прелюдий...»

черновик
2 а. Серьёзно, не шучу, без дураков:
б. Лёд тронулся, нет-нет, без дураков:
5 Должно быть, запись слышал из окон,
7 Кто знает? Вдруг купил магнитофон
13 Не разбирая поначалу слов
24 Пропел по эту самую «Охоту».
27 И он меня прослушал благосклонно
30 С «Нарзаном», что извлек из книжной полки,
31 Он выпалил: «Да это — про меня!

«Проложите, проложите...»

черновик
7 И не забудьте, затупите
14—15 Из-за пазухи скорей,
Перебросьте, перекиньте
между 16 и 17:
Или бродом перейдите —
Броды есть, коль поискать, —
Или вплавь переплывите
Славу добрую снискать.
18 Надо взяться, надо взять, —
24—28 — отсутствуют.

Я К ВАМ ПИШУ

черновик

14 Не искажён он техникой плохой,
17 Но что поделать, если я не звонок,
36 Ну что же — это тоже интерес.
37 За письма высочайшего пошиба —
39 Спасибо, люди добрые, спасибо.

«Я бодрствую, но вещий сон мне снится...»

наброски

страну
не премину
не обогну
перечекну
пилюлю заглотну
Пусть даже горькая — я их не обману.

Я ИЗ ДЕЛА УШЕЛ

черновик

1 Я из дела ушёл, из большого, хорошего дела!
4 И ещё оттого, что явились другие дела.
5 Мы многое на шкуре познаём,
8 Да! И в других отечествах — не густо...

между 8 и 9:

Я не продал друзей — без меня даже выиграл кто-то,
Я подвёл одного — ненадолго, сочтёмся потом...
Я из дела исчез, не оставил ни крови, ни пота,
А оно — видит Бог — покатилось своим чередом.

далее следуют строки 13—16.

10 Получил только тот, кому я б её отдал и так.
13—16 Незаменимых нет — и пропоём
Заупокой ушедшим, будь им пусто!
Пророков нет в отечестве своём,
Да и в других отечествах — не густо...
19—20 Паутину в углах с образов я ногтями сдираю, —
Я спешу, потому что за домом седлают коней.
22 а. И он сказал невесело, негрустно:
б. И он ответил мне светло и грустно:
23 «Пророков нет в отечестве своём,
25—26 Я взлетаю в седло, я врастаю в коня — тело в тело, —
Конь уздечку грызёт, да и я закусил удила.
30 Но вечных слов не слышно из-за хруста:

«Жил-был один чудак...»

черновик

37	Что, мол, сбежал гиппопотам
41—43	И кто-то постучал
	К кому-то поутру,
	И строчки прочитал —
59—60	Что он [не то, за] что
	Он сам себя считал.

«Когда я отпою и отыграю...»

черновик

9—10	[Ответа нет]. И я уже не чаю, —
	А вдруг ей не страшны цепные псы?

Я НЕ УСПЕЛ (ТОСКА ПО РОМАНТИКЕ)

беловой автограф

1	Уж Новый Свет четырежды открыт,
19	Мой плот папирусный — последнюю надежду —
56	Беззлобно чашу выпили сию.
60 а.	И пережили подлинно мой взлёт.
6.	Я не успел, давно прошёл мой взлёт.

«Штормит весь вечер, и пока...»

черновик

8—12	Я слышу хрип и смертный стон,
	И ярость, что не уцелели, —
	Еще бы, взять такой разгон,
	И крылья обломать у цели!

между 14 и 15:

	Как кони пенные судьбы,
	Пред смертью словно хорошея,
	По зову боевой трубы
	Взлетают волны на дыбы,
	Ломая выгнутые шеи.
15—19	Но ветер снова в гребни бьёт,
	Чтоб гривы пенные взъерошить,
	Ещё проскачет и падёт
	Шальная взмыленная лошадь.
22—26	В душе предчувствие скребёт —
	Я тоже подлетаю к краю!

И жду — придет и мой черёд:
Я надломлю себе хребёт
И тоже голову сломаю.

32—33 На рифах, скалах и камнях
Другие головы ломают.

после 35:

а. Морской весёлый сатана
Повесит чёрный флаг на клотик, —
Тогда поднимется одна
Неимоверная волна
И наблюдающих поглотит!

Я просто умереть могу
На этом чистом берегу.

б. Но в сумерках морского дна —
В глубинах тайных, кашалотьих —
Родится и взойдёт волна
Неимоверная одна,
На берег ринется она
И наблюдающих поглотит!

Я даже в мыслях не солгу
На этом чистом берегу.

беловой автограф

11—12 Набраться сил, но пасть в поклон —
И смерть принять у самой цели!

между 14 и 15:

Ах, гривы белые судьбы!
Пред смертью словно хорошея,
По зову боевой трубы
Взлетают волны на дыбы,
Ломают выгнутые шеи.

И я сочувствую слегка
Погибшим, но — издалека.

15—19 А ветер снова в гребни бьёт,
Чтоб гривы пенные взъерошить,
Волна барьера не возьмёт —

Ещё проскачет и падёт
Вперёд, как взмыленная лошадь.

И я сочувствую слегка
Погибшим, но — издалека.

22—23 И мой черёд придёт вослед:
Я тоже к краю подлетаю,
25 Я надломлю себе хребет
31 Внимательно и чутко, как

после 35

Но в сумерках морского дна —
В глубинах тайных, кашалотьих —
Родится и придёт волна
Неимоверная одна,
На берег ринется она
И наблюдающих поглотит!

Я посочувствую слегка
Погибшим, но — издалека.

первые авторские исполнения

между 14 и 15:

Ах, гривы белые судьбы!
Пред смертью словно хорошея,
По зову боевой трубы
Взлетают волны на дыбы,
Ломают выгнутые шеи.

И мы сочувствуем слегка
Погибшим им, — издалека.

после 35:

Но в сумерках морского дна —
В глубинах тайных, кашалотьих —
Родится и взойдёт одна
Неимоверная волна...
На берег ринется она
И наблюдающих поглотит!

Я посочувствую слегка
Погибшим им, — издалека.

«Ах, откуда у меня грубые замашки...»

черновики

4 Взяла да подпоясала красным ремешком.
8 И от Бога дадено не «хухры-мухры».
14 Пел бы я про главное, главное для всех,
13—14 Пел бы ясно я тогда про луга и дали,
Пел бы про красивое, приятное для всех,
17—18 Но запеть-то хочется, лишь бы не мешали,
Хоть бы раз про главное, хоть бы раз про ТО!
21 Ну скажите, почему всё враньё да хаянье!
25 Жил раб Божий, нес свой крест, были у раба вши.

«Меня опять ударило в озноб...»

черновик

8 Он кислород вместо меня глотает.
между 12 и 13:
[Он мелочен, расчётлив и труслив,
Жесток и подл, как Капо в Бухенвальде]

«Мне скулы от досады сводит...»

наброски

И кровь во мне, как брага, бродит,
Я пьян и зол к исходу дня,
Мне кажется: здесь жизнь проходит,
А там идёт, где нет меня.

Я здесь раздрызганный без пьянки —
Ни почему. А так — хоть знал.
Я здесь, как будто на стоянке,
А там, где нет меня, — бежал.

черновик

7 «Где ты — всё только наважденья,
13—16 [Твои резервы разгребают.
Беспутен ты. Легко ль без пут?
Враньё! Где ты — там прозябают,]
А вот, где нет тебя, — [живут]».
17—20 [Я верю запахам вниманья,
Дразня врагов,] друзей любя,
Дразня врагов, — я не [желаю
Бежать от них и от себя].

27 [Но там, где я — лишь] прозябанье,
29—32 [Бывало, бездна разверзалась:
Штаны и пары три белья...
Но я там был и мне казалось —
Жизнь там,] откуда прибыл я.
31—32 Я — шасть! — и там. Но [мне] хотелось
Туда, откуда прибыл я.

«Я спокоен — он мне всё поведал...»

черновик

1—3 Я спокоен, он мне всё поведал.
Не таясь, поделюсь, расскажу —
Всех, <кто гнал меня>, бил или предал,
3 Кто обидел <меня> или предал,

ДВЕ ПРОСЬБЫ

черновик

1 Мне мнятся крысы, хоботы и черти. Я
4 И шепот: «Выход есть — к исходу дня
6—7 Виденья схлынут, сердце и предсердие
Отпустит, и расплавится броня!»
10 Широкий тракт, да друга, да коня,
17 День смерти называли мне они...
20 В последний час возьми и измени,

ПАМЯТНИК

наброски

Я при жизни был рослым и стройным,
Выбивался из общей кадрили,
И в обычные рамки не лез.
Но с тех пор, как считаюсь покойным,
Эту славу за мной укрепили,
К постаменту прибив ахиллес.

Выделялся косою саженью,
Знайте, черти!
Мои плечи подверглись суженью
После смерти.
И в привычные рамки я всажен:
«Распри», «мили»...

А косую неровную сажень
Распрямили.

В день, когда я фактически умер,
Вкруг меня полонезы плясали
Представители новой струи,
И не знаю, кто их надоумил, —
Но они аккуратно стесали
Азиатские скулы мои.

Тишина надо мной раскололась —
Из динамиков хлынули звуки,
Мне на рожу направили свет,
Мой надорванный воплями голос
Современные средства науки
Превратили в приятный фальцет.

Стали хором кричать мои песни,
Позабыв разногласья и склоки,
И никто не сказал им: «Не сметь!»
Я в граните немел, хоть ты тресни,
И текли мои рваные строки
Непрерывно <и> ровно, как смерть.

Но... звонок с того света, как зуммер, —
Проскрипит, а <не звякнет(?)> в надежде,
И смышлёные сообразят,
Что хотя я фактически умер,
Я остался высоким, как прежде,
И не согнут, и скулы торчат.

И строитель шикарных гостиниц, —
(Он мне ровно по щиколку ростом)
Сам и скульптор, и каменотёс,
Встал меж ног, и, держась за мизинец,
Разродился приветствием-тостом
И хвалу нараспев произнёс.

Я стою — и ужат, и обужен —
Нате, смерьте!
Неужели такой я им нужен
После смерти?!

черновик

5 а.	Охромили меня и пригнули,
б.	Охромили меня, подогнули,
7—12	Но вздымаются рёбра каркаса,
	.....
	Бродят судороги вдоль по хребту...
	Отряхнуть от гранитного мяса
	Или вытащить из постамента
	Ахиллесову эту пяту?
10—12 а.	Мой скелет из стального каркаса
	Крепко схвачен раствором цемента —
	Только судорога по хребту.
б.	И железные рёбра каркаса
	Мёртво взяты раствором цемента —
	Только судороги вдоль по хребту.
21—22	Говорят, что как только я да умер,
	Тотчас маску посмертную сняли
22	На пробор мне вихры расчесали
25 а.	Но они с этой маски стесали
б.	Но на маске вчистую стесали
27—28 а.	Мне при жизни такое не снилось,
	Что на гипсовом слепке застыло:
б.	И лицо моё вдруг прояснилось:
	Я-то думал, что мне не грозило
31—32	И довольством на вёрсты разило
	От беззубой улыбки моей.
35—36	Подходившие с меркой обычной
	Отступались.
38—39	Тоже странной —
	Подошёл гробовщик ко мне с меркой
42—43 а.	Результат моего исправленья —
	Крепко слаженный мой монумент —
б.	Крепко сбитый, венец моего распрямленья —
	Монумент мой, ужатый в корсет —
46	Под моё — что с магнитных кассет.
53—55	И немел я в граните проклятом —
	Все там будем! —
	В то же время орал я кастратом
57	Не похож я — приглажен, обужен! —
61	Да! Шаги Командора так гулки!

67—80 Повалился я вниз, безобразен,
Напоследок я вылез из кожи,
Дотянулся, за провод задел —
И, когда уже грохнулся наземь,
Голос — прежний мой голос! — похоже
Из динамиков вдруг захрипел.

Запоздало, зато всенародно
Спохватился.
Я за это на время свободой
Поплатился!
Отстоял я, как было угодно —
<Шито-крыто.>
Но теперь я ушёл всенародно
Из гранита.

беловой автограф

12 Только судороги вдоль по хребту.
16 И не знал, что подвергнусь суженью
21 а. Но едва я фактически умер —
б. И с меня — только-только я умер —
25 а. Но они аккуратно стесали
б. Но на гипсе вчистую стесали
28 Полагал я, что мне не грозило
31—32 И могильною скукой разило
От беззубой улыбки моей.
35—36 Подходившие с меркой обычной
Отступались.
40 Постоянной.
42 Результат моего исправленья —
57 а. Сдёрнут шёлк — я приглажен, обужен! —
б. Сдёрнут шёлк — я обтёсан, обужен! —
в. Сдёрнут шёлк — я ужат и обужен! —
65—66 Когда ногу ломал я со стоном
И гранит осыпался с меня.
66 И осыпались глыбы с меня.
67—72 а. Мы охотнее наверх залазим!
Я же, падая, вылез из кожи,
Дотянулся, за провод задел —
И, когда уже грохнулся наземь,

Из разодранных рупоров всё же
Напоследок, как прежде, хрипел.

б. Мы охотнее наверх залазим!
Но и падая, лезем из кожи, —
Я железной своей пятернёй
Дотянулся — и грохнулся наземь,
<Из разодранных рупоров всё же>
Прохрипел я, как прежде: «Живой!»

в. Накренился я — гол, безобразен, —
Но и падая, вылез из кожи,
Дотянулся, за провод задел,
И, когда уже грохнулся наземь,
Из разодранных рупоров всё же
Я похоже «Живой!» прохрипел.

73—75 И паденье меня не согнуло,
Не сломало,
И торчат мои острые скулы

79 Я, напротив, — сбежал всенародно

«Мне судьба до последней черты...»

черновик

между 6 и 7:

Триста лет под татарами — жизнь ещё та,
Маята трёхсотлетняя и нищета.

7—8 Что копил уже что-то Иван Калита,
Был уже не один, кто один против ста.

между 8 и 9:

И намерений добрых и бунтов — тщета,
Пугачёвщина, кровь и опять нищета.

16 Не ломаюсь, не лгу — всё равно не могу!

27 Никому не скажу, при себе сберегу.

28 А узнают — затопчут меня на лугу.

32 И веселый манер — я на нём хохочу.

40 Но не буду скользить, словно пыль по лучу.

после 40:

Если всё-таки чашу испить мне судьба,
Если музыка с песней не слишком груба,
Если вдруг докажу даже с пеной у рта, —
Я уйду и скажу, что не всё суета.

ПЕСНЯ МУЖИКОВ

черновик

Ну что, Кузьма?
А что, Максим?
Чего стоймя
Стоим-глядим?

Да вот, глядим, чего орут,
Понять хотим, про что поют.

[Куда ни глянь — все голытьба,
Куда ни плюнь — полна изба.
И полн кабак нетрезвыми,
Их, как собак нерезанных.

Кто зол — молчит, кто добр — поёт,
Свихнулись все на год вперёд.
И слух идёт, что жив царь Пётр.
Ох, не сносить им всем голов!
Пойти спросить? Побольше штоф!]

Кузьма! Андрей! Чего, Максим?
Давай скорей сообразим!

И-и-их — на троих!
А ну их — на троих!
На троих, так на троих!

Ну что, Кузьма?
А что, Максим?
Чего стоймя
Опять стоим?

Теперь уж вовсе не понять —
И там висять, и тут висять!

[Им только б здесь
Навоевать!
И главный есть —
Емелькой звать!]

Так был же Пётр!
Тот был сперва.
Нет, не пойдёт
У нас стрезва.

«Кузьма!» — «Готов!»
«Неси-ка штоф!»
«И-и-их, на троих!»

Подвох! Не пойдёт!
На трёх — не возьмёт.
Чего же ждём?
Давай вдвоём.

А ты, Кузьма, стрезва взглянёшь,
И, может статься, сам возьмёшь.

Кузьма, Кузьма!
Чего ты там?
Помрёшь глядеть,
Ходи-ка к нам.

[Да что ж они — как мухи мрут,
Друг дружку бьют, калечат, жгут.
Не понять ничего, Андрей, Максим!
На одного! Сообразим!

Такой идёт раздор у них,
Что не возьмёт и на двоих.]
Кричат, кричат: «А ну его,
Давай, дави на одного!»
Теперя вот
И на двоих не войдёт.

Пугач!
Живи!
А ну его!
Давай!
Дави!
На одного!

Э-эй, Кузьма! Э-эх, Максим!
Чего стоймя опять стоим?
Эхма, эхма!
Что так, Кузьма?

[Да всех их чёрт побрал бы, что ль!
Уж третий штоф — и хоть бы что!
Пропился весь я до конца,
А всё трезвее мертвеца.]

Уже поник! Такой нарез:
Взгляну на них — и снова трезв.
[Мы тоже так, не плачь, Кузьма,
Кругом такая ж кутерьма.

Ведь до петли дойдём мы так,
Уж всё снесли давно в кабак!
Но не забыться — вот беда,
И не напиться — вот беда!

И это жизнь? Земной наш рай?
Нет! Хоть ложись и помирай.]

КУПОЛА РОССИЙСКИЕ

набросок

И порогами да перекатами
До истоков дойди, до начал,
И побалуй ладони ожогами,
Обдери себе душу порогами,
Залатай золотыми заплатами,
Чтобы чаще Господь замечал.

начальный вариант

В синем небе, колокольнями проколотом,
Медный колокол осерчал.
Купола в России кроют чистым золотом,
Чтобы легче Господь замечал.

Как засмотрится мне нынче, как задышится?
Перед самою грозой воздух вязок.

Что споётся мне сейчас да что услышится —
Вон слова идут на ум — все из сказок.

Я стою, как перед вечною загадкой,
Пред таинственною сказочной страною —
Перед кисло-горько-солоно и сладкой,
Золотою, медно-рыжею, ржаною.

Душу, сбитую камнями-перекатами,
Если стёрся лоскут, истончал,
Залатаю золотыми я заплатами,
Чтобы легче Господь замечал.

Было время приуныть да приоби<де>ться —
Повезли меня, а сам и рад стараться —
Как за тридесять земель, за триодиннадцать
Уму-разуму чужому набираться.

Вот лежат дороги жирно да ржаво,
Вязнут лошади по стремена.
Это что за такая держава?
Не Россия ли эта страна?
И какой бы непосильною работою
Люд честной в той стране ни отягчал, —
Все их души щедро крыты позолотою,
Чтобы легче Господь замечал.

беловой автограф

5	Птица Силин мне радостно скалится —
6 а.	Слышу посвистит зазывный из гнёзд.
б.	Зазывает лукаво из гнёзд.
в.	Зазывает из глиняных гнёзд.
8	Травит душу, вопит Алконост.
9—10	Словно сорок полных лун Впереди меня встаёт —
17	Для того, чтоб Господь замечал.
18—21	Я застыл, как перед вечною загадкою, Пред великою таинственной страною — Перед горько-кисло-солоно, но сладкою, Голубою, медно-рыжею, ржаною.

22—25 Птица Сирин мне радостно скалится —
Слышу посвистит зазывный из гнёзд.
А напротив — тоскует, печалится,
Травит душу птенец Алконост.

26—28 Словно семь заветных струн
Зазвучали в свой черёд —
Это вещий Гамаюн

30—32 а. Душу, сбитую да стёртую утратами,
Как порогами-перекатами, —

б. Душу, сбитую каменьями-утратами,
В странах, названных тридевятыми, —

в. Душу, сбитую каменьями щербатыми,
Горем стёртую да утратами, —

33 Так, что до крови лоскут истончал, —

34 Пусть блестит, чтоб Господь замечал...

РАЗБОЙНИЧЬЯ

набросок

Как во смутной волости,
да уезда лютого
Принялись за молодца
круто да забористо.

начальный текст

Как во смутной волости,
Во лихой губернии
Выпадали молодцу
Всё шипы да тернии.

И на лошадь он вскочил,
Да во синем Доне
Торопливо намочил
Жаркие ладони.

У костра сиди и грейся, —
Все грехи я замолю,
Сколь веревочка ни вейся —
А совьёшься ты в петлю.

Веселитесь, молодцы,
Пока хмель не кончится!

Как из лютой волости
Налетела конница!

Как гусей она секла
Тонкой хворостинкой!..
Жизнь меж пальчиков текла
Нежной паутинкой.

Льют кровинку, хоть залейся!
Хлещут, бьют, кого хотят!
Сколь веревочка ни вейся —
Всё равно укоротят!

Глянь во дворик внутренний:
Плотники не мешкают.
Не поспеть к заутренней —
Больно рано вешают.

Ты об этом не жалей,
Вымучит отсрочка!
На верёвочке твоей
Нет ни узелочка.
Ты усни да отогрейся —
Так, мол, смерти не просплю...
<Сколь верёвочка ни вейся —
А совьёшься ты в петлю!>

черновик

0 *СКОЛЬ ВЕРЕВОЧКА НЕ ВЕЙСЯ*
2 Во лихой губернии
9—12 Ты не вой, не плачь, а смейся —
Слёз-то нынче не простят.
Сколь верёвочка ни вейся —
Всё равно укоротят!
13—16 а. Ломкою былинкою
Гнули молодца дела,
Тонкой паутинкою
Жизнь меж пальчиков текла.
б. Кто былинкой тонкою
Ломится да молится,

По миру с котомкою —
Это ли для молодца?

в. Кто усердно молится,
Встав перед иконкою?
Жизнь рвалась у молодца
Паутинкой тонкою.

г. Вон былинкой тонкою
Кто-то гнётся — молится,
По миру с котомкою —
Разве жизнь для молодца?

д. Кто былинкой ломкою
Гнётся, словно ломится, —
По миру с котомкою.
Это не для молодца!

17—20 а. Встал дозором за кустом
На большой дороге —
Та дорога прямиком
Привела в остроги.

б. Знать, ему сам сатана
Голы пятки лижет!
А в остроге — мать честна! —
Не пожить, не выжить.

в. Без одёжи да без сна
Вечно он в дороге...
Но дорога — мать честна! —
Привела в остроги.

г. Шёл без продыха, без сна
По лихой дороге,
Та дорога — мать честна! —
Кончилась в остроге.

д. Без оглядки да без сна
По лихой дороге,
Шёл он пьяный без вина
Прямиком в остроги.

е. Он пошёл и жизнь пошла
По кривой дороге,
Та дорога привела
Прямиком в остроги.

ж. Ну а молодца влекло
По лихой дороге, —
Закрутило, привело
Прямиком в остроги.
21 Здесь на милость не надейся —
25—36 — отсутствуют.
41 Ты об этом не жалей, —

Первый вариант, относящийся к февралю 1976 года,
имел следующую последовательность: 7, 8, 9, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 10, 11, 12.

«В куски// Разлетелася корона...»

черновик

4 Где Россия, где законы? —
9 Только кровь кругом с позором
14—15 С кем идти, куда податься,
Кто за нас, кого бояться — не понять.
19 Где свои и где чужие,
30 После воронов покличем

ПОЖАРЫ

набросок 1973 года

Царила ночь без дней — чтобы темней, —
И за ночь поумнела пуля-дура,
Судьба и Время сели на коней,
И свет не знал подобного аллюра!

наброски

.....
.....
И сумерки с туманом сговорились
И прокололи лошадям глаза.

И ветер бил как розги, плети, прутья,
Надежней <и> больней хлестал, —
Он тьму порвал на чёрные лоскутья
И клочья разбросал и разметал.

Лохмотьями с ладоней лезла шкура,
Жгли руку рукояти, раскалясь,

Расковывались кони от аллюра,
В ушах звенел набат, и пуля-дура
Со скользких сёдел сталкивала нас.

И на крови помешанные пули
Носились, как шальные, взад-вперёд,
Стояла смерть, добычу карауля,
Из лучших выбирая — чей черёд?

Одних — кого сам Случай на поруки —
Разваливал клинок до сёдел от плеча,
Другим судьба протягивала руки,
Соломинкою длинной щекоча.

Пока у райских врат мы сдуру мялись, —
Набросили щеколду холуи,
И ветер злой со щёк мне сдул румянец
И обесцветил волосы мои.

Хоть плачь, коли дорога — есть ли, нет ли, —
Сырая мгла всё гуще и темней,
На всадников набрасывала петли
И уводила из-под них коней.

Огонь многоязыкий языками мелет вздор,
Шипит и испаряется, чадит гнилая прелость
.....
..... .

ПЕСНЯ САНЬКИ

черновик

1—2 а. У моря, у порта жила-была девчонка —
Где кораблей до чёрта из дальних разных стран,
1—2 а. У моря, у порта — народ любого сорта
И моряков до чёрта из дальних разных стран,
4 И все они едва ли одну девчонку знали,
9 Подруга Маринка, та, что живёт у рынка,
11 и песенки, и смех,
13—16 Всегда одна сидела,
А если бы запела, —

Имела бы успех
Пожалуй, не у всех.
18 а. Пижоны, повесы — ей все без интереса
б. Счастливчики, пижоны — до них ей далеко,
21 Их надо бить, заметьте,

ПЕСНЯ БРОДСКОГО

первый вариант

Люди веселы бывают и угрюмы!
Но если нужно выбирать и выбор труден —
То выбирают деревянные костюмы,
Люди, люди!

Хочешь, обними, когда останемся вдвоем!
Боже сохрани! Не пожалею ни о чём.

И будут веселы они или угрюмы,
И будут в роли злых шутов и добрых судей, —
Но нам предложат деревянные костюмы,
Людям люди.

второй вариант

Нас будут долго убеждать не прогадать:
«Ах, — скажут, — что вы, вы ещё не жили!
Вам, — скажут, — только-только начинать...»
Ну а потом предложат: или — или.

Или — пляжи, вернисажи, или даже
Пароходы, где наполненные трюмы,
Или виды, пирамиды и корриды,
Или просто — деревянные костюмы.

Да, так да! Нет, так нет!
Два часа на ответ.

Нам даже могут предложить и закурить:
«Да вы ведь, — вспомнят, — долго не курили.
Да вы ещё не начинали жить...»
Ну, а потом предложат: или — или.

третий вариант

1—4 Бываем веселы мы все или угрюмы,
Бываем в роли подсудимых или судей, —
<Но> все наденут деревянные костюмы
Люди.

7 Вам нужно только-только начинать...»

10 Пароходы, где наполненные трюмы,

13—16 А мы и веселы бываем, и угрюмы —
И выбор свой оттягивать не будем,
И нам наденут деревянные костюмы
Люди, люди.

25—28 И будут ласковы и вежливы настолько,
Что жизнь предложат долгую на блюде.
Но мы откажемся, а бьют они жестоко —
Люди ..

«Вагоны всякие...»

черновик

21—24 Рубашки модные —
В международные,
Ну, а пикейный,
Так те в купейные.

<ПЕСНЯ ИНВАЛИДА>

наброски

Ах! Как воля пьётся,
Если натощак.
Хорошо живется
Тому, кто весельчак.

Веселее пьется
На тугой карман.
Хорошо живется
Тому, кто атаман.

Как наши кони сытые
Бегут по Приднепровью,
Как наши сабли острые
Позор смывали кровью...

черновик

3	Я во [Тихом] во Дону
13—16 а.	[Слышь-ка ты, казаче! А?
	С Севера-то рать
	Землю и тем паче... А?
	Волю отбирать].
б.	[Милый мой казаче! А?
	Супротив нас рать идет.
	Землю и тем паче... А?
	Волю отбирать и скот].
22	Зря ревмя ревем.
26	Все под разным атаманом,
33—36	Знаю, легче пьется
	На тугой карман.
	Хорошо живется,
	Если атаман.
39	Зуй! Где речь геройска
43—46 а.	[Да не бойся, Вовка,
	Хоть ветра и пыль,
	Это ж не винтовка,
	Это же ж костыль!]
б.	[Вот она сноровка —
	Тьма, ветра и пыль.
	Да чего ты, Вовка,
	Это же ж костыль!]
45—46	Думали, винтовка,
	Нет, то — мой костыль.

<ОДЕССКИЕ КУПЛЕТЫ>

наброски

до 1	Мы можем речь вести за что угодно,
	Но не бери меня на «это вот».
до 5	Н<о> говорят, что нет в Одессе песен,
	И песен про Одессу не слыхать.
	Один из них тогда притих при этих,
	Другой из них тогда притих при тех.
	Коронные одесские куплеты
	Про бандаршу, маркёра и т.д.

Дак бандарша жи[вет теперь] в Женеве
И промышляет тем же ремеслом.

6 Зачеркнуто ли бывшее житьё?
14 Для понта взял высокий резкий тон:

ГИМН БУЗОВИКОВ

наброски

а. Всё будет, как не при царе — бой карцерам, конец сыскным
б. Всё будет, как не при царе — бой карцерам и бой сыскным

черновик

12 Всё теневое перекроем световым.
13—14 а. Не карцер построит строитель!
Нет! Хватит! Нам лучше теплицу, парник!
б. [А слежку,] а карцер хотите ль?
Для душ наших лучше — парник!

ПЕСНЯ О ВОЛГЕ

черновик

6—8 Встречу и пороги я
И гляжу на право я —
Берега отлогие.
13 Волга стоны слышала хлеще, чем «Дубинушка»,
18 Лили слёзы многие
21—24 На одно нанизаны
Раны те со стонами,
Раны те зализаны
Языками-волнами.

беловой автограф

8 Берега отлогие.
34 А на вёрсты многие
36 Берега отлогие.
После 36:
Выше, выше тянутся
Берега отлогие.

ПОСАДКА

черновик

4 «Ну конечно! Пожалуйста, плиз!

вариант рефрена:

«Шли бы пешком вы — куда интересней,
Сколько желающих — только держись!
Нету билетов — хоть лопни, хоть тресни!
Что у вас?» — «Новые танцы и песни,
Только всё новое в новую жизнь
Мы повезём по течению вниз!
13 «Вы писатель? Пожалуйста, плиз!
28—31 «Мест не хватит для вашей прослойки,
Зря вы, граждане, здесь собрались».
«Для крестьянства остались две койки?»
«Здесь крестьянство? Пожалуйста, плиз!
37—40 Это смертельно почти — кроме шуток! —
Песни и танцы в пути задержать!
Можно прожить без еды сорок суток,
Семь — без воды, а без музыки — пять!

беловой автограф
вариант рефрена:

Это же смерти подобно — без шуток! —
Песни и танцы в пути задержать!
Можно прожить без еды сорок суток,
Семь — без воды, а без музыки — пять!
5 Эй! Не туристы и не иностранцы,
11 Словно зельем дурным опились!»
20 Навалились на этот круиз».
28 «Мест не хватит для каждой прослойки,

КУПЛЕТЫ ГУСЕВА

черновик

Я на виду — и действием и взглядом,
Я выдаю присутствие своё.
Спокойно спите, люди: Гусев — рядом,
Нат Пинкертон и Шерлок Холмс — старьё!

Работу строю по системе чёткой,
Я не скрываюсь, не слежу тайком,
Эффект простой: преступник — за решёткой,
А пострадавший — снова с кошельком!

Мой метод прост — сажусь на хвост и не слезаю.
Преступник — это на здоровом теле прыщик,
И я мерзавцу о себе напоминаю
Ежесекундно: на то я — сыщик.

Свою систему на доверьи строю:
Я в тень не прячусь, ваш покой храня,
Имею дело с тёмной стороною,
А в светлой — обойдутся без меня.

Вот я иду уверенной походкой.
Пусть знает враг — я в план его проник.
Эффект один: преступник — за решёткой,
Он будет крепко взят за воротник.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ХОПКИНСОНА

черновик

2 До утра терпи!
8 Будто ты уснул.
9 Мир внизу, и ты над ним
11 Вот проплыл древний Рим
14 Ангелы поют.

ДУЭТ РАЗЛУЧЁННЫХ

черновик

1 а. Дорога нам делит степь напополам,
б. Дорога, дорога — степь напополам,
10 Поперёк судьбы проложен след.
13—16 .....
Я нашёл бы их, будь я рядом,
Я б отчаянно сказал эти нужные слова:
«Ты права, ты права, ты права!»
15 Где вы, нужные слова, кто же первый вас найдёт?
17—20 Река как спасенье послана двоим,
Стоит просто руку протянуть...
Только мы с тобой на разных палубах стоим,
Подскажите же нам кто-нибудь!
21—22 Волжский ветер — хмельной он, вязкий, —
Дует в души одной подсказкой:

ЧЕ-ЧЁТ-КА

черновик

5 И нервы тревожит чёт-нечет, чёт-нечет.
25 Нас всех захватила шальная чечётка.
39—41 Утешься: тот час в ритме правильном прожит.
Теперь, человече, расправятся плечи,
Вам сон обеспечит чёт-нечет, чёт-нечет.
44—45 Давайте музыку — мы проголосуем,
И немощи в пику чечётку станцуем.

РОМАНС МИССИС РЕБУС

первый вариант

ЧАЙКА

Реет
над утомлённой волной грустнокрылая стайка,
В сердце
внезапно вспыхнул неясный, обманчивый свет.
Знаю,
заколдовали меня, я давно уже чайка,
Я парила над морем и все любовались на мой силуэт.

Но слабеет, слабеет крыло,
Я снижалась всё ниже и ниже,
Я уже отраженья не вижу —
Море тайною заволокло.

Силы
оставят тело моё,
и в соленую пыль я
Брошу
свой обессиленный и исстаравшийся труп...
Крылья
уже над самой водой, мои белые крылья!
А этот ветреный ветер играет со мной, беспощаден и груб.

Неужели никто не придёт,
Чтобы рядом лететь с белой птицей?
Неужели никто не решится?
Неужели никто не спасёт?

Ветер,
скрипач безумный, прощальную песню сыграй нам!
Скоро
погаснет солнце и спутник мой станет незрим,
Чайка
влетит в пучину навек к неразгаданным тайнам.
И тогда наконец-то сольётся с силуэтом своим.

Бьётся сердце под левым плечем,
Я спускаюсь всё ниже и ниже,
Но уже и спасителя вижу —
Это ангел с заветным ключом.

Рядом
летит невидимо он, незаметно, но — рядом,
Вместе
в каком-то дальнем гнездовье отыщем жильё.
Больше
к холодной мутной воде мне снижаться не надо:
Мы вдвоём, нет причины в пучине искать отраженье своё.

ДУЭТ ШУРЫ И ЛИВЕРОВСКОГО

наброски

А мне нужно было что-нибудь попроще,
.....
Но из таких, как я, выходят тёщи
отменные.
.....

Я обыкновенная подписчица
На журналы мод и на любовные романы.
Поискать, так где-нибудь отыщется
Острый ум.....

.....

Пускай к стыду — мало ли? —
Я долго думала, и
Пришла к единственному верному решению.
А если всё решено,

Куда прибьёт — всё равно!
И я плыву — занятно плыть вниз по теченью.

.....

И не стыжусь, а горжусь,
Что в жёны я не гожусь —
Пусть рвутся в жёны те, кто много проще.
Печален путь этих жён,
Всегда в одно устремлён:
Сначала — в матери, а после — в злые тёщи.

.....

Взгляните на меня, мои ровесницы,
Едва ль найдёте под глазами тень!
На жизненной высокой шаткой лестнице
Я занимаю прочную ступень.

.....

«Я понимаю тебя, я обожаю тебя!
Твои достоинства увидеть можно только любя,
Возьми себе моё трепещущее сердце
И экзотическое имя — де ла Перца!

Я вас, синьора, зову
В волшебный сон наяву
Я умоляю вас, воспользуйтесь моментом!
А там — услада мечтам!»
«А кем вы служите там?»
«Я там работаю нормальным президентом».

черновик

«Явилась Афродита
Или что-то в этом роде...
И жизнь моя разбита
Прямо здесь, на пароходе.
Склоню от восхищения
Пред женщиной такою
Дрожащие колени я
С дрожащей головою».

«Кажись, влюбился синьор,
Но только слишком он скор...
Ну что гремите, как ведро на коромысле!
Зачем мне рай наяву?
И без него проживу —
Без задней мысли говорю, без всякой мысли».

«Ну что вы говорите?
Я почти не понимаю!»
«Идите к Афродите!»
«Кстати, я такой не знаю!
Вы милый, но пройдоха,
А меня — принарядите
И будет очень плохо
Этой вашей Афродите!»

«Я вас, синьора, зову
В волшебный сон наяву
Я предлагаю вам и голову, и сердце.
Пойдём навстречу мечтам!»
«А кем вы служите там?»
«Я — вице-консул Мигуэлло де ла Перца».

«Я не бегу от факта,
Только вот какое дело:
Я с консулами как-то
Раньше дела не имела.
На что мне там надеяться? —
Я брошу всё на свете,
А там — жена имеется
У консула и дети!...»

КОНЧЕНЫЙ ЧЕЛОВЕК

авторские исполнения (по фонограммам 03.1972 и 31.06.1972)

ПЕСНЯ КОНЧЕНОГО ЧЕЛОВЕКА

Истома ящерицей ползает в костях,
И сердце с трезвой головой не на ножах.
И не захватывает дух на скоростях,
Не холодеет кровь на виражах.

И не прихватывает горло от любви,
И нервы больше не вытяжку, хочешь — рви.
Провисли нервы, как веревки от белья,
И не волнует, кто кого — он или я.

Я на коне: толкани — я с коня.
Только «не», только «ни» у меня.

Не пью воды, чтоб стыли зубы, питьевой,
И ни событий, ни людей не тороплю.
Мой лук валяется со сгнившей тетивой,
Все стрелы сломаны — я ими печь топлю.

Не напрягаюсь, не стремлюсь, а как-то так...
Не вдохновляет даже самый факт атак.
Сорвиголов не принимаю и корю,
Про тех, кто в омут с головой, — не говорю.

На коне: толкани — я с коня.
Только «не», только «ни» у меня.

И не хочу ни выяснять, ни изменять,
И ни вязать, и ни развязывать узлы.
Углы тупые можно и не огибать,
Ведь после острых — это не углы.

Свободный ли, тугой ли пояс — мне-то что?
Я пули в лоб не удостоюсь — не за что!
Я незапятнан, как раскрытое окно
И неприметен, как льняное полотно.

На коне: толкани — я с коня.
Только «не», только «ни» у меня.

Не ноют раны, да и шрамы не болят —
На них наложены стерильные бинты.
И не волнуют, не свербят, не теребят
Ни мысли, ни вопросы, ни мечты.

Любая нежность душу не разбередит,
И не внушит никто, и не разубедит.

А так как чужды всякой всячины мозги,
То ни предчувствия не жмут, ни сапоги.

На коне — толкани — я с коня.
Только «не», только «ни» у меня.

Ни философский камень больше не ищу,
Ни корень жизни, — ведь уже нашли женьшень.
Не вдохновляюсь, не стремлюсь, не трепещу
И не надеюсь поразить мишень.

Устал бороться с притяжением земли,
Лежу — так больше расстояньe до петли.
И сердце дёргается, словно не во мне...
Пора туда, где только «ни» и только «не».

На коне: толкани — и с коня.
Только «не», только «ни» у меня.

варианты начального текста

11 а. Не пью воды, за исключеньем питьевой,
б. Не понимаю тех, кто в омут головой,
в. Не стынут зубы от холодной питьевой,
г. Не стынут зубы от воды не питьевой,
13 а. Мой лук валяется с ослабшей тетивой,
б. Я лук забросил с перетёртой тетивой,
14 И даже в шторм канатов не рублю.
15 Не наступаю и не рвусь, а как-то так...
17 Сорвиголов не принимаю, не корю,
18 Привычек не перенимаю, не курю.
21 Я не хочу ни выяснять, ни изменять,
25—26 а. Уже на свет не реагируют глаза,
Рефлексов нет, нет слов — ни «против» и ни «за»,
б. Неважно, скульптор в рост по пояс слепит ли, —
Ни пули в грудь не удостоюсь, ни петли!
в. Не знаю, скульптор в рост ли, в профиль слепит ли, —
Ни пули в лоб не удостоюсь, ни петли!
27—28 а. Не тянет выпрыгнуть с балкона, лечь на дно
И вид из окон нанести на полотно.
б. Я весь прозрачный, как раскрытое окно
И неприметный, как льняное полотно.

28 а. И непомерный, как льняное полотно.
б. И непорочный, как льняное полотно.
33 а. И не зудят, не теребят и не свербят
б. Не бесят больше, не свербят, не теребят
39 Толка нет. Толкани — и с коня.
43 а. Не посягаю, не стремлюсь, не трепещу
б. Не напрягаюсь, не стремлюсь, не трепещу
44 И не пытаюсь поразить мишень.
45 И повинуясь притяжению земли, —
47 Не шевелюсь, уж сердце бьётся не вполне...

«Оплавляются свечи...»

набросок

И грязный ливень просто стал водою
Из-за глухого неприятья крыш,
Стихия обернулась ерундою
И буря стала сыростию лишь.

начальный текст

Оплавляются свечи
На вощёный паркет.
Дождь стекает на плечи
Серебром с эполет,
Разной кровью пропитан —
Эту кровь унося, —
Как гигантское сито
Всё просеет и вся,

Аксельбанты и ленты
Полиняли в тряпьё,
Утекло с позументов
Золотое шитьё, —
Просевала Россия
Сквозь себя в решето,
И слепая стихия
Превратилась в ничто.

Словно мамонта бивни
Взрыли землю бедой
И могучие ливни
Оказались водой.

И вода, бедолага,
Пробежав желобком,
Превращалась во влагу
Или сырость потом,

Ничего не теряла
В этой мутной реке,
Говорить продолжала
На своем языке:
Что лишь часть не прольётся —
В лёд замёрзнет с тоски,
Ну а лед разобьётся
О тупые быки.

И полям на потребу
Будет солнце топить —
Пар поднимется к небу,
Чтобы силы копить,
Чтобы в тучи собраться,
Чтобы землю накрыть,
Чтобы враз расквитаться,
Отомстить и пробить,

Чтобы сквозь просочиться
Плоскостям вопреки,
Льдом как льдом устремиться
На тупые быки,
В вёдра на коромысле,
В наши глотки потом...
Смысл ее — в этом смысле,
Только в этом — не в том.

Если ломке не сбыться —
Торжествую не я:
И опять возвратится
Всё на круги своя...
Но я верю рассказам:
По спирали — не вбок! —
Поднимается разум
Каждый раз на виток.

ПАЛАЧ

набросок 1975 года

На одной из вершин «треугольной земли»,
А точнее сказать, на пригорке,—
Где три гордые пальмы когда-то росли,—
Частоколом кусочек земли обнесли.
Люди с делом пришли и с собой принесли
Все для казни, для пытки, <<для>> порки...
...
Я в отчаяньи выл, грыз запястья в тщете,
И рычал, что есть сил,— только зубы не те,
Я почти раздавил свой неострый кадык,
Когда в келью вошел этот милый старик.
...

Я под взглядом согрелся — <<ах,>> чудный старик!
Он ко мне присмотрелся, и я пообвык.
...

Что я к казни люблю, а чего не люблю,
И какую я предпочитаю петлю.
...

Я кричу: я совсем не желаю петлю!
«Это, батенька, плохо, пора привыкать!»
...

Я про этот обычай — ни духом, ни сном!
Если уж необычный обычай такой,—
Чтоб не стать мне собачьей добычей гнилой,—
Непригодное тело подцепят крюком...
А палач говорит: «Похороним тайком».

фрагмент ранней редакции текста

Он сказал: «Полежи.
Я в углу посижу.
Ты чуть-чуть потужи,
Я чуть-чуть погляжу.»

Как до мяса я брит?
Каждый нерв начеку!
А палач говорит:
«Как же так, а чайку?»

Хоть боль единая меня в тот миг томила, —
Что завтра — пытка, завтра — казнь, и кончен бег, —
Но он залез в меня, сей странный человек, —
И не навязчиво, и как-то даже мило.

Мы пили чай, лоснились мы, как на открытке,
Друг другу льём — беседа льётся — благодать!
«А как ведёте вы себя во время пытки?»
«Простите, прежде не пришлось пронаблюдать».

«Ты уж букой не будь,
Ты же не тугодум!»
Я напрягся чуть-чуть
И сказал наобум:

«Я щекотки боюсь
И ногами сучу...»
А палач мой: «Не трусь,
Я те ноги скручу».

варианты основного текста

5 Да не рискуйте же при вашей худобе,

19—20 а. Но только, знаете,— весь ваш палачий род
Я, как вы можете представить, презираю.

6. Но только, знаете,— весь ваш палачий род
Я, как вы можете понять,— не уважаю.

39—40 Спросил он: «Как ведете вы себя на казни?»
И я ответил: «Вероятно, так себе».

45—46 Кстати, надо б сперва,
Чтоб у плахи мели,

55—56 Он быстро шею мне потрогал осторожно
И одобрительно почмокал языком.

81 Печально вспомнил про затупленный топор,

ПОПЫТКА САМОУБИЙСТВА

черновик

0	*[НЕСОСТОЯВ<ШАЯСЯ>] ПОПЫТКА САМОУБИЙСТВА*
2—4	На голенище — светлый след от стека...
	И вот легли на спусковой крючок
	Бескровные фаланги человека.
7 а.	[И так недолог жест от кобуры]
б.	О! Как недолог жест от кобуры
8	До очень кстати бритого виска!
10	С назначенной мишени волосок.
15	Вблизи ещё не пущеная кровь

«Упрямо я стремлюсь ко дну...»

черновик

1—2	Стремительно иду ко дну.
	Дышать труднее, давит уши.
4 а.	Иль было плохо мне на суше?
б.	Что, было плохо мне на суше?
5	Там, наверху — и стол, и дом...
6 а.	Там я потел и надрывался.
б.	Там я корпел и надрывался.
9—10 а.	Земные страсти под луной
	В обыденной линяют жиже,
б.	Бушуют страсти под луной
	И гибнут, растворяясь в жиже,
в.	Стихают страсти под луной,
	Меняют цвет, линяют в жиже,
г.	Стихают страсти под луной,
	Но в будничной линяют жиже,
д.	Бушуют страсти под луной,
	Линяют, жухнут в красной жиже,
11 а.	А я спускаюсь в мир иной —
б.	Спускаюсь я. И мир иной —
в.	Я погружаюсь в мир иной —
12	И тем отчаянней, чем ниже.
14	Среда бурлит — плевать на среду!
15—16	Я продвигаюсь, хоть с трудом,
	Но, верно, в пику Архимеду.
15	Я продвигаюсь, и при том —
24	Но многоцветна и разумна.

25—26 а. Но где чудовища и мгла? —
Нас ими матери стращают.

б. Я жду, когда наступит мгла —
Нас ею матери стращают.

29—30 Всё гениальное извне,
Непонятое — всплеск и шалость —

31 а. Спаслось на страшной глубине!

б. Всё затаилось в глубине!

между 31 и 32:

И затаилось в тишине

33 а. Даст Бог, я всё же дотяну,

б. И я намеренно тону,

в. Я опускаюсь — не тону! —

г. Я сам хочу. Я не тону, —

36 а. Хотя мне трудно погружаться.

б. Чтоб этой мудрости набраться.

38 а. Давленье мне хребет сломает, —

б. Мне глубина хребет сломает, —

37—40 Целенаправлен, устремлён...
Но глубина хребет сломает, —
Меня выталкивает вон,
Она меня не принимает.

42 а. За этот жест не обессудьте, —

б. И камень взял — не обессудьте! —

49—52 а. Сомкните стройные ряды,
Покрепче закупорьте уши,
Ушёл один — в том нет беды,
Но я приду по ваши души.

б. Сомкните стройные ряды,
Покрепче закупорьте уши,
«Зачем вы вышли из воды?!» —
Спрошу, как можно строже, глуше.

в. Страшнее Синей бороды,
Счастливчик, убежавший с суши, —
«Зачем вы вышли из воды?!» —
Спрошу, как можно строже, глуше.

неиспользованные строки:

Средь лет земных, наземных зим
Свет лунный льётся и пленяет.

Я думал — он неотразим,
И что прекрасней не бывает.

И льётся столько зим и лет
На наши беды человечьи
И свет луны, и солнца свет,
И электричество, и свечи...

а. Цвета, которых на земле
Воспеть не смел, не мог придумать...
б. Цвета, которых на земле
Воспеть и выдумать не мог я...
в. Цвета, которые не смел
Не то, чтобы воспеть, — придумать...

«Мы — просто куклы, но... смотрите, нас одели...»

наброски

Если сказано «А» — честь по чести,
И всерьёз, значит, дело за «Б».
Так позвольте, пока мы все вместе,
Кое-что рассказать о себе.

Подбегут на всех парах
Люди к манекену, —
В настоящий пух и прах
Кукол разоденут.

Мы лежим на тачке
В неприглядном виде,
Словно в зимней спячке,
Но из спячки выйдем.

Встанем мы пред очи масс
Средь витринных платьев, —
Заглядитесь вы на нас,
Ваших же собратьев.

Добрый вечер, гражданин,
.....
А мы — куклы для витрин,
Так сказать, — модели.

На себя надену фрак
И навешу цену,
А тебя я в пух и прах,
В лоск и вдрызг одену.

Просто не спускаем глаз
..... дребедени,
Мы для вас, а вы для нас —
Точные модели.

Эх, красотка — погляди,
..... сирена,
Лучше замуж выходи
Да за манекена.

.....
.....
Но у нас, к примеру, нет
На руках мозолей.

Так что можно приласкать
И не поцарапать.
Мы не станем обувать
Валенок и лапоть.

Мы — не ангелы небесные,
Те — духовно-бестелесные,
А мы — хоть тоже безгреховные,
Но мы — телесно бездуховные.

Мы манекены, мы — жители утопии,
Аборигены витрин и модных залов,
Бывают среди нас плохие копии,
Но копии с живых оригиналов.

Мы — население витрин, салонов, залов,
Мы — слепки, подражания, повторы,
Плохие копии с живых оригиналов,
Но есть и среди нас тореадоры.

черновик

6 Хоть клади, хоть посади,
8 Человеки — позади!
9—12 Подбегут на всех парах
Люди к манекену, —
В настоящий пух и прах
И навесят цену.
15—16 Оно — так принято! — мы на людей похожи,
Но это тоже недостаток, между нами.
21—24 Нам хоть Омск, хоть Ленинград,
Хоть пустыня Гоби, —
Мы не требуем зарплат,
Суточных, пособий.
25 И толпы, толпы суетятся и толкутся,
28 И мы смеёмся всеми нашими зубами.
29—36 Ну, решайтесь, тугодумы!
Не одежда — высший класс! —
Впрочем, эти же костюмы
Будут тряпками на вас.

Для начальства, говорят,
Мы ценнее платьев,
И любимее, чем штат
Из живых собратьев.
37 Мы не гудим и никогда не позволяем:
42—44 Вот пожар недавно был.
В «01» из манекенов
Ни один не позвонил.
49—52 Мы не вступаем ни в дискуссии, ни в споры,
И мы не ведаем ни спадов, ни накалов.
Мы, манекены, — подражания, повторы,
Мы — только копии с живых оригиналов.

беловой автограф

32 Голых кукол-голышей.
49—52 а. Мы не вступаем ни в дискуссии, ни в споры,
И мы не ведаем ни спадов, ни накалов.
Мы, манекены, — подражания, повторы,
Мы — только копии с живых оригиналов.
б. Средь нас не встретите любителей наживы,
И мы не ведаем ни спадов, ни накалов.

Но допускают исключения и срывы
Плохие копии с плохих оригиналов.

ПЕСНЯ ПОНЕДЕЛЬНИКА

первая редакция

Осталась сзади середина века,
А время тает, как весенний снег.
Увы! Не место красит человека,
А место украшает человек.
Ну, как усидеть в кресле таком, если
И сам не решил: я на своём кресле?

Бывают кресла с ручками добротны!
Как вцепишься — и крюком не свернуть,
А эти люди требуют работы:
Мол, что вам стоит пальцем шевельнуть?

И наплевать — шум ли кругом, треск ли!
Мне б усидеть лишь на таком кресле!

«Посмотришь: сразу скажешь: «это кит...»

черновик

7 Челюсть — не содержится ль в ней тупость?
11 Во взглядах зверя разбираться лень —
12 Кит загарпунен и дельфин порезан,
13 Не верь, когда на первый взгляд — тюлень,
14 Взгляни в глаза — быть может, и касатка!
37 Вот большой квадратный подбородок...»

«Всё с себя снимаю — слишком душно...»

черновик

22 а. Только невозможно одеваться —
б. Невозможно часто переодеваться —

ПЕСЕНКА О СЛУХАХ

черновик

2 — 5 Душу сплетен разъедает, словно моль!
Ходит слух,что скоро всё подорожает
на два двадцать, —
А особенно — штаны и алкоголь.

6 Словно мухи, тут и там бродят слухи по дворам,
25 гады, ядом,
22—26 [«Ой, что деется! Слыхали — откопали
Под паркетом две отрубленных руки,
А ещё — но это под большим секретом, —
Хлеб-то делают совсем не из муки!»]

между 28 и 29:

«Говорят, слыхали — всё кругом меняют,
Отменили даже воинский парад».
Говорят, что скоро всё поотменяют,
в бога душу!
Или всех к чертям собачьим запретят!»
32—33 совершенно,
Ходит слух, как будто сплетни упразднят.
37 Слух дурной всегда правдив в устах кликуш!

«Давайте я спою вам в подражанье рок-н-роллу...»

черновик

3 а. Пластиночкой на ребрах в оформленьи невеселом
5—7 а. Сидят сердца и легкие в грудной и тесной клетке,
Рентгеновские снимки — смерть на черно-белом фоне.
Разбалтывают пленочки о трудной пятилетке.

«Я прожил целый день в миру...»

черновик

6 Мол, блажь, бравада.
24 Вполне серьёзно,
25—27 Где льёт из вены, как река,
А не водица.
Тем, у которых кровь жидка, —
35 Не выдержал — спрошу ещё:
60 Все стали доки!
61 Ну, я согласен: пробренчим
65 Ну, почему же все того...
69—72 а. Сарданапал Наполеон —
И тих, и скромен, —
Еще бы, там таких, как он...
Кого схороним?
б. И мяса вдоволь — пруд пруди —
Любой скоромен, —

Хоть ешь от ног, хоть от груди...
Кого схороним?
81 А, я в двадцатый век... Эва!

ТОТ, КОТОРЫЙ НЕ СТРЕЛЯЛ

первое авторское исполнение

5—8 За что стезя такая? —
Отвечу на вопрос —
За то что языка я
добыл да не донес.

13—24 отсутствуют.

25—27 Рука взметнулась книзу,
и я услышал — «Пли!»,
И залп мне выдал визу
33—35 Врач до утра все цокал языком
И терпеливо пули удалял,
А я в наркозе водку пил тайком
45—48 Поддерживал я эту кутерьму
И только раз серьёзом в шутку встрял:
«Меня недострелили потому,
Что был один — который не стрелял!»
56 Так я, ей-богу, рад.
57—60 Мне рассказали. Я присел у пня,
Я выл белугой и судьбину клял:
Тот автоматчик дострелил меня,
А не того — который не стрелял.

авторское исполнение февраля 1973 года

37—40 Я раны, как собака,
лизал почти что год.
В госпиталях, однако,
вошёл в большой почёт.

другие авторские исполнения

17 И странный тип Суэтин,
57 Я очень рад был, да, присев у пня,

БАЛЛАДА О ДЕТСТВЕ

черновик

5 Я родился не в муках, не в злобе, —

14 Почти уже былинные,
19 а. Но есть и наша братия —
б. С трудом рождалась братия —
в. И всё ж прорвалась братия —
25 Знать бы мне, кто в утробе мурыжил, —
28 Старый дом на Мещанской — в конце.
37 Там на зуб зуб не попадал,
39 Война была и я узнал,

45—60 Зажигалки с небес — не от Бога.
Их тушил полотёр Евдоким.
И как малая фронту подмога —
На чердак шёл настройщик Ефим.

И било солнце в три луча,
Сквозь дыры крыш просеяно,
На Евдоким Кирилыча
И Гисю Моисеевну.

У Евдокима — две снохи
И обе новобрачные,
У этих снох глаза сухи,
Но выраженья мрачные.

«Что Евдоким, как сыновья?»
«Пока что уцелевшие!
Ефимка, мы одна семья,
Вы — тоже обрусевшие!»

53—56 Ефим ему: «Как сыновья?»
«Да — без вести пропавшие.
Да мы, Ефим, одна семья,
Вы — тоже пострадавшие!»
59 Тут — без вести пропавшие,
63—64 Не дразнили меня: «Недоносок!» —
Я был, в общем, нормально доношен.
65 Маскировку пытался снимать я:
70 С какими-то там змеями —
75—76 Ах ты, страна Лимония,
Лихая Чемодания!

81—82	Осмотрелись отцы, оклемались.
	Похмелились — и враз отрезвели.
89	Провиденье папашино
101—104	И бывало, такое бывало!
	Толковище, базар, разговоры...
	Из подвала и полуподвала
	Ребятишки рвались на просторы!
104	Ребятишки хотели под танки!
109	Воткнутся в чьи-то лёгкие,
111	А рукоятки — лёгкие,
122	Ничего не стесняясь, не труся,
125	Там, у тёти за дверью говели,
130	Надорвалась от этого
134	Кто глянет в дверь — расстроится.
137	Весь дом разбил, а нам сказал:
139	А я, за что, мол, воевал?!»
141—142	Надо было — и были подвалы,
	Было надо — дожди выпадали,
146	До высоких широт поднялись,
148	Было вниз им сподручней, чем ввысь.

ИЗ ДЕТСТВА

черновик

1—2	Ах! Чёрная икорочка
	И едкая махорочка.
4	И кабаки до трёх?
5	А чёрненькая Норочка —
9	Компания одесская —
23—24	А, в общем, поножовщина
	И годы без отцов.
25	У всех клифты казённые.
31	Кое с кем, пожалуй, справятся.
41	У Шурика Баранова
43	И жить задумал заново,
44	А был он твёрд и смел.
45—46	Но хоть и в этом возрасте
	Бывают позанозистей.
55	Молчи! Вдруг что обломится,

ЛЕТЕЛА ЖИЗНЬ

черновик

1—2 Я сам с детдома, я вообще — подкидыш,
Я родом из каких угодно мест.
5 Живу везде — в Перми и в Барнауле,
11 А жизнь неслась в плохом автомобиле
13—16 Учился я любить гостей и близких,
Других же — хоть разбей параличом!
Мы в праздники сидели на ирисках,
А в будни мы сидели ни на чём.
17 По ветру я, как сбитый куст, волокся,
19 Испытывал нередко чувство локтя,
21—22 а. Был счастлив я и тем, что не убили,
Делил с иными на троих судьбу.
б. Будь счастлив, говорят, что не убили!
Делил с друзьями на троих судьбу.
25 Нас закалили в климате морозном,
25—28 а. Я встретил юность в климате морозном,
На юге жарко — так несносно там,
Что и чечены, жившие при Грозном,
Намылились в Сибирь и Казахстан.
б. Мы закалялись в климате морозном,
На юге жарко и несносно там,
Мои чечены, жившие при Грозном,
Намылились без дела в Казахстан.
29 Сибирь, Сибирь — лафа для брадобреев, —
31 а. И место есть для немцев и евреев
б. Полно земли для немцев и евреев
33—34 а. В Анадыре что надо мы долбили
И мерзлоту таскали на горбу.
б. Что мерзлоты вы в Коми надолбили, —
Дробили вы и камни на зубу...
37—64 Я исписал почти что полтетради...
Жизнь — тонкая тетрадь, в ней мало дней.
Видал чечнов я в Целинограде —
Они, как прежде, не едят свиней.

Костёр, зажжённый от последней спички,
Я кровью заливал своей и мне хотелось выть, —
И кровь шла как из бочки без затычки,
Я не умел её остановить...

Аукнулось — откликнулось: в Сибири
Я с ними резал пополам судьбу,
Мы ехали в плохом автомобиле
И вылетали с выхлопом в трубу.

Я щас с Ростова, друг — колымит в Туле,
И я к нему потрёкать по душам,
А может быть, пока не завернули, —
Заехать мне к чечено-ингушам?

А вот гора, с которой осыпало
Камнями нас... Стою как ротозей.
Отсюда разбрелись, куда попало
Учившие меня любить друзей.

Одним досталась рана ножевая,
Другие ждут. В аул вернулась треть.
Сибирь, Сибирь — держава бичевая,
Где можно жить и есть где помереть.

На всех, как говорится, воля Божья!
Однажды слышу: «Ахтунг! Караул!» —
Дрались чечены с немцами Поволжья
И вот во мне аукнулся аул.
70 а. Давно лежат, съебурившись, в гробу.
б. Давно лежат, истлевшие в гробу.

«В младенчестве нас матери пугали...»

черновик
1—3 а. В младенчестве Сибирью нас пугали, —
Стращали бабки старые, грозили нам клюкой.
Бранили нас нещадно, и едва ли
б. В младенчестве [нас матери] пугали,
Де, плачет, мол, Сибирь по вас, — грозили нам рукой.
[Они добра хотели] и едва ли
13 Здесь тёплые слова не выживают —
25 а. Но чую звон души моей помина,
б. Но долог звон души моей помина,

ПОБЕГ «НА РЫВОК»

наброски 1975 года

А в лицо я ему
Заглянуть позабыл,
И про срок не узнал,
Как зовут не спросил.

Кто в бегах со мной был,
С кем судьбу я пытал?
Про статью не спросил,
Как зовут, не узнал.

наброски

Слушай сказку, сынок,
Вместо всех новостей,
Про тревожный звонок,
Про нежданных гостей.

Про побег на рывок,
Про тиски западни
Слушай сказку, сынок,
Да смотри, не усни.

И про то, что не стоит
Теперь ворошить,
Но, бывает, заноет
И станет душить.

Там всё шрамы-старьё.
Что старьё бередить?
Ты уснешь под неё —
Я не стану будить.

.....
.....
И что, вроде, не надо
На них сыпать соль.

Познакомься же с батей
Прямиком, без затей, —
Был мужик видных статей,
Да героем «статей».

беловой автограф

8 По колена в снегу.

12 а. Четыре запоздалые ствола.

б. Тремя перстами в спину — три ствола.

18 Ныли в стволах!

20 Как на колах.

21—24 Минуты две — до берега, до цели,
Но свыше, с вышки все предрешено.
Там у стрелка мы дрыгались в прицеле,
Он даже медлил — до того смешно.

25 Я не смог посмотреть,

30 а. Чуть очухавшись, я

б. Припозднился, свинья,

33—36 Его крестом перечеркнули пули —
В затылок, в поясницу, в два плеча.
Я когти рвал и думал: «Добегу ли?» —
Я даже не заметил сгоряча.

40 И мозги разбросал.

45—46 Не за грудки держался я, — за камни.
Бежать когда собаки — не моги!

46 Когда собаки рядом — не беги!

53 Пнули труп: «Эх, скотина!..

58—59 И через вахту, отряхнувши снег:
Они за мною, в зону — за наградой,

61—64 а. [Взвод] вспотел раза три,
Пока я куковал, —
Он на мне до зари
По мне дробь выбивал.

б. Целый взвод до зари
С мене дурь выбивал,
Он вспотел раза три,
Пока я куковал.

в. А я сначала грубил,
А потом перестал.
Долго взвод меня бил
И три раза устал.

67 а. Тут и там бьют кнутом.

б. Оба света — с кнутом.

70 а. Видал я: пятки лижут гордецы!

б. На дураков здесь тянут гордецы.

вариант финала

69—75 А в промежутках — тишина и снеги,
Да зайцы, да медведики, да лось...
И снова вижу я себя в побеге,
Да только вижу, будто удалось:

По воде вдоль реки —
Шел, пока не ослаб, —
Чтобы им не с руки,
77 Нет, всё тот же конец —
79 Снес прикладом ловец
до 81 — строки 69—72
83 О том, что надо, надо сыпать соль на раны,

РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ

набросок 1975 года

Я, когда упаду, —
завалюсь покрасивее на бок, —
Как бы так угадать,
чтоб убили, ну чтобы не сам! —
В дивном райском саду
натрясу бледнорозовых яблок,
И начну их бросать
по пушистым седым небесам.

беловой автограф

2 потому что мы все умираем.
4 если в спину заколят ножом, —
19 Неродивший пустырь
24 тыщ на пять — на коленках сидел.
25—26 а. Я коняшек своих
успокоил неласковым словом,
б. Глядь, и клячи на крик —
я задобрил их даром овсовым,
в. Как ржанет коренник, —
я ругнул его ласковым словом,
28 еле выдрал и гривы заплел.
40 а. а в кругу этом кто-то висел.
б. а над кругом Распятый висел.

43—44 [Фимиам из ворот] —
так надежней, чем руки вязать.
47 А язык к нёбу льнёт
52 а. пропорхали на крыльях бичи.
б. просквозили на крыльях бичи.
54 рельса плачет малиновым звоном!
58 не стрелялся, не дрался на саблях, —
60 а к стене, как в хоромах холоп.
66 а. ангел окает с вышки отвратно!
б. ангел выстрелил в лоб аккуратно.
67 Не браните меня, —

осень 1979 года —
последнее зафиксированное авторское исполнение второй редакции:

Я когда-то умру — мы когда-то всегда умираем.
Как бы так угадать, чтоб не сам — чтобы в спину ножом, —
Убиенных щадят, отпевают и балуют раем.
Не скажу про живых, а покойников мы бережем.

5 В грязь ударю лицом, завалюсь покрасивее на бок, —
И ударит душа на ворованных клячах в галоп.
В дивных райских садах наберу бледно-розовых яблок.
Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб.

Как ржанет коренной! Я смирил его даром овсовым

10 Да репей из мочал еле выдрал и гриву заплел.
За вратами старик слишком долго возился с засовом,
И кряхтел, и ворчал, и не смог отворить — и ушел.

Я узнал старика по слезам на щеках его дряблых:
Это Петр Святой — он апостол, а я — остолоп.

15 Вот и кущи-сады, в коих прорва мороженных яблок...
Но сады сторожат — и стреляют без промаха в лоб.

Всем нам блага подай, да и много ли требовал я благ?!
Мне — чтоб свечи в руках, да жена — чтобы пала на гроб, —
Я за это для них наворую мороженных яблок...

20 Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб.

Всё вернулось на круг, ангел выстрелил в лоб аккуратно,
Неужели им жаль, что набрал я ледышек с дерев?!
Как я выстрелу рад — ускачу я на землю обратно,
Вон и яблок везу, их за пазухой телом согрев.

25 Как погнал я коней из сторон этих гиблых и зяблых!
Кони просят овсу, ну а я закусил удила.
Вдоль обрыва, с кнутом, по-над пропастью, пазуху яблок
Я тебе принесу — раз ты даже из рая ждала.

варианты второй редакции

между 4 и 5 — наброски припева:

а. Убрав убого прах, останки, тело ли, —
Льют пьяны слёзы, головы склоня...
Но воет хор, как будто хороня! —
Концы хоронят в воду — что наделали!
Побойтесь Бога, если не меня!

б. Не ведаю — за телом ли поспела ли
Толпа друзей, за гробом семеня...
Но воет хор, как будто хороня! —
Концы хоронят в воду — что наделали!
Побойтесь Бога, если не меня!

в. Как выглядела — весело, угрюмо ли
Бродяжья труппа грязь и дождь кляня?
Но хор завыл, как будто хороня! —
Концы хоронят — ишь, чего удумали!
Побойтесь Бога, если не меня!

г. Пошто вы невесёлые, угрюмые,
Процессия, за гробом семеня...
Завыли хором, будто хороня!
Не сметь канючить! Ишь, чего удумали!
<Побойтесь Бога, если не меня!>

д. Рыдайте шибче, али мало клюнули?
Молчать негоже, брата хороня!
Пусть надорвется колокол, звеня!
Хотите тайно? — Ишь, чего удумали!
Побойтесь Бога, если не меня!

е. В рай провожают злобно ли, угрюмо ли.
Почто ж вы взвыли, будто хороня!
Концы хоронят — ишь, чего удумали!
Побойтесь Бога, если не меня!

7 а. Погуляю по кущам по райским, покушаю яблок.
б. Я по кущам пойду и от пуза покушаю яблок.
в. Я по кущам пойду, без опаски покушаю яблок.

8 а. Там, в раю, — всё равно: князь ли ты или беглый холоп.
б. В небесах всё равно: князь ли ты или беглый холоп.
в. Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб.

между 8 и 9:

Вот те на — прискакал: пред очами не райское что-то, —
Неродящий пустырь, никакое ничто, беспредел,
Посреди ничего возвышались литые ворота,
И безгрешный народ у ворот на ворота глядел.

9—12 Клячи, глядь, на дыбы! Я смирил их неласковым словом:
Ну-ка, будя шалить, аль подъём в поднебесье тяжёл?
Близорукий старик, лысый пень, всё возился с засовом,
Покряхтел, поворчал, и не смог отворить — и ушёл.

между 12 и 13:

Бестелесный народ, не издав ни единого стона,
Кто — упал на колени, кто — быстро на корточки сел...
Мне сдаётся, что здесь обитать никакого резона.
Неужели Спаситель за это распятым висел?

Бессловесна толпа — все уснули в чаду благовонном.
И вернулся старик — и опять принялся отворять...
Распахнулись врата, оглушило малиновым звоном,
И рванулась толпа прямо в ту лепоту-благодать!

14 Это ж Пётр Святой! Он — апостол, а я — остолоп.

между 16 и 17:

Эти яблоки мы на земле и с земли подбираем,
А в раю — не хочу: бережёного Бог бережёт.
Пусть вторично убьют — ведь застреленных балуют раем,
А оттуда куда? — есть идея и тайный расчёт.

17—19 а. Благо невелико, да и много ли требую я благ:
Схороните путём, да поплачьте, да певчие чтоб...
Ну а я уж в раю натрясу удивительных яблок!

б. Мне не надо речей, кумачей и свечей в канделябрах, —
Мне — чтоб свечи в руках, да жена чтобы пала на гроб, —

В дивных райских садах наберу бледнорозовых яблок...
21—24 Херувимы кружат, ангел выстрелил в лоб аккуратно,
Неужели им жаль, что натряс я ледышек с дерев?!
Впрочем, выстрелу рад — ускакал я на землю обратно,
Вот и яблок принёс, их за пазухой телом согрев.
25—28 Веселее коням гнать от мест этих гиблых, прозяблых!
Недосыту кормил, — но бегут, закусив удила.
Вдоль обрыва с кнутом, по-над пропастью, пазуху яблок
Я везу для тебя — если даже из рая ждала.

ЧАСТУШКИ <К СПЕКТАКЛЮ «ЖИВОЙ»>

беловой автограф

II—10 Тебя вспять не понесло!
III—1 Мотяков, твой мощный голос
III—6 Не таких перенесло.
IV—5—6 а. Вот бы наше село
Пашаницей зацвело!
б. Тут бы наше село
Белым хлебом занесло.
в. Вот бы в наше село
Вдоволь хлеба занесло.
VII—4 И чего доброго — запьёшь!
VIII—4 Толь ему — в лопатки клин.

Строфа, записанная на полях автографа:

Хватит роги ломать, как коровам,
Перевинчивать, перегибать,
А не то, Гузенков с Мотяковым,
Мы покажем вам Кузькину мать!

Наброски, переработанные автором в эту строфу:

[Без шипов не рождаются розы —
В урожаях бывает урон...
Но как веники, хлещут берёзы
По наследью ушедших времён.]
а. [Пусть из пор наших боль испарится,
Чтоб от скверны очистившись, встать,
И чтоб в землю руками вцепиться
И обнять, словно родную мать.]
б. [<Боль> из пор наших выпарит злую,
Чтобы весело землю обнять,
Как с разлуки — жену молодую,

Как дитя и как родную мать!]
И теперь, в нашем времени новом
Перегибам уже не бывать!
Так гляди, Мотяков с Гузенковым,
Мы покажем вам Кузькину мать!

АНТИСЕМИТЫ

авторские исполнения

2 Не лучше ль пробраться мне в антисемиты?
4 а. Поддержка и нетузиазм миллионов.
б. Поддержка всех наших двухсот миллионов.
9—10 Но, к счастью, узнал у ребят в бакалее:
Семиты, представьте, — простые евреи!

«Парня спасем, парня в детдом...»

черновик

Родина знала, даже спасла —
Жизнь не поломана,
Но делайте молча ваши дела —
Добрые, тёмные.

В детстве — детдом, всё нипочём —
Жизнь бесшабашная!
Всё ерунда, кроме суда
Самого страшного.

«Парня спасём, парня в детдом
На госпитание!» —
Дали харчи, стали учить —
Да воспитание!

Учат ребят: каждый мой брат,
Вот, мол, как возятся!
И за оклад ласки дарят
Оптом и в розницу.

«А люди все роптали и роптали...»

авторские исполнения

2 а. А люди всё кричали и роптали,
б. А люди всё молчали и молчали,

6 «Я вас прошу, уйдите, дорогие!
9 а. А люди всё роптали и роптали,
б. А люди всё кричали и кричали,
10 а. Наверно, справедливости хотят:
б. А люди справедливости хотят:
13 Им снова объяснил администратор:
15 Те, кто едят — ведь это ж делегаты,
13—16 Им объяснили, чтобы не ругаться:
«Мы просим вас: уйдите, дорогие!
Те, кто едят — ведь это иностранцы,
17 а. А люди всё кричали и роптали,
б. Но люди всё кричали и роптали,
в. Но люди всё роптали и роптали,
г. А люди всё роптали и роптали,
18 а. А люди справедливости хотят:
б. Наверно, справедливости хотят:

другая редакция

МЫ В ОЧЕРЕДИ ПЕРВЫМИ СТОЯЛИ

Я слышал — на Савёловском вокзале,
У ресторана люди говорят:
«Позвать сюда, кто главный в этом зале!
Мы в очереди первые стояли,
А те, кто сзади нас, — уже едят!»

Но просто объяснил администратор:
«Есть рестораны в городе другие.
Сегодня кормим только делегатов.
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

Голодные и жаждущие знали,
Что в ресторанах кормят и поят, —
Кричали, умоляли и роптали:
«Мы в очереди первые стояли,
А те, кто сзади нас, — уже едят!»

И им завзалом, чтобы не ругаться,
Сказал: «Прошу без шума, дорогие!
Те, кто едят, ведь это — иностранцы!
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

«Вот и кончился процесс...»

черновик

15 Разобрался Комитет
27—28 «Что ж, — подумает, — зазря
Шли за революцию?!...» —
31 Началось, мол, стыд и срам, —
40 Всё же на Качалова...»

МОСКВА — ОДЕССА

наброски

И вниз из поднебесья мне глядеть без интереса,
А прямо и вперёд — пускай глядит пилот!
Лечу я Минск — Одесса (пособила стюардесса,
Изящная, как весь гражданский флот).

Я больше ждать не в силах, чёрт возьми,
Я полечу туда, где принимают.

Посадка! Даже лётчик снял пальто,
Напрягся лайнер, взвизгнули турбины,
А я уже не верю ни во что —
У них найдутся новые причины.

беловой автограф

0 *МНЕ ТУДА НЕ НАДО*
Оп Посвящается!
11 И точно — вновь дают задержку рейса на Одессу:
13—16 Я скоро буду бредить наяву:
Объявлена посадка Волгограду,
А сердце нашей Родины — Москву —
Закрыли вдруг, как будто так и надо.
26 Несправедливо, муторно, но вот
28 Спокойная, как весь гражданский флот.
29—32 Там, куда я — сугробы намело,
И снова ожидают снегопада!
А где-нибудь всё ясно и светло,
И хорошо, но мне туда не надо!
33—36 Взлетим мы: можно ставить рупь за сто — запреты снимут.
Напрягся лайнер, слышен визг турбин...
Но я уже не верю ни во что — меня не примут,
У них найдётся множество причин.

37—40 Открыли самый дальний закуток,
В который не заманит и награда, —
Открыт закрытый порт Владивосток.
Открыт Париж, но мне туда не надо.

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ — ВСЕ ТАК ЖЕ

ранняя редакция текста

Не верю я приметам — да чего там,
Я всё-таки в ладах с Аэрофлотом, —
Сегодня в полночь встречу Новый год.
Багаж без перевеса,
И ждёт меня Одесса,
И если повезёт, то повезёт
Аэрофлот.

Задумался — плюю через плечо,
Сосед в дубленке взъелся: «Ты чго,
Чего плюёшь на новую дублёнку?»
Я — чтоб вину загладить —
Плюю, мол, чтоб не сглазить,
А он меня всё плечиком в сторонку.

Я спокоен, а он опьянён,
Хоть буфет под замком со вчера,
Вдруг по радио: «Рейс отменён!»
Я спасён — худа нет без добра.

Я зря плевал соседу на дублёнку,
Напрасно я ругнул его вдогонку.
Вон он присел и сам теперь плюёт.
Испорчена погода
До будущего года —
Уж если не везёт, то не везёт
Аэрофлот.

Но хуже там у них, за рубежом —
Там вечные проблемы с багажом,
Как лишний грамм — доллары, не юани.
Стюарды, стюардессы
Там вертятся как бесы,
Пугая вас посадкой в океане.

Опозданье на десять минут
Там у них — как всемирный скандал!
И бегут, и спиртное несут —
Всей оравой, чтоб ты не орал.

Я побыл *там* заложником однажды:
Какой-<то> тип, одетый как не каждый,
Куривший, невзирая на табло,
Вдруг бомбу — раз из паха!
«А ну, кто против шаха!
Ложись!..» Вот повезло, так повезло!

Ох, участь наша многотрудная!
Тот террорист, узнав, откуда я,
Со мной как с торбой писаной носился —
Кормил меня кокосом,
Орал: «Смерть кровососам!»
Съел всю икру мою и отравился.

«На кой чёрт, — говорю, — на кой шут
Мне ты сам, твой ислам, твой вигвам?!»
Он в ответ: «Поменяем маршрут,
Полетим, — говорит, — лучше к вам».

В кой веке раз я выбрался в загранку
Как человек: собрался спозаранку,
Взял книгу — всё же долгий перелёт,
И вот уже бесплатно
Везут меня обратно.
Вот это не везет, так не везёт!

На Пикадилли я побыть бы рад,
Предупредили, правда, что разврат
Но я б глядел от туфля до колена.
Как жить без Пляс Пигаля,
Куда супруга Галя
Наведаться просила непременно?

Как мне без впечатлений в Москву?
Да какой же я, к черту, турист!

Может сплю, нет, не сплю: наяву
Вон напротив бузит террорист.

промежуточная редакция текста

Я с некоторых пор боюсь полётов.
Начальник мой, фамилия Изотов,
Всегда в больное колет, как игла.
«Эх, — говорит, — салага,
У них и то в Чикаго
Три дня назад авария была».

Я сразу побежал сдавать билеты,
А мне: «Лети! Ни пуха ни пера!
На поезде? Ты шутишь? Скоро лето —
И Родине нужны бульдозера́».

Я, как смог, успокоил живот,
Вспомнил я: если люди не врут —
То в компании Аэрофлот
Парашют на обед выдают.

Но, слава богу, я не вылетаю,
В аэропорте время коротаю,
Еще с одним таким же — побратим.
Мы пьем седьмую за день
За то, что все мы сядем,
И хорошо б — туда, куда летим.

В буфете взяли кожу индюка. Бр-р-р!..
Снуём поочерёдно в темноту:
Удобства — во дворе, хотя декабрь,
И Новый Год в Москву летит на «ТУ».

Друг <задумал меня ?> вразумлять,
Сам с Мин. Вод не просох, баламут:
«Если в срок по чуть-чуть добавлять,
Так на кой он нам шут, парашют?!»

Он ржал: «Меня считают идиотом,
Но я всегда лечу Аэрофлотом.
Зимой — метели, непогода сплошь...

А ну-кася разбейся,
Когда задержка рейса,
Хоть день, а всё же лишний проживешь».

Я возражаю другу-демагогу:
«А если с верхом срочные дела?»
А он в ответ: «Присяду на дорогу,
Да так и не встаю из-за стола».

Нет, я врать не могу, как назло,
Я такой, я живу без причуд!
Но теперь, как запалят табло,
Попрошу запасной парашют.

Я в страхе ожидаю объявленья,
Толпа гудёт, дошла до исступленья,
Все на пределе — от детей до мам —
Глядит оторопело...
Чу! Кто-то просипело:
«Рижане! Шли б вы, братцы, по домам».

Мы — в ресторан, там не дают на вынос,
А нам и тут неплохо: тишь да гладь!
Вдруг взвыл швейцар: «Которые на Вильнюс,
Спокойно продолжайте выпивать!»

[Всё закрыто] — туман, пелена...
Охмелел, осмелел мой бандит:
«Слышь, старик, — говорит, — вся страна
Третий день никуда не летит!»

Он рассказал, — такие врать не станут:
Летел он раз, ремнями не затянут,
Вдруг — взрыв! А он и к этому готов:
И тут нашел лазейку,
Расправил телогрейку
И приземлился в клумбу от цветов.

Заворожённо слушал я ханыгу, —
Герой, — болтает скромно, делово...

Ребята, он весь год летит на Ригу,
Берём пример, товарищи, с него.

Впереди — мне знакомый маршрут.
Да и что я всё ною, вообще.
Не дадут запасной парашут —
Приземлюсь на китайском плаще.

И сразу отпустило, полегчало,
Вот радио опять заверещало,
Мне вслед раздались вопли: «Караул!» —
Затеяли интригу
Летящие на Ригу, —
Их самолёт угнали в Барнаул.

Мой друг, он — дока, старый оборонщик,
И весь воздушный флот — его семья,
Он высказал догадку, что угонщик —
Простой командировочный, как я.

Барнаул, это ведь не Бейрут!
Зря рижане поверили — врут:
Террористы туда не попрут,
Их там живо самих заберут.

А в это время где-то в Красноярске,
На кафеле рассевшись по-татарски,
Из-за задержки вовсе не скорбя,
Проводит сутки третьи
С шампанским в туалете
Сам Новый год и пьет сам за себя.

Помешивая воблою в бокале,
Чтоб вышел газ — от газа он блюёт —
Сидит себе на аэровокзале
И ждет, когда прибудет Старый год.

Я пошёл — позвонил, поикал,
Трубку поднял Изотов как раз.
Я ему: «Отменяйте аврал,
Две недели в запасе у нас».

Обмана нет — всё выгодно, надёжно,
И можно отдохнуть, и выпить можно,
В Якутске — сорок, а в Баку — жара...
Да здравствуют якуты
И к чёрту парашюты!
Рижанин, друг, ни пуха ни пера!..

Посадку объявили что ли? Я бы
Чуть полежал — меня не подымай.
Но слышу: «Пассажиры, за ноябрь
Ваш вылет переносится на май!..»

От безделья уставший народ,
Успокойся и землю не рой, —
Вас, задержанных, Аэрофлот
Всех накормит зернистой икрой.

Я помню, нас копили в накопитель,
Я помню, как на мне порвали китель,
Нечаянно, конечно, — не ропщу.
Нас слишком для отсека —
Как в сундуке Гобсека! —
Не уцелеть китайскому плащу.

Несло меня, как Тура Хейердала,
Всё пропито, но дело не в деньгах,
А дело в том, что нас сопровождала
Красавица в блестящих сапогах.

Пассажиры по трапу идут.
Друг! Прощай! Замелькали огни,
Да на кой тебе шут парашют,
Пристягни привязные ремни.

черновик

8 а. Но кресло у него под Ильичем
б. Не сглазить чтоб — над левым над плечом,
9 Зачем, когда и так для предприятья —
11 а. Я не в страхе — я навеселе,
б. В дни полетов я навеселе,

между 14 и 15

Умею обольстить и обаять я,
Но не достичь — достать моё занятье,
Прорывы в декабре или завал,
Я — как последний козырь,
Глядь, лазер за бульдозер,
Ах, сколько же я реализовал!

Хотя я склонен к панике и рвотам,
И шеф еще пугает, обормот,
Но мне вообще везет с «Аэрофлотом»:
Он часто не везёт, а повезёт.

Разведут стюардессы ля-ля.
Только я им не верю ничуть.
Почему безопасности для
Должен я сам себя пристегнуть.

21 Мы в ресторан — там не дают на вынос,
25—28 Друг мой честью клянется спьяна,
Что он всех, если надо сместит.
«Это что ж, — говорит, — вся страна
Никогда никуда не летит?!»
29—32 Я к автомату — в нем ума палата.
Скажи, мол, правду, я прошу, как брата,
Но спятил, перегревшись, автомат —
Налажен сервис в Ейске —
36 Винт отвинтил у ИЛа-18
49—51 Вновь трезвость место уступает хмелю,
Вновь переносят, — видимо, и не зря —
Все рейсы за последние недели
55 Если будет какое ЧП —
60 Но в меру беспокойство ощущая,
62 а. [Конфликт у нас] с супругой был опять,
б. Чего ж ты натворила, Кать, а Кать?

66—73 Не положила — смена до утра, вишь,
На кожух мой — надежды никакой,
Пока там расстегнешь, пока расправишь, —
Глядь, певчие поют заупокой!

Третий раз нас по полю ведут —
Перебежками, как на войне,
Стал я тоже просить парашют
И — чтоб шасси проверить при мне.

76 У них — «гуд бай» — и лёту, хошь — не хошь.
84—87 Я спокоен: знакомый маршрут,
И напрасно начальство бранят,
Террористов на рейс не берут,
Недостатки к весне устранят.]

«Не покупают никакой еды...»

набросок

В здоровом теле — здоровый дух,
Холерики нам не нужны и всё тут!

Кто настроен холерически,
Тот с услугами не лезь!
Так настройтесь же лирически
И — плевать вам на болезнь!

беловой автограф

между 4 и 5:

Нарушено передвижение,
Страх есть, но только маленький весьма он,
Всё перекрыто, как движение
На улицах, когда приедет Мао.
14—16 В честь битвы с новоявленною порчей.
Холере — нет, холера не пройдёт,
No passarans, и всё, и бал окончен!

между 16 и 17:

Да это правда, случай — не один,
Но случаи не делают погоды:
Нам наплевать на этот карантин,
Мы в карантине просидим и годы!

между 20 и 21:

Она, мерзавка, будет не у дел,
Нам в руки лучше ей не попадаться!
И я холеру даже пожалел,
Ведь ей, бедняге, некуда деваться!

Я погадал вчера на даму треф,
Назвав её для юмора холерой, —
И понял я: холера — это блеф,
Она теперь мне кажется химерой.

Во мне теперь прибавилось ума,
Себя я ощущаю Гулливером,
И понял я: холера — не чума, —
У каждого всегда своя холера.

21 Мы чувствуем, холере скоро тлеть!
23 Смелей, холерой могут заболеть

1. «Муру на блюде доедаю подчистую...»

черновик

1—4 [Соль, перец, уксус подъедаю подчистую,
Я не дурю и возражаю, протестую!
В угаре пьяном я твердею и мужаю,
А за идею попадаю в вытрезвитель.]
12 Не унывай: хек сёмге — побратим.

2. «Я был завсегдатаем всех пивных. .»

черновик

16 Собою сами сгнили старики —
19 Они — внизу, я — вышел в вожаки,
20 а. Так как никак я всё же из народа.
б. Как выгнанный из нашего народа.
22 В анкетки мы и вас вставляем, предки,
24 а. Мы бдим, едим, растём из самых недр,
б. Мы бдим, едим, ведь мы — из самых недр,
в. Мы бдим, едим, других растим из недр,
31—35 Конечно, я [так много прозевал, —
Не отличу анода от катода!
А ничего — зато глава синода,
Рычал, ругался, рёк и завывал,
Как истинный изгнанник из народа!].

3. «В стране с таким народонаселеньем...»

черновик

5—6 Упёрся он, та пела, но серчала,
Но я — серпом! И покорился он.

«По речке жизни плавал честный Грека...»

черновик

2 а. И утонул, издав предсмертный крик.
б. И утонул, а может, рак настиг.
7 «Закладывать» — обычнейшее слово,
16 А по жаргону это — «убежал».

«Однако, втягивать живот...»

черновик

7 А у кого бока круты —
11 Но всё равно — хоть жечь, хоть рвать, —
19—20 а. Но ведь бумага — что она? —
Хоть ёжась, поддаётся.
б. Но ведь бумага — что она? —
Бумага поддаётся.
20—24 [Чего хотят, то пишут].
Товарищ мой (он чей-то зять)
[По пьянке мне сказал. «Опять!»
Так что я б мог порассказать,
Да только не услышат].
23 а. И люди жгут в печи печать,
б. И ладно жгут в печи печать,

«Напрасно я лицо свое разбил ..»

черновик

2 ору: «Привет, ребята!»
7—8 Мо[я] стран[а], как тот дырявый кузов,
[А в нём —], которому плевать.

«А мы живём в мертвящей пустоте...»

черновик

1 [Друг к другу жмёмся в тесноте]
4 а. И те, что первые, и люди, что в [конце].
б. И те, что первые, и люди, что в хвосте.

«Я никогда не верил в миражи...»

черновик

4 И выбросило возле Магадана.
5—6 И я не отличался от невежд,
А если отличался — очень мало:

между 13 и 14:

[Пусть не был сыт, других одет был хуже]

после 21:

Пустых глазниц провалы вместо глаз

ПРО СУМАСШЕДШИЙ ДОМ

черновик

6 Хоть рядом — психи тихие, неизлечимые.

7—12 [Бывают психи с норовом:
их лечат — морят голодом,
И врач сказал, что и меня туда переведут,
Ну что ж — тогда прощусь с женой,
с детьми, с друзьями, с городом,
И не носите передач — всё буйные сожрут.]

8 не тихие и грязные,

18 Клянусь своим здоровием, он не поверил бы!

24 Кричал: «Даёшь Америку!» — и санитара бил.

27 Рассудок не померк ещё, хоть это впереди.

31 Я ждал. Но чувствую: уже

«И душа, и голова, кажись, болит...»

авторское исполнение

6—8 Нужно мне — и всё, там интереснее!
Поделюсь хоть всеми папиросами
И ещё вдобавок тоже — песнями.

10 Смею ли роптать? Наверно — смею.

15—16 Эх вы мои нервы обнажённые!
Ожили б — ходили б как калеки.

20 Я б отсюда в тапочках в тайгу сбежал
Где-нибудь зароюсь — и завою!..

ПАЛАТА НАРКОМАНОВ

начальная редакция

1 Не писать стихов мне и романов,

7—8 Эх вы парни мои «шировые»,
Поскорее сходите с иглы!

13 Кто-то так залечил свою душу,

15 Эх вы, парни, бросайте «морфушу» —

17 Рядом незнакомый шизофреник

19 Говорит: «Когда не хватит денег,

24 Только повестей я не пишу.

после 24

Требуются срочно перемены:
Самый наш весёлый тоже сник,
Пятый день кому-то ищут вены,
Не найдут — он сам от них отвык.

Кто-то даже нюхнул кокаина —
Говорят, что мгновенный приход, —
Кто-то съел килограмм кодеина
И пустил себя за день в расход.

Я люблю загульных, но не пьяных.
Я люблю отчаянных парней!
Я лежу в палате наркоманов,
Сколько я наслушался здесь в ней!*

Кто-то гонит «кубы» себе в руку,
Кто-то ест даже крепкий вольфрам...
Добровольно принявшие муку,
Эта песня написана вам!

---

* *Я люблю загульных, но не пьяных.*
Я люблю отчаянных людей!
Я лежу в палате наркоманов,
Сколько ж я наслушался за день!

БАЛЛАДА О ГИПСЕ

черновик

6—7 Видит бог, что дошел я до точки, —
Экскаватор в пять тысяч кило

17—20 Был слишком кратким миг, когда наехал грузовик,
Потом я год в беспамятстве валялся,
И в новых, интересных ощущениях своих
Я, к сожаленью, слабо разобрался.

21 Но... броня на груди у меня,

23 Так и хочется крикнуть: «Коня!» —

между 32 и 33:

Как жаль мне вас, не знавшие на череп утюгов,
Скорблю о вас — как мало вы успели!
Ах, что это за прелесть — сотрясение мозгов,
Ах, что за наслажденье — гипс на теле!

Всё отдельно — спасибо врачам,
Всё подвязано к разным канатам.
Я клянусь, иногда по ночам
Ощущаю себя космонавтом!

33—36 [Все чувства заменили, вместо них сплошная боль,
Я недопел, я потерпел фиаско!
Но счастлив я, и плачу от восторга, вот в чём соль!
Вокруг меня — внимание и ласка.]

37 И вдвоём с милосердной сестрой

49—52 Вот только хорошо б ещё не видеть прежних снов:
Они — в печёнках клин для инвалида, —
Во сне [душа стучится] из-под гипсовых оков,
Мне снятся драки, рифмы и коррида...

54 Не даёшь ты ко мне прикасаться!

57 [Словно кокон лежу]

65—67 Так и живу я в гипсе, и намерен не снимать:
Я чувствую, растут под носом бивни,
Пусть ноги мои пухнут — мне на это наплевать, —

71 а. Становлюсь человеко-слоном,
Ощущаю себя толстокожим.

б. Хорошо быть почти что слоном
И себя ощущать толстокожим.

авторские исполнения:

4 Вот это дело, это подходяще!

17—20 Жаль, был коротким миг, когда наехал грузовик,
Потом я год в беспамятстве валялся,
И в новых, интересных ощущениях своих
Я, к сожаленью, слабо разобрался.

между 32 и 33:

Как жаль, что не роняли вам на череп утюгов,
Скорблю о вас — как мало вы успели!
Ах, это просто прелесть — сотрясение мозгов,
Ах, это наслажденье — гипс на теле!

Всё отдельно — спасибо врачам,
Всё подвязано к разным канатам.
И клянусь, иногда по ночам
Ощущаю себя космонавтом!

49 Вот только хорошо б ещё не видеть прежних снов:

51 Во сне я вырываюсь из-под гипсовых оков,

65 Так и живу я в гипсе, а зачем его снимать?

«Поздравляю вовсю — наповал...»

черновик

1 Да! Не валовый сбор — тоже вал
9 Ясно всё, что у нас бестолково.
14 Так далек еще от завершенья! —
16—18 По утрам, каждодневный хирург —
Оперировал для воскрешенья
Он младенцев с болезнью старух.
21 Анонимщик сработал на славу!
48 И порежьте еще, дорогой!

«Общаюсь с тишиной я...»

черновик

5 Отплакали, отахали
9 Я кто? Я — капля в море,
16 а. Но ужас мой — герой
б. Мой ужас — геморрой
20 Спи, а иначе — ной.
29 Но ухмыляюсь грязно я
38 В конце за букву «я»

1. ОШИБКА ВЫШЛА

наброски

1

а. И подсказало мне нутро:
«Держись, назад — ни шагу!»
Но бойко брызгало перо
Недугами в бумагу.
б. Когда заёрзало перо
По меловой бумаге,
Ах, как задёргалось нутро —
Икнулось бедолаге.
в. Перу таиться не дано —
Строчи, назад — ни шагу!
И бойко брызгало оно
Недугами в бумагу.

И я сорвал с портьер тесьму
И брюки подвязал.
Он вызнал всё, хоть я ему
Ни слова ни сказал.

г. Привычно ёкнуло нутро:
Знакомая работа!
Как бойко ёрзало перо,
Перечисляя что-то.

2

а. Мне врач поведал: «Вы больны!»
Меня заколотило.
Смеялось в рамке со стены
Какое-то светило.

б. Мне врач поведал: «Вы больны! —
И стал ещё любезней, —
Теперь вы рассказать должны
Историю болезней.»

в. Врач вынул ручку, сел за стол
И стал ещё любезней,
Вздохнул с намёком и завёл
Историю болезни.

Поставил жирный крест на мне,
Меня заколотило.
Смеялось в рамке на стене
Какое-то светило.

г. Он сочно крякнул, сел за стол,
Взял ручку оголтело,
И что-то на меня завёл,
Похожее на дело.

3

Что язва — нервная болезнь
Интеллигентов вшивых.

первая редакция

Мне врач поведал: «Вы больны!»
Меня заколотило.
Смеялось в рамке со стены
Какое-то светило.

Он смачно крякнул, сел за стол,
Взял ручку обалдело,
И что-то на меня завёл,
Похожее на дело.

Привычно екнуло нутро:
Знакомая работа!
Как бойко ёрзает перо,
Перечисляя что-то.

Он вызнал всё, хоть я ему
Ни слова ни сказал,
И я сорвал с портьер тесьму
И брюки подвязал.

«Начальник, слышишь, не вяжи,
Ребята, не держите!
Ремень, он вот он — на, держи,
А руки не вяжите!»

Стою я — в пол ногами врос,
Вдруг что-то засвербило:
Он вёл с пристрастием допрос —
А мне не больно было

Не чую ссадин на скуле,
Не ноют и запястья,
Хотя лежат же на столе —
Орудия пристрастья.

Я, обнаглев, на стол кошу
И вою, что есть сил:
«Я это вам не подпишу,
Я так не говорил!»

Шуршанье, хмык и тишина,
И наконец — бесстрастно:
«Нам ваша подпись не нужна,
Нам без неё всё ясно!»

Но скалюсь я во весь свой рот:
«Что это за порядки?
У нас так дело не пойдёт,
Ребяточки-ребятки!»

От папирос не откажусь,
Начальник, чиркни спичкой! —
Чичас прочту и распишусь
Под каждою страничкой.

«Товарищ, вы возбуждены!
Вам сделают укол!»
«Колите, вот, — я снял штаны, —
Но дайте протокол!»

В глазах — круги, в мозгу — нули.
А мне — ещё любезней:
«На вас, товарищ, завели
Историю болезни».

«В дурдом, к лепилам на прикол?!
Нет, лучше уж пытайте!
Но дайте всё же протокол!..»
«Пожалуйста, читайте!»

От строк, которым нет цены,
Меня заколотило.
Смеялось в рамке на стене
Сердечное светило.

Да я здоров, здоров, как бык,
Здоров, как два быка,
Любому МАЗу я в час пик
Могу помять бока!

Но врач заверил: «Вы больны,
У вас на ки́шке — ки́шка,
Теперь вы полежать должны
Примерно месячишко.

У вас пока кишка тонка
Для колбасы салями,
Хоть эта самая кишка
С двенадцатью перстами.

Вам нужно пролежать бока
До смены настроений,
У вас пока кишка тонка
Для острых ощущений!» —

Мой доктор перешёл на ты:
«Уйми дурную дрожь,
Здесь отдохнёшь от суеты
И дождик переждёшь!

Уйди на срок из под опек,
Отторгнись от шашлычной,
Смени, больной, свой быстрый бег
На здравый смысл больничный!»

А я прикидывал хитро́:
Сейчас не дать ли тягу?
Глядел, как брызгало перо
Недугами в бумагу.

Он все болезни освятил
Латынью незнакомой
С тех пор, когда я геном был
Совместно с хромосомой!

вторая редакция

Мой доктор молвил: «Вы больны,
У вас на ки́шке — ки́шка,
И вас обследовать должны
Примерно месячишко.

Он хвать за ручку, — шмыг за стол,
Взглянул остатанело
И что-то на меня завёл,
Похожее на дело.

Сестра, тихонечко, как мышь,
Готовила укол.
«А ну, покажь, чего строчишь
В секретный протокол!»

Но врач мне снова: «Вы больны!»
Меня заколотило.
Смеялось в рамке со стены
Сердечное светило.

Привычно ёкало нутро:
«Держись, назад — ни шагу!»
Но бойко брызгало перо
Недугами в бумагу.

И я через плечо кошу
И вою, что есть сил:
«Я это вам не подпишу,
Я так не говорил!»

Шуршанье, хмык и тишина,
И врач сказал бесстрастно:
«Нам ваша подпись не нужна,
Нам без неё всё ясно!»

Но скалюсь я во весь свой рот:
«Что? Новые порядки?
Со мною номер не пройдет,
Товарищи-ребятки!»

Ко мне заходят со спины
И делают укол, —
Бесприкословно снял штаны,
Шепчу про протокол...

Я не базарю, не ершусь, —
Мы граждане с привычкой! —
Сейчас прочту и распишусь
Под каждою страничкой.

В глазах — круги, в мозгу — нули.
А мне — ещё любезней:
«На вас, товарищ, завели
Историю болезни».

Врач вызнал всё, хоть я ему
Ни слова ни сказал,
И я сорвал с портьер тесьму
И брюки подвязал.

А за окном был белый день,
Дышали люди паром,
А я протягивал ремень
Смешливым санитарам.

Вокруг полно весёлых лиц,
Мне неспокойно стало:
Перед глазами прыгал шприц,
Кругом всё хохотало...

И вдруг я понял: Бог со мной,
Мне, видимо, не лгут,
Меня за то, что я больной,
Под стражу не возьмут.

Стоял я — в пол ногами врос,
В душе моей рябило:
Так это, значит, не допрос, —
Ведь мне не больно было.

Не чую ссадин на скуле,
Легко на удивленье.
А этот жгутик на столе —
Чтоб выяснить давленье.

Ах, как я их благодарю,
Взяв лучший из жгутов:
«Вяжите руки, — говорю, —
Я здесь на всё готов!»

Никто мне рук вязать не стал,
Глядели все с ухмылкой,
А я от счастья закричал:
«Бегите за бутылкой!

Мой милый доктор! — я вопил, —
Ведь я страдаю комой
Ещё с тех пор, как геном был
Совместно с хромосомой!

Но я здоров, здоров, как бык,
Как целых <два быка,
Любому МАЗу я в час пик
Могу намять бока!»>

третья редакция

Он для начала сел за стол,
Икнул осатанело,
Перо в прибор вонзил, как кол,
И что-то на меня завёл,
Похожее на дело.

И жирно брызнуло перо
Фамилией в бумагу,
Привычно ёкнуло нутро,
Он надавил мне под ребро
На печень-бедолагу.

Как властно дернулась рука:
«Лежать! Лицом к стене!» —
И вот мне стали мять бока
На липком топчане.

Он, потрудясь над животом,
Да так, что замутило, —
Не успокоился на том,
А руку мне стянул жгутом,
Чтоб кровь не проходила.

Но я не извергал хулу,
Молчал, терпел, крепился,

А он всё тёр себе скулу,
И бегал от меня к столу,
И хмыкал, и кривился.

А может, дать ему под дых
И двери — на замок?
Но он нажал мне на кадык —
Я взвизгнул, но замолк.

Я быстро ник, впадал в тоску,
Мне муторно, отвратно,
Но всё же был я начеку, —
И в горло впёртую кишку
Выплёвывал обратно.

Лежу я, голый как сокол,
Скучаю и серчаю,
А он — всё шмыг да шмыг за стол,
Всё что-то пишет в протокол,
Хоть я не отвечаю.

И я под шизика кошу
И вою, что есть сил:
«Я это вам не подпишу,
Я так не говорил!»

Мне жёлто-белая спина
Ответила бесстрастно:
«Не надо шума, старина!
Нам ваша подпись не нужна,
Нам без неё всё ясно!»

Я возражаю: «Нет, шалишь,
Ведь я пока на воле,
Здесь вам не Лондон, не Париж!..
А ну, покажь, чего строчишь
В секретном протоколе!»

Стою я — в пол ногами врос:
«Извольте соблюдать...

Вели с пристрастием допрос,
Так дайте почитать!

От папирос не откажусь,
Начальник, чиркни спичкой!» —
Я не базарю, не ершусь:
Сейчас прочту и подпишусь
Под каждою страничкой.

В глазах — круги, в мозгу — нули,
Хоть по лбу звездарезни!
А он сказал мне: «Не пыли!
Мы, милый, просто завели
Историю болезни».

Но не поверил я ему —
И слова ни сказал,
Я лишь сорвал с портьер тесьму
И брюки подвязал.

Кричу: «Начальник, не тужи,
Ведь ты всегда в зените,
Не надо вашей грубой лжи!
Ремень, он вот он — на, держи!
Хватайте и вяжите!»

Но доктор молвил: «Вы больны,
У вас на ки́шке — ки́шка,
Вы с искривлением спины...
Вы не сидеть — лежать должны
Примерно месячишко!»

Я вдруг подумал: «Боже мой,
Мне, видимо, не лгут, —
Быть может, правда я больной?
А здесь — поберегут...»

Кругом полно весёлых лиц,
Мне даже стыдно стало!
В руках нежнейшей из девиц

Совсем нестрашно прыгал шприц,
Всё разом хохотало.

Был за окном морозный день,
Дышали люди паром,
А я — с мозгами набекрень —
Чудно́ протягивал ремень
Смешливым санитарам.

Я болен — и здоров, как бык,
Как целых два быка,
Любому МАЗу я в час пик
Могу намять бока!

набросок начала четвёртой редакции

Мой милый доктор встал в двери,
Как мститель с топором,
И засветился изнутри
Здоровьем и добром.

Я был и слаб, и уязвим,
И тощ я был, и хил,
Всем нездоровием своим
На доктора светил.

А доктор бодро сел за стол,
Икнул осатанело,
И что-то на меня завёл,
Похожее на дело.

И властно дернулась рука:
«Лежать! Лицом к стене!» —
И вот мне стали мять бока
На липком топчане.

Стоял я, голый, как соко́л,
Похмельный со вчера.
Сестра готовила укол,
Красивая сестра...

Под дых давили, под ребро,
На печень-бедолагу,
И жирно брызгало перо
Недугами в бумагу.

четвертая редакция

Я был и слаб, и уязвим,
И я дрожал притом
Больным, подорванным своим,
Но гордым существом.

Встал белый фельдшер у двери,
Как мститель с топором,
И засветился изнутри
Здоровьем и добром.

Серьёзный доктор бодро сел за стол,
Икнул осатанело,
И что-то на меня завёл,
Похожее на дело.

А я не извергал хулу,
Крепился и молчал...
Врач бегал от меня к столу,
Кривился и писал.

Сестра, тихонечко, как мышь,
Готовила укол.
«Эй, друг, покажь, чего строчишь
В секретный протокол!»

Но, потрудясь над животом,
Да так, что замутило, —
Он руку мне стянул жгутом,
Чтоб кровь не проходила.

Он дока, но и я не прост, —
Я стал права качать:
Мол, за с пристрастием допрос
Придётся отвечать!

Из-за плеча его кошу
Я в писанину ту:
«Я это вам не подпишу,
Покуда не прочту!»

Держусь на нерве, начеку,
Хоть чувствую отвратно,
Мне в горло всунули кишку —
Я выплюнул обратно.

А может, дать ему под дых:
Ну фельдшер и замок!
Врач надавил мне на кадык —
Я взвизгнул и замолк.

Он вызнал всё, хоть я ему
Ни слова ни сказал,
И я сорвал с портьер тесьму
И брюки подвязал.

Плыл за окном морозный день,
Дышали люди паром,
А я протягивал ремень
Смешливым санитарам.

«Меня хоть путай, хоть дурачь,
А хоть бери на крик, —
Я, гражданин начальник врач,
Ко многому привык!»

Мне дали писанину ту —
Читай, мол, и остынь!
Легко сказать... Но как прочту
Проклятую латынь!

В глазах — круги, в мозгу — нули.
Проклятый страх, исчезни!
Они же просто завели
Историю болезни.

Я даже вскрикнул:: «Боже мой,
Мне, видимо, не лгут, —
Быть может, правда я больной?
А здесь — поберегут...»

И я их так благодарю,
Взяв лучший из жгутов:
«Вяжите руки, говорю,
Я здесь на всё готов!»

Никто мне рук вязать не стал,
Смеясь над речью пылкой,
Я обнаглел и закричал:
«Бегите за бутылкой!»

пятая редакция

Здоровый лоб стоял в двери,
Как мститель с топором,
И весь светился изнутри
Здоровым недобром.

Я был и слаб, и уязвим,
Я весь дрожал притом
Больным, подорванным своим,
Никчёмным существом.

А самый главный сел за стол,
Икнул осатанело,
И что-то на меня завёл,
Похожее на дело.

Стоял я голый, как сокол,
Раздетый до нага.
И мне готовила укол
Сердитая карга.

И властно дёрнулась рука:
«Лежать! Лицом к стене!» —
И вот мне стали мять бока
На липком топчане.

Трудился он над животом —
Меня рвало, мутило,
Он руку мне стянул жгутом,
Чтоб кровь не проходила.

Но я не извергал хулу —
Губу себе кусал,
А он, кривясь, бежал к столу,
И всё писал, писал...

Когда ударили под дых,
Я — глотку на замок,
Когда нажали на кадык —
Я взвизгнул, но замолк.

Он надавил мне под ребро —
На печень-бедолагу,
И кровью харкнуло перо
В невинную бумагу.

Он дока, но и я не прост —
Давай права качать:
Мол, за пристрастный ваш допрос
Придётся отвечать!

Он в раж вошел — в знакомый раж,
И я как заору:
«Чего строчишь? А ну, покажь!
Пособник ЦРУ!..»

Держусь на нерве, начеку,
Но чувствую отвратно,
Мне в горло всунули кишку —
Я выплюнул обратно.

Сквозь пот я в протокол кошу,
На писанину ту:
«Я это вам не подпишу,
Покуда не прочту!»

Он вызнал всё, хоть я ему
Ни слова ни сказал,
И я сорвал с портьер тесьму
И брюки подвязал.

И раньше был я баламут,
Мне ёрничать не внове!
Ведь всё равно сейчас возьмут —
Ребята наготове!

«Не подпишу, коль не прочту!»
В ответ мне: «На, остынь!»
Схватил я писанину ту,
А там — одна латынь!

И вдруг я вижу: подо мной —
Кушетка, не скамья...
И понял я: я здесь больной,
Исследуемый я.

В глазах — круги, в мозгу — нули.
Проклятый страх, исчезни!
Они же просто завели
Историю болезни.

И я воскликнул: «Свят-свят-свят!»
И грохнул персонал,
смеялся медицинский брат —
Тот, что в дверях стоял.

Кругом полно весёлых лиц —
Участников игры...
Ах, как не страшно прыгал шприц
В руках у медсестры.

Плыл за окном морозный день,
Дышали люди паром,
А я протягивал ремень
Смешливым санитарам.

Но всё же ёкнуло и тут —
Что сделаешь с нутром! —
А вдруг обманут и запрут
Навеки в жёлтый дом?

«Меня, ребята, не дурачь! —
Я перешёл на крик, —
Я, гражданин начальник врач,
Ко многому привык!»

Но снова слышу: «Вы больны!..»
И сразу отпустило,
И усмехнулось со стены
Сердечное светило.

Но это был не протокол —
Я просто пил вчера,
Сестра готовила укол,
Красивая сестра.

Обычный фельдшер был в двери —
Не стражник с топором,
Он весь светился изнутри
Здоровьем и добром.

А милый доктор, что писал
И слушал обалдело, —
Мне ничего не пришивал,
Похожее на дело.

Но где-то очень в глубине,
Где страх не отпускал, —
Какой-то бойкий бес во мне
Скакал и понукал.

Я вроде всех благодарю,
Взяв лучший из жгутов:
«Вяжите руки, говорю,
Для вас — на всё готов!»

Никто мне рук вязать не стал,
И с глупою ухмылкой
Я, обнаглев, заверещал:
«Бегите за бутылкой!»

шестая редакция

Здоровый лоб возник в двери,
Как мститель с топором,
И весь светился изнутри
Здоровым недобром.

Лежал я голый, как сокóл, —
Раздели донага.
В углу готовила укол
Нестарая карга.

А самый главный сел за стол,
Вздохнул осатанело,
И что-то на меня завёл,
Похожее на дело.

И властно дёрнулась рука:
«Лежать! Лицом к стене!» —
И вот мне стали мять бока
На липком топчане.

Потом ударили под дых,
Я — глотку на замок,
Потом нажали на кадык —
Я взвизгнул и замолк.

Давили в пах и под ребро —
На печень-бедолагу,
И кровью харкало перо
В невинную бумагу.

Но я не извергал хулу —
Губу себе кусал,
А он, кривясь, бежал к столу,
И всё писал, писал...

Он в раж вошел — в знакомый раж,
Но я — как заору:
«Чего строчишь? А ну, покажь
Секретную муру...»

И раньше был я баламут,
Мне ёрничать не внове!
Сейчас смирят, сейчас уймут —
Рубашка наготове!

Но главный — терпелив и крут,
Плечо стянул жгутом,
Когда же раскалённый прут —
Сейчас или потом?

Нет! Надо силы поберечь:
Вон он и то — устал.
Должно быть, пятки станут жечь,
Чтоб я колоться стал.

А у него уже экстаз —
Аж булькает в трахее:
«Молчи, всё будет, но <не> враз,
Пока дыши ровнее.

Не надо носом — можно ртом.
Ну выдохните, ну!
Я, если выдохну — потом
Навряд ли уж вздохну».

Дрожу от головы до пят,
Он — бегать перестал...
Сейчас, наверно, усыпят,
Чтоб я «колоться» стал.

На грани я, но начеку,
Но чувствую отвратно,
Мне в горло всунули кишку —
Я выплюнул обратно.

Он дока, но и я не прост —
Давай права качать:
Мол, за пристрастный ваш допрос
Придётся отвечать!

Сквозь пот я в протокол кошу,
На писанину ту:
«Я это вам не подпишу,
Покуда не прочту!»

Мне чья-то жёлтая спина
Ответила бесстрастно:
«Нам ваша подпись не нужна,
Нам без неё всё ясно!»

Он вызнал всё, хоть я ему
Ни слова ни сказал,
И я сорвал с портьер тесьму
И брюки подвязал.

Ко мне подкрались со спины
И сделали укол.
Колите, нате, сквозь штаны,
Но дайте протокол!

Я даже на колени встал,
К паркету лбом прижался.
Чудил, грозил и умолял,
Молил и унижался:

Мол, как вас там по именам,
Мол, нечего скрывать,
Мол, протокол допроса нам
Обязаны давать,

Мол, братцы, дайте, я прочту...
В ответ мне: «На, остынь!»
Схватил я писанину ту,
А там — одна латынь!

В глазах — круги, в мозгу — нули.
Проклятый страх, исчезни!
Они же просто завели
Историю болезни.

варианты основного текста

5 И, как в дешёвом попурри,
7 И озарился изнутри
9—12 В полубреду, в полупылу
Разделся донага.
В углу готовила иглу
Нестарая карга.
14 Икнул остатанело
19 Чуть задержались — и под дых,
25—32 И властно дернулась рука:
«Лежать! Лицом к стене!» —
И вот мне стали мять бока
На липком топчане.

Подручный — бывший психопат —
Вязал мои запястья.
Тускнели, выложившись в ряд,
Орудия пристрастья.
33—40 Трудился он над животом,
Взмок, бедолага, а потом
Он руку мне стянул жгутом, —
Я губы закусал...
Но я не извергал хулу,
Пока он тёр себе скулу
И бегал от меня к столу,
Кривился и писал.
37 Я только губы на замок,
45—48 Во весь мой пересохший рот
Я скалюсь: «Ну, порядки!
У вас, ребята, не пройдет,
Играть со мною в прятки!»
49—50 И раньше был я баламут:
Всегда — вразнос, всегда — враскрут,
54 А он всё — шмыг да шмыг за стол,
58 Я, кажется, устал,

62 Хоть чувствую отвратно.

между 64—65:

Потуже затянули жгут,
Вон вижу я — спиртовку жгут.
Все рыжую чертовку ждут
С волосяным кнутом.
Все на готове — главный крут,
Где-где, а тут не берегут,
Когда же раскаленный прут —
Сейчас или потом?

Шабаш калился и лысел,
Пот лился горячо.
Влетело что-то, кто-то сел
Кому-то плечо.

И кто-то каркнул: «Never more!» —
Врёшь, ворон, — больно прыток!
Он намекает — прямо в морг
Выходит зал для пыток.

Не бойся, мама, я не трус!
Я не смолчу и не утрусь,
От протокола отопрусь
При встрече с адвокатом.
Я ничего им не сказал,
Ни на кого не показал.
Скажите всем, кого я знал, —
Я им остался братом!

Ко мне заходят со спины
И делают укол.
Колите, сукины сыны,
Но дайте протокол!

Дрожу я от волос до пят
По телу страх расползся:
А вдруг уколом усыпят,
Чтоб сонный раскололся?

Прикинусь я, что глуп да прост,
Не откажусь от папирос, —
Им за пристрастный их допрос
Придется куковать:
«Эй, как вас там по именам, —
Вернулись к старым временам?
Но протокол допроса нам
Обязаны давать!»

И я через плечо кошу
На писанину ту:
«Я это вам не подпишу,
Покуда не прочту!»

Мне чья-то белая спина
Ответила пристрастно:
«Нам ваша подпись не нужна.
Нам без нее все ясно».

67 Всё вызнать, выведать грозят,
73—80 Сказал он, подведя черту:
Читай, мол, и остынь!
Схватил я писанину ту,
А там — одна латынь.

В глазах — круги, в мозгу — нули.
Проклятый страх, исчезни!
Они же просто завели
Историю болезни.
81—88 А он зверел, входил в экстаз,
Луч человечий в нём угас, —
И искры сыпались из глаз,
И булькала трахея.
Приволокли из морга таз.
Вот так нас, милых, эдак нас...
Я видел это как-то раз —
Фильм в качестве трофея.

«Тошнит? — Дыши поглубже ртом,
Да выдохни — умрешь!..

Да! Как же, выдохни! — потом
Уж больше не вздохнешь.

Я даже на колени встал,
И к тазу лбом прижался.
И требовал, и угрожал,
Молил и унижался.

Далее текст отсутствует.

2. НИКАКОЙ ОШИБКИ

начальный текст

Мне доктор молвил: «Вы больны!»
И сразу отпустило.
И усмехнулось со стены
Сердечное светило.

И впрямь я вижу: подо мной —
Кушетка, не скамья...
Я не подследственный — больной,
Исследуемый я.

Не чую ссадин на скуле,
Не ноют и запястья,
Хотя лежат же на столе
Орудия пристрастья:

Вон, например, — упругий жгут,
Вон — иглы, йод и бром...
А вдруг обманут и запрут
Навеки в жёлтый дом?!

Я хорохорюсь, вздёрнув бровь:
«А вон лежит не кляп ли?
Зачем из вены взяли кровь?
Отдайте всю до капли!

Меня, ребята, не дурачь! —
Я перешёл на крик, —
Я, гражданин начальник врач,
Ко многому привык.

И если я хочу болеть —
То дома, на Бутырке!
Мне кровь отсасывать не сметь
Сквозь трубочку в пробирки!

Здоров я, граждане, как бык,
Здоров, как два быка,
Любому встречному в час пик
Могу намять бока!

И не намерен я сидеть,
Сложа худые руки...
И, кстати, надобно уметь,
Уметь колоть сквозь брюки».

Должно быть, в мутной глубине,
Где страх не отпускал,
Какой-то бойкий бес во мне
Скакал и понукал.

Но снова слышу: «Вы больны,
У вас, любезный, кишка,
Вы не сидеть — лежать должны
Примерно месячишко.

И я подумал: «Боже мой,
Мне, видимо, не лгут,
Меня за то, что я больной,
Не сразу упекут.

Пока кишка моя тонка
Для колбасы салями,
Хоть эта самая кишка
С двенадцатью перстами.

Врач вызнал всё, хоть я ему
Ни слова ни сказал,
И я сорвал с портьер тесьму
И брюки подвязал.

Белел в окне морозный день,
Дышали люди паром,
А я протягивал ремень
Смешливым санитарам.

Но кто-то крикнул: «Свят-свят-свят!»
И грохнул персонал:
Смеялся медицинский брат —
Тот, что в дверях стоял,

А это доктор, он устал:
Вон смотрит обалдело,
И он мне дела не клепал,
Он просто делал дело.

И это был не протокол:
Я перепил вчера,
Сестра мне делала укол,
Красивая сестра,

Покой приёмный — этот зал —
Я спутал с пересылкой,
Но вот, очнувшись, я сказал:
«Бегите за бутылкой!»

Кругом светло от добрых лиц,
Участников игры,
Ах, как нестрашно прыгал шприц
В руках у медсестры!

И прояснилось всё вокруг,
Врач стал ещё любезней:
«У всех истории, мой друг, —
Истории болезней!»

Чем я их отблагодарю?
Взяв лучший из жгутов:
«Вяжите руки, — говорю, —
Для вас на всё готов!»

вариант начального текста

Я ясно слышал: «Вы больны!»
И сразу отпустило.
Мне усмехнулось со стены
Сердечное светило.

И впрямь я вижу: подо мной —
Кушетка, не скамья...
Я не подследственный — больной,
Исследуемый я.

Кругом светло от добрых лиц,
Участников игры,
Ах, как нестрашно прыгал шприц
В руках у медсестры!

Не чую ссадин на скуле,
Не ноют и запястья,
Хотя лежат же на столе
Орудия пристрастья:

Вон, например, — упругий жгут,
Вон — иглы, йод и бром...
А вдруг обманут и запрут
Навеки в жёлтый дом?!

«Меня, ребята, не дурачь! —
Я перешёл на крик, —
Я, гражданин начальник врач,
Ко многому привык!»

Я хорохорюсь, вздёрнув бровь:
«А вот лежит не кляп ли?
Зачем из вены взяли кровь?
Отдайте всю до капли!

Здоров я, граждане, как бык,
Здоров, как два быка,
Любому встречному в час пик
Могу намять бока!

Мне кровь отсасывать не сметь
Сквозь трубочку, гадюки,
Шалишь — не буду я сидеть
Сложа худые руки.

Врач улыбнулся: «Вы больны,
Вы, право, как мальчишка,
Вы не сидеть — лежать должны
Примерно месячишко.

У вас пока кишка тонка
Для перца и салями,
Хоть эта самая кишка
С двенадцатью перстами».

И я подумал: «Боже мой,
Мне, видимо, не лгут,
Меня за то, что я больной,
Под стражу не возьмут».

И я воскликнул: «Свят-свят-свят!»
И грохнул персонал,
Смеялся медицинский брат —
Тот, что в дверях стоял,

Нет, это был не протокол:
Я перепил вчера,
Сестра мне делала укол,
Красивая сестра,

А это доктор, он устал:
Он смотрит обалдело,
И он мне дела не клепал,
Он просто делал дело.

Но где-то очень в глубине,
Где страх не отпускал,
Какой-то бойкий бес во мне
Скакал и понукал.

Врач вызнал всё, хоть я ему
Ни слова ни сказал,

И я сорвал с портьер тесьму
И брюки подвязал.

Стыл за окном морозный день,
Дышали люди паром,
А я протягивал ремень
Смешливым санитарам.

Я вроде их благодарю,
Взяв лучший из жгутов:
«Вяжите руки, — говорю, —
Я здесь на всё готов!»

Я злую ловкость ощутил
И прыгнул, как моран,
И фельдшер еле защитил
Рентгеновский экран.

Никто мне рук вязать не стал,
Лишь хмыкнули с ухмылкой.
Тогда я дико заорал:
«Бегите за бутылкой!»

Вдруг словно кануло во мрак
Всё сборище врачей,
Жар от меня струился, как
От доменных печей.

И горлом кровь, и не уймешь, —
Залью хоть всю Россию.
И крик: «На стол его, под нож!
Наркоз, анестезию!»

Я б мог, когда б не глаз да глаз,
Всю Землю окровавить.
Жаль, что успели медный таз
Не вовремя подставить.

Я понукал себя: «Трави,
Утрись, утрой усилья,
В моей запекшейся крови
Кой-кто намочит крылья,

Увязнет по уши, я вновь
Травлю, но иглы вводят
И льют искусственную кровь, —
Та горлом не выходит.

Я спал на сгибе бытия,
На полдороге к бездне,
И вся история моя —
История болезни.

Мне шею обложили льдом,
Позывы стали реже,
Я усмехаюсь красным ртом,
Как клоун на манеже.

Но анестезиолог смог —
Он супермаг и голем,
И газ в мою гортань потёк
Приятным алкоголем.

варианты основной редакции

1 На стене висели в рамах бородатые мужчины.
4 Так что если кто не умер — это всё по их вине.
6—8 И мгновенно отпустило,
Мне сердечное светило
Улыбнулось со стены.
15—16 Мне приятен Склифосовский — основатель института,
Или, вот, товарищ Боткин — он желтуху изобрел.
20 Так упрячет в «жёлтый дом».
21—22 а. В этом доме потаённом
В год и менее того
б. Правда, в этом доме сонном
Нет дурного ничего
25—28 Я здоров, даю вам слово, только здесь не верят слову...
Вновь взглянул я на портреты и ехидно прошептал:
«Если б Кащенко, к примеру, лег здоровым к Пирогову,
Пирогов бы, вероятно, резать Кащенку не стал...»
29—32 Доктор мой — большой педант,
Сдержан он и осторожен:
«Да, вы правы, но возможен
И обратный вариант!»

41—44 Да, мой мозг прогнил на треть!
Ну а вы здоровы разве?
И у вас найдёшь по язве,
Если очень захотеть!»
46—48 Зря мусолим чепуху!
Что мне будет за диагноз,
Отвечай как на духу!»
51 И очёчки на цепочке как бы влагой замутились,

черновик

0 *НОЖ ВСАДИЛ*
40 а. Но на губаёх они!
б. Забудь и извини!
47 И вся история моя —

между 48 и 49:

Очнулся я — на теле швы,
А в теле — мало сил,
И все врачи со мной на вы,
И я с врачами мил.

Нельзя вставать, нельзя ходить,
Молись, что пронесло...
Я здесь баклуш могу набить
Несчётное число!

Мне здесь пролёживать бока
Без всяческих общений,
Моя кишка тонка пока
Для острых ощущений».

55 Вдруг — хвать! — на стол тебя, под нож, —

между 68 и 69:

Адам же Еве яду дал —
Принес в кармане ей:
А искуситель-змей страдал
Гигантоманией.
73—75 У человечества всегда —
То колики, то резь.
Его история — беда,
77 Живёт больное всё быстрей,

В одной из фонограмм а/и зафиксирован вариант, в котором строфы 13—15 идут в начале песни.

примечания

Произведения Владимира Высоцкого печатаются по автографам поэта, хранящимся преимущественно в Российском государственном архиве литературы и искусства и в частных коллекциях (свыше 2000 страниц), а также по фонограммам авторского исполнения из личных коллекций, в том числе и близких друзей автора. В особо оговоренных случаях тексты печатаются по публикации, восходящей к владельцам автографа.

Необходимо отметить, что сам автор за редкими исключениями не готовил свои произведения к печати, а более половины из приведенных в данном сборнике поэтических текстов, (не говоря уж о прозе) не пел для широкой публики, а то и не пел вовсе. Поэтому данные по обнародованию произведения отмечены специальными значками:

* * * — часто исполняемые автором песни, которые можно считать завершенными, сюда же отнесены и те песни, которые автор исполнял не полностью, либо фрагментами, но тексты которых сохранились в автографах;

¤¤¤ — песни, не полностью спетые автором, но не известные в полном варианте;

♦♦♦ — песни, вошедшие в кинофильмы с музыкой на мелодии В.С.Высоцкого, но неизвестные в авторском исполнении;

❖❖❖ — произведения, неизвестные в авторском исполнении, сохранившиеся лишь в автографах, сюда же относятся стихи, которые автор не пел;

✧✧✧ — незавершенные произведения, сохранившиеся лишь в набросках на бумаге.

Поводы, по которым обнародование произведений не произошло, могут быть самыми разными — от цензурных соображений (напомню, что В.С.Высоцкий творил в период советской брежневской цензуры с 1961 по 1980 г.г.) до творческих и т.п.

Принципы выделения основного текста из множества авторских вариантов при использовании достаточного количества существую-

щих методов так или иначе можно окрестить как предпочтения составителя. Впрочем, этот грех не кажется великим, если учесть присутствие параллельных вариантов в данной же книге. В особых случаях, когда текст обыкновенно печатался неверно либо по неизвестным основаниям, указывается источник публикации.

Все **датировки**, за исключением поставленных автором, даются в угловых <...> скобках, так как они поставлены составителем. Основания для датировок следующие: воспоминания современников, авторские интервью и т.п., анализ автографов и фонограмм.

Варианты и другие редакции приводятся в следующих случаях: во-первых, когда речь идет о тексте, сохранившемся только на бумаге и имеющем в последней рукописной редакции варианты строк; во-вторых, когда широко известная песня печатается «вдруг» в другой редакции; в третьих, выбор обусловлен желанием составителя донести наиболее интересные варианты текстов, причем «варианты» типа «будет» и «станет», «гляди» и «смотри», а так же «А она» и «И она» не приводятся.

Во всех текстах и вариантах в угловые скобки <...> взяты сделанные составителем конъектуры (исправления и предположения), в квадратные [...] — слова, строки и строфы, автором зачеркнутые.

«...стих пришел и замысел высок...»

О ФАТАЛЬНЫХ ДАТАХ И ЦИФРАХ (с. 31)

Другие названия: «О цифрах и поэтах», «Песня о поэтах», «О поэтах и кликушах», «Выжившим поэтам», «Друзьям мои — поэтам, или О фатальных датах и цифрах», «Моим друзьям мои — поэтам, или О фатальных датах и цифрах», «О поэтах и о фатальных датах и цифрах», «Песня о поэтах, или О фатальных датах и цифрах», «Песня о фатальных датах и цифрах», «О цифрах», «Поэтам», «Поэтам и кликушам», «Поэтам и прочим, но больше — поэтам».

«Вы были у Беллы?..» (с. 33)

Белла — Б.А.Ахмадулина.

«Препинаний и букв чародей...» (с. 34)

В рукописи вторая строфа следует за третьей, четвертая написана в финале. По всей видимости, обращен к А.Вознесенскому.

ПОСЕЩЕНИЕ МУЗЫ, ИЛИ ПЕСЕНКА ПЛАГИАТОРА (с. 35)

Другие названия: «Песенка плагиатора, или Посещение музы», «Песенка о муках творчества, или Посещение музы», «Песенка плагиатора», «Посещение музы, или Вопль плагиатора», «Поэта осенило». Иногда носила подзаголовок «История Остапа Бендера».

«...я к микрофону встал, как к образам...»

ПЕВЕЦ У МИКРОФОНА (с. 45)

Другие названия: «Песня певца у микрофона».

«Пародии делает он под тебя...» (с. 54)

Написано, вероятно, после не понравившейся В.Высоцкому пародии Г.Хазанова в спектакле А.Хайта.

«...моя граница — занавес кулисы...»

«То светлеет на душе, а то туманится...» (с. 60)

Текст восстановлен К.Ласкари.

<К 100-МУ СПЕКТАКЛЮ «ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ СЕЗУАНА»> (с. 62)

Написаны по мотивам текста пьесы Б.Брехта. 100-й спектакль состоялся 22 марта 1965 г. Посвящения — актерам Театра на Таганке, игравшим в спектакле.

<К 50-ЛЕТИЮ В.В.ФРОЛОВА> (с. 67)

Текст печатается по автографу на афише, подаренной театральному критику В.Фролову актерами театра на Таганке.

<К 50-ЛЕТИЮ Ю.П.ЛЮБИМОВА> (с. 68)

На юбилее Ю.П.Любимова (30 сентября 1967 года) не исполнялись. <1> — парафраз песни «Все выше и выше, и выше»; <2> — на мотивы спектакля «Послушайте» по стихам В.В.Маяковского; <3> — на основе песни А.Н.Вертинского, использованной в спектакле «10 дней, которые потрясли мир»; <4> — на основе монолога Хлопуши из поэмы «Пугачев» С.А.Есенина.

<К 40-ЛЕТИЮ О.Н.ЕФРЕМОВА> (с. 71)

В тексте обыгрываются роли О.Ефремова в театре и в кино.

«И в Дубне, и на Таганке что-то ставят, что-то строят...» (с. 72)

Текст печатается по записи в дневниках актера театра на Таганке Валерия Золотухина.

<ТЕКСТЫ ДЛЯ КАПУСТНИКА К ПЯТИЛЕТИЮ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ> (с.73)

Как следует из дневника В.Золотухина, на пятилетии театра на Таганке 23 апреля 1969 года В.Высоцкий отсутствовал, таким образом, капустник не осуществился. Тексты капустников сделаны на основе песен и номеров из спектаклей театра на Таганке: <1> — на мотив песни «День святого никогда» из сп. «Добрый человек из Сезуана»; <2> — на мотив песни из сп. «10 дней...»; <3> — на основе стихов из сп. «Антимиры»; <4> — на мотив песни «Дорога» по стихам Б.Слуцкого из сп. «Павшие и живые»; <5> — по стихам В.Маяковского из сп. «Послушайте»; <6> — на мотив песни «Ох, как в третьем отделеньи...» из сп. «10 дней...»; <7> — на мотивы куплетов В. Высоцкого «Андрей! Кузьма!..» из сп. «Пугачев».

<К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ В.ПЛУЧЕКА> (с. 78)

С главным режиссером театра Сатиры В.Плучеком В.Высоцкого связывала постановка спектакля «Последний парад», к которой им были написаны песни.

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ Н.ШАЦКОЙ (с. 80)

Шацкая Нина Сергеевна — в описываемое время жена В.Золотухина, актриса театра на Таганке.

Текст печатается по записи в дневниках актера театра на Таганке Валерия Золотухина.

<ЧАСТУШКИ К 8-ЛЕТИЮ ТЕАТРЕ НА ТАГАНКЕ> (с. 85)

В тексте упоминаются спектакли театра на Таганке: «Живой», «Берегите Ваши лица», «Мастер и Маргарита», «Как господин Мокинпотт от своих злосчастий избавился», а также не поставленная на Таганке пьеса П.Вайса «Марат-Сад». Гинзбург — переводчик пьесы.

<ТЕАТРУ «СОВРЕМЕННИК»> (с. 87)

Написано по поводу юбилея московского театра «Современник». Согласно воспоминаниям А.Демидовой, на празднике театра «Современник» в апреле 1974 года В.Высоцкий читал это стихотворение.

«Вечные живые», «Два цвета» — спектакли театра. **«Яр», «Пекин»** — гостиницы с ресторанами в Москве; в концертном зале гостиницы «Советская» — в «Яре» размещался театр «Современник», после был переведен на пл. Маяковского, вблизи гостиницы «Пекин». ***Галя*** — Г.Волчек, главный режиссер театра, ***Лелик*** — О.Табаков.

ТЕАТРАЛЬНО-ТЮРЕМНЫЙ ЭТЮД НА ТАГАНСКИЕ ТЕМЫ (с. 88)

«Кони» («Деревянные кони»), «Пелагея», «Живой», «Добрый человек <из Сезуана>» — спектакли театра на Таганке. ***Абрамов и Можаич*** — писатели Ф.Абрамов и Б.Можаев. ***Ах, Зина! Жаль не склеилась семья*** — актриса Зинаида Славина играла роль Шен Те в спектакле «Добрый человек из Сезуана», в котором В.Высоцкий играл роль Янг Суна, ее жениха. ***И жаль мне, что Гертруда — мать моя,// И что не мать мне — Василиса-Алла.*** — актриса Алла Демидова играла в сп. «Гамлет» Гертруду, а в сп. «Деревянные кони» — Василису Мелентьевну.

<НАДПИСЬ НА АФИШЕ СПЕКТАКЛЯ «ДЕРЕВЯННЫЕ КОНИ» — И.БОРТНИКУ> (с. 91)

Печатается по тексту интервью с И.Бортником в книге «Живая жизнь», — М., 1992.

«...много взлетов и падений испытал киноактер...»

<НАДПИСЬ НА ФОТОГРАФИИ С ЭПИЗОДОМ ИЗ ФИЛЬМА «Я РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА»> (с. 105)

Фотография утеряна, текст восстановлен А.Д.Евдокимовым.

<НАДПИСЬ В КНИГЕ «СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА» — В.СМЕХОВУ> (с. 106)

В книге с текстом сценария приведены две фотографии с В.Смеховым — сцены из фильма, на одной из них — с усами, на другой — без.

ПРО ДЖЕЙМСА БОНДА (с. 107)

Другие названия: «Песня про Джеймса Бонда», «Песня про Джеймса Бонда, агента 007», «Песня про Джеймса Бонда. Начало», «Песня про Джеймса Бонда, про агента 007», «Песня про Джеймса Бонда, или Агент 07», «Как они у нас».

ПЕСНЯ КИНОАКТЕРА (с. 115)

Написана для спектакля Театра-студии Киноактера «Десять звезд», не вошла. Другое название: «Песня киноартиста».

БРАТЬЯМ ВАЙНЕРАМ (с. 117)

Тексты написаны специально к творческому вечеру братьев Вайнеров, авторов сценария фильма «Место встречи изменить нельзя».

«...мой друг, мой самый друг...»

«В холода, в холода...» (с. 125)

Написана для фильма «Я родом из детства» (1966).

«Вот и разошлись пути-дороги вдруг...» (с. 127)

Написана для фильма «Карантин» (1969), в фильм не вошла.

«Нет друга, но смогу ли...» (с. 130)

Из радиоспектакля «Зеленый фургон».

НА СМЕРТЬ ШУКШИНА (с. 131)

В единственной известной фонограмме а/и зафиксирован текст без 6 и 10 строфы, в других фонограммах содержатся лишь цитирования автором начальных строф текста. Другие названия: «Памяти Василия Шукшина», «Памяти Шукшина».

Впервые: *Метрополь, 1978 г.*

«Сколько вырвано жал...» (с. 135)

Написан на мотив песни «Внученьки» Александра Вертинского, вероятно, по поводу рождения у Марианны Вертинской (в то время жены Б.Хмельницкого) дочери. В автографе слово «внученьки» написано три раза, видимо, по ошибке.

«...в привычные рамки не лез...»

Я НЕ ЛЮБЛЮ (с. 143)

Вошла в спектакль московского театра «Современник» «Свой остров», (1971).

НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ (с. 147)

Другие названия: «Песня о слухах», «Песня о сплетнях», «Слух», «Про сплетни», «Нет меня — я покинул Расею».

«Мне в душу ступит кто-то посторонний...» (с. 148)

<в> сто <раз> — в автографе, вероятно, описка: «стократ».

«Запомню, оставлю в душе этот вечер...» (с. 149)

В 1971 году предлагалась автором в картину «Неизвестный, которого знали все» («Укртелефильм»), не вошла.

МАСКИ (с. 154)

Другие названия: «На маскараде», «Лермонтов на маскараде», «Песня о масках», «Маскарад».

СЛУЧАЙ (с. 167)

Другие названия: «Приключение», «Путешествие в прошлое».

Я К ВАМ ПИШУ (с. 176)

В фонограммах зафиксировано цитирование автором 2-х строк из этого стихотворения:

Спасибо вам, мои корреспонденты,
Что вы неверно поняли меня!

«Я бодрствую, но вещий сон мне снится...» (с. 178)

Написано, видимо, после статей в местной и центральной прессе, тенденциозно освещающих гастроли В.С.Высоцкого в Новокузнецке в феврале 1973 г. и в связи с возбуждением уголовного дела за «левые» концерты.

Я ИЗ ДЕЛА УШЕЛ (с. 179)

Другие названия: «Я ушел».

«Штормит весь вечер, и пока...» (с. 188)

Имела название «Шторм».

«Копошатся, а мне невдомек...» (с. 190)

Данная подборка черновиков объединена составителем на основе характера текстов — все они на одну тему.

СЕДЬМАЯ СТРУНА (с. 192)

Текст печатается по восходящей к автографу публикации во II томе «Владимир Высоцкий. Песни и стихи.» (изд. «Литературное Зарубежье», Нью-Йорк, 1986). Согласно комментариям из этой книги, пес-

ня написана на музыку К.Казанского, как лейтмотив к многосерийному т/ф «Седьмая струна» о первой русской эмиграции: только русская гитара имеет 7 струн, — покинув Россию, эмигранты не находят эту седьмую струну.

ПЕСНЯ МУЖИКОВ (с. 209)

Из спектакля по поэме С.Есенина «Пугачев» (1967). Текст печатается по сценарию спектакля.

КУПОЛА РОССИЙСКИЕ (с. 211)

Написана для кинофильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (1975), в фильм не вошла. Другие названия: «Песня о России», «Купола».

«Мне, может, крикнуть хочется, как встарь...» (с. 213)

Написано на одном листе с набросками к песне «Разбойничья».

РАЗБОЙНИЧЬЯ (с. 214)

Написана для кинофильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (1975), в фильм не вошла. Другое название: «Сколь веревочка не вейся».

ВРЕМЕННЫЕ, СЛАЗЬ! (с. 216)

Из спектакля театра на Таганке по одноименной книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (1965).

ПЕСНЯ МАТРОСА (с. 217)

Из спектакля театра на Таганке по одноименной книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (1965).

«В куски// Разлетелася корона...» (с. 218)

Из спектакля театра на Таганке по одноименной книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (1965).

ПОЖАРЫ (с. 220)

Написана для фильма «Забудьте слово смерть» (1979), не вошла.

ПЕСНЯ САНЬКИ (с. 222)

Написана для фильма «Интервенция» (1967), в фильм не вошла.

ПЕСНЯ БРОДСКОГО (с. 223)

Из фильма «Интервенция» (1967). В фильм вошла с музыкой С.Слонимского. Другое название: «Баллада о деревянных костюмах».

<ПЕСНЯ ИНВАЛИДА> (с. 227)

Написано для сценария фильма «Зеленый фургон», фильм по совместному сценарию И.Шевцова и В.Высоцкого не был снят.

<ОДЕССКИЕ КУПЛЕТЫ> (с. 229)

Написано, вероятно, для того же сценария.

ГИМН БУЗОВИКОВ (с. 230)
Из фильма «Наше призвание» (1981).

Цикл песен для музыкального спектакля по книге А.Толстого «Авантюристы» — «Невероятные приключения на волжском теплоходе» (1981). В спектакле звучат на музыку Г.Фиртича.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ХОПКИНСОНА (с. 239)

Переработанный вар. «Колыбельной» 1963 г. (см. третью книгу) ***«Май бэби, бай!» (англ.)*** — спи, мое дитя; ***«Ду ю вонт ту слип?»*** — хочешь спать?

ДУЭТ РАЗЛУЧЕННЫХ (с. 240)

Переработанный вар. песни «Дорога, дорога, счета нет столбам...» (см. первую книгу)

РОМАНС МИССИС РЕБУС (с. 243)

Текст печатается по единственной известной фонограмме а/и 1973 г., последняя строфа — по беловому автографу.

ДУЭТ ШУРЫ И ЛИВЕРОВСКОГО (с. 246)

Текст печатается по единственной известной фонограмме, сделанной в 1973 году для режиссера К.А.Ласкари — постановщика спектакля.

«...что искать нам в этой жизни...»

БЕСПОКОЙСТВО (с. 254)

Другие названия: «Парус», «Парус. Песня беспокойства», «Порвали парус», «Песня про парус». Вошла в документальный фильм «Срочно требуется песня». В авторском исполнении в рефрене слово «каюсь» повторяется три раза.

«Оплавляются свечи...» (с. 259)

Вошла в кинофильм «Дела давно минувших дней» (1973).

«...спасибо, что живой...»

«Мы — просто куклы, но... смотрите, нас одели...» (с. 273)

Текст написан для спектакля «Люди и манекены» (1973), ни в спектакль, ни в фильм с одноименным названием не вошел.

ПЕСНЯ ПОНЕДЕЛЬНИКА (с. 276)

Написана для пьесы «Последний парад» (1968), не вошла.

«...мы тоже дети страшных лет России...»

ПОПУТЧИК (с. 298)

Другие названия: «Песня про попутчика», «Песня про тридцать седьмой год», «Песня про стукача». Во всех авторских исполнениях, кроме относящегося к 1974 году, отсутствуют строки:

И остался я в городе Вологде,
Ну а Вологда — это вона где!

58 статья в сталинском УК — измена Родине.

«У Наполеона Ватерлоо есть, хотя...» (с. 300)

Текст печатается по единственной известной составителю фонограмме, предваряющего песню Ю.Алешковского «Товарищ Сталин».

ЛЕНИНГРАДСКАЯ БЛОКАДА (с. 301)

Бригадмил — бригада содействия милиции.

БАЛЛАДА О ДЕТСТВЕ (с. 304)

Написана на фактическом материале. Предлагалась автором в фильм «Вторая попытка Виктора Крохина», вошла в сокращении в редакцию 1987 года.

ИЗ ДЕТСТВА (с. 309)

Другие названия: «Воспоминание о послевоенной Москве». См. также текст, посвященный К.Ласкари — «А помнишь, Кира, Норочка...» (с. наст. книги)

РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ (с. 319)

Текст печатается по фонограмме авторского исполнения первой редакции текста в начале 1978 года. Вторая редакция, представляющая из себя, возможно, автоцензурный текст для публичных выступлений, несколько раз исполнялась автором в конце 1978 — начале 1979 года в разных по вариантах, что существенно затрудняет выделение основного текста.

ЧАСТУШКИ К СПЕКТАКЛЮ «ЖИВОЙ» (с. 322)

Написаны после одного из запретов спектакля в 1971 году, в качестве замены неразрешаемых цензурой частушек. В спектакль не вошли.

ЧЕТЫРЕ («Волна на волну находила...») (с. 326)

Самая ранняя песня В.Высоцкого, написанная, судя по всему, сразу же после одноименной легендарной эпопеи — в марте 1960 года. Другое название: «Сорок девять».

«Парня спасем, парня в детдом...» (с. 332)

Написана после знакомства с актером Театра на Таганке Н.Губенко.

«А люди все роптали и роптали...» (334)

Впервые: *Метрополь*, 1978 г.

«Вот и кончился процесс...» (с. 335)

Написано, вероятно, в последний день процесса над писателями А.Синявским и Ю.Даниэлем, которые опубликовали свои произведения за рубежом.

«Подымайте руки, в урны суйте...» (с. 338)

В рукописи зачеркнуто.

МОСКВА — ОДЕССА (с. 340)

Фрагмент песни с началом «На Север вылетаю из Одессы» вошел в пьесу А.Штейна «Последний парад» и в одноименный спектакль московского театра Сатиры. Другие названия: «Мне туда не надо», «Об аэропортах».

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ — ВСЕ ТАК ЖЕ (с. 342)

Другие названия: «Десять лет. Юбилейная песня».

1. «Муру на блюде доедаю подчистую...»
2. «Я был завсегдатаем всех пивных...»
3. «В стране с таким народонаселеньем...»

Все эти фрагменты очень близки по размеру и тематике, а кроме того, по свидетельству Бориса Акимова, работавшего с архивом Владимира Высоцкого еще при его жизни, автор говорил о первом тексте, что это кусок незавершенной поэмы. Анализ текстов дает составителю некоторые основания полагать, что второй и третий тексты, вероятно, так же являются фрагментами поэмы.

«...я б отсюда в тапочках в тайгу бежал...»

«А меня тут узнают...» (с. 368)

Написано в одном блокноте с «Повестью о дельфинах и психах».

«Короткие, как пословицы...» (с. 369)

Написано в одном блокноте с «Повестью о дельфинах и психах».

«Вот в плащах, подобных плащпалаткам...» (с. 376)

Слово «остатком» в автографе написано через «а» — остаткам.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ (с. 384)

«Never more!» — Больше никогда! *(англ.)*

проза

ПАРУС (с. 397)

Записан в блокноте 1971 года, в которой расположен перед песней «Я несла свою беду...» Та, в свою очередь, нап. в одно время со стихотворением на смерть погибших 30 июня космонавтов В.Волкова, Г.Добровольского и В.Пацаева — «Я б тоже согласился на полет...»

<В САМОЛЕТЕ> (с. 398)

Анализ почерка и бумаги показывает, произведение написано в период конца 1979 — 1980 гг. Французские водяные знаки на бумаге позволяют предположить, что либо во Франции, либо — на что

указывает сам рассказ — во время полета туда или оттуда. Последнее пребывание В.В. во Франции в 1979 г. относится к декабрю. Ко времени следующего визита В.В. во Францию (май 1980 г.) почерк его, судя по рукописям, несколько изменился.

<ФОРМУЛА РАЗОРУЖЕНИЯ> (с. 399)

Написано на той же бумаге и теми же чернилами, что и наброски к песне «Я изучил все ноты от и до...» В марте 1972 г. в домашней записи у А.Скосырева зафиксирован устный рассказ на эту же тему:

...Он вернулся из заключения, он учился в восьмом классе школы рабочей молодежи. И из алгебры, из литературы, русского языка, из синтаксиса составил Формулу разоружения.

Пришел он сначала в Кремль и сказал, что вот, мол, придумал формулу и... Ему говорят:

— Зачем? — говорят, — вы... Не надо... Вы пойдите в Комитет госбезопасности, там... — прочее.

Он пошел. Но его оттуда, конечно, выгнали, сразу же выяснили, кто он такой и что, и за ним сразу же приехала «Скорая помощь».

А когда несколько раз приезжали санитары, он — то закроет дверь, то еще чего... А тут оставили дверь открытой, вошли два здоровенных лба и врач, очень милая женщина.

— Здрасьте, мы — из домика Чехова, — она ему сказала.

Он говорит:

— Садитесь, пожалуйста... Кто это? — показывает на стену, на портрет.

А она говорит:

— Ну, вероятно, это Герцен...

Он говорит:

— Вы ошибаетесь. А это кто?

Еще кого-то назвала.

— Нет, это Павлов. В молодости, — и смотрит на них, потом говорит:

— Я все понял. Вы, вероятно, не из домика Чехова...

И тут она сделала знак, и один амбал скрутил этого мужика. А он кричал:

— Сволочи! За науку!..

И его унесли.

Но когда он приехал в больницу, он очень быстро пришел в себя.

Затерроризировал всю палату, потому что он приблатненный был человек. Ему приносили еду и говорили, что не из дому.

Он не принимал из дому, он хотел здесь новые порядки установить. Все его передачи поделили на всю палату. Он писал: «Мать, я тут навел порядок. Теперь нам всем дают колбасу, всем по два кусочка, и я доберусь...» Воевал. Я его потом потерял из виду, он смешной человек был.

А формулу разоружения он придумал, там алгебра была: «2Х синус», что-то еще с делением всевозможным.

О ДЕЛЬФИНАХ И ПСИХАХ (с. 401)

Написано в санаторном отделении московской психиатрической больницы № 8 им. З.П.Соловьева. Согласно дневникам В.Золотухина, последний читал текст «Репортажа из сумасшедшего дома» 10 марта 1968 года.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО, ВОШЕДШИХ В НАСТОЯЩЕЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

«А в двенадцать часов людям хочется спать...»[1]	I[2]	73[3]	463[4]
«А люди все роптали и роптали...»	IV	334	515
«А меня тут узнают...»	IV	368	
«А мы живём в мертвящей пустоте...»	IV	356	527
«А ну, отдай мой каменный топор...»	I	287	506
«А ну-ка, пей-ка, кому не лень!..»	I	185	490
«А помнишь, Кира, Норочка...»	IV	139	
«Аппарат и наметанный глаз...»	III	367	550
«А пулемёт нанизывал десант...»	II	111	
«А репродуктор все кричал, что немец — зверь...»	II	130	
«А у дельфина взрезано брюхо винтом...»	IV	254	
«Ай не стойте в гордыне...»	I	243	
«Андрей, Кузьма!..»	IV	209	471
«Ах! В поднебесьи летал...»	I	241	
«Ах, время, как махорочка...»	IV	309	505
«Ах, дороги узкие...»	III	264	507
«Ах, как тебе родиться пофартило...»	IV	92	
«Ах, милый Ваня, я гуляю по Парижу...»	III	250	504
«Ах, на кого я только шляп не надевал...»	III	174	
«Ах, откуда у меня грубые замашки...»	IV	193	465
«Ах, порвалась на гитаре струна...»	IV	192	
«Ах, проявите интерес к моей персоне...»	III	175	
«Баю-баю-баюшки-баю...»	III	171	
«Без запретов и следов...»	II	192	510
«Без ярких гирлянд и без лавров...»	II	181	
«Благодать или благословенье...»	I	131	
«Благословенная Богом страна...»	III	255	

[1] первая строка произведения
[2] книга
[3] номер страницы
[4] номер страницы варианта

«Богиня! Афродита!..»	IV	246	487
«Бродят// По свету люди// разные...»	I	316	
«Бросьте скуку, как корку арбузную...»	II	79	478
«Будильник взвыл...»	IV	287	
«Будут и стихи и математика...»	III	186	480
«Бывало, Пушкина читал всю ночь до зорь я...»	III	43	414
«Была пора — я рвался в первый ряд...»	IV	152	457
«Было так: я любил и страдал...»	I	327	513
«Был побег на рывок...»	IV	316	508
«Был развесёлый розовый восход...»	II	244	
«Был шторм, канаты рвали кожу с рук...»	II	220	515
«Быть может, о нем не узнают в стране...»	III	339	
«В Азии, в Европе ли...»	I	381	526
«В Африке, в районе Сенегала...»	I	334	
«В белье плотной вязки...»	I	374	525
«В голове моей тучи безумных идей...»	II	293	562
«В государстве, где все тихо и складно...»	III	35	
«В далеком созвездии Тау Кита...»	III	333	541
«В день, когда мы, поддержкой земли заручась...»	II	239	528
«В дорогу — живо! Или — в гроб ложись...»	II	123	488
«В желтой жаркой Африке...»	III	300	515
«В желтом лимузине...»	I	311	
«В забавах ратных целый век...»	II	27	456
«В заповеднике (вот в каком — забыл)...»	III	303	516
«В заповедных и дремучих страшных Муромских лесах...»	III	37	413
«В который раз лечу Москва — Одесса...»	IV	340	517
«В куски// Разлетелася корона...»	IV	218	478
«В Ленинграде-городе, у Пяти Углов...»	III	244	
«В младенчестве нас матери пугали...»	IV	314	507
«В Москву я вылетаю из Одессы...»	IV	78	
«В нас вера есть и не в одних богов...»	II	323	573
«В наш тесный круг не каждый попадал...»	I	75	
«В одной державе с населеньем...»	III	109	447
«В Пекине очень мрачная погода...»	I	139	468
«В плен — приказ: не сдаваться! — они не сдаются...»	II	97	
«В порт не заходят пароходы...»	I	371	525
«В прекрасном зале Гранд-Опера...»	I	297	
«В ресторане по стенкам висят тут и там...»	II	159	497

«В сон мне — жёлтые огни...» II 374 589
«В Средней Азии — безобразие...» I 137
«В стае диких гусей был второй...» III 298 512
«В стране с таким народонаселеньем...» IV 350 526
«В суету городов и в потоки машин...» II 70
«В тайгу!// На санях, на развалюхах...» IV 226
«В тиши перевала, где скалы ветрам не помеха...» II 83 479
«В томленьи одиноком...» I 325
«В тот вечер я не пил, не пел...» I 35
«В Тридевятом государстве...» III 57
«В тюрьме Таганской нас стало мало...» I 117
«В холода, в холода...» IV 125 452
«В царстве троллей — главный тролль...» III 55 417
«В энском царстве жил король...» III 52
«В этом доме большом раньше пьянка была...» I 53
«В этот день мне так не повезло...» IV 73
«Вагоны всякие...» IV 224 481
«Ваня вышел на другие круги...» IV 91
«Вдоль обрыва по-над пропастью по самому по краю...» II 367 587
«Вдох глубокий, руки шире...» II 261 536
«Вдруг словно канули во мрак...» IV 390
«Весна еще в начале...» I 94 466
«Видно, не в стезе, не в полосе я...» I 184
«Видно, острая заноза...» IV 322 514
«Вновь меня потянуло на сказки...» III 49
«Во груди душа словно ёрзает...» III 85
«Во хмелю слегка, лесом правил я...» II 377 590
«Водой наполненные горсти...» II 125
«Возвратился друг у меня...» II 348
«Возвращаюсь я с работы...» I 289 507
«Возле города Пекина...» I 142 469
«Войны и голодухи натерпелися мы всласть...» IV 216
«Волна на волну находила...» IV 326
«Вот в набат забили...» II 169 501
«Вот в плащах, подобных плащпалаткам...» IV 376
«Вот главный вход, но только вот...» I 43
«Вот вы докатились до сороковых...» IV 71
«Вот и кончилось всё, продолжения жду...» I 348
«Вот и кончился процесс...» IV 335 517
«Вот и настал этот час опять...» I 317 511

«Вот и разошлись пути-дороги вдруг...»	IV	127	
«Вот некролог, словно отговорка...»	II	215	515
«Вот послал Господь родителям сыночка...»	II	232	522
«Вот пришла лиха беда...»	III	83	425
«Вот раньше жизнь: и вверх, и вниз...»	I	97	467
«Вот твой билет, вот твой вагон...»	III	233	499
«Вот что://Жизнь прекрасна, товарищи...»	I	87	465
«Вот это да, вот это да!..»	III	235	500
«Вот я вошёл и дверь прикрыл..»	IV	112	448
«Враньё, ворьё, не верь...»	I	78	
«Все года и века, и эпохи подряд...»	II	325	573
«Все должны до одного...»	III	154	473
«Всему на свете выходят сроки...»	II	241	529
«Все мы чьи-то племянники...»	I	204	
«Все срока уже закончены...»	II	78	478
«Всего лишь час дают на артобстрел...»	II	101	480
«Всего один мотив...»	I	279	506
«Всё было не так, как хотелось вначале...»	I	323	
«Всё меньше вас, участники войны...»	II	163	
«Всё позади: и КПЗ, и суд...»	I	109	
«Всё с себя снимаю — слишком душно...»	IV	280	501
«Всё, что сумел запомнить, я сразу перечислил...»	II	334	
«Всё, что тривиально и все, что банально...»	IV	241	486
«Вставайте, вставайте, вставайте...»	IV	68	
«Всю войну под завязку...»	II	145	495
«Всю Россию до границы...»	IV	217	
«Всю туманную серую краску...»	III	136	
«Вцепились они в высоту, как в свое...»	II	105	481
«Вы были у Беллы?..»	IV	33	
«Вы в огне да и в море вовеки не сыщете брода...»	II	231	521
«Вы мне не поверите и просто не поймете...»	III	331	
«Вы учтите, я раньше был стоиком...»	I	274	505
«Выходи! Я тебе посвящу серенаду!..»	III	76	421
«Гадала мне старуха на французском языке...»	I	361	
«Где девочки? Маруся, Рая, Роза?..»	IV	229	482
«Где твои семнадцать лет?..»	I	51	
«Где-то дышит женщина — нежно, привлекательно...»	III	253	
«Говорили игроки...»	I	187	490

«Говорят, арестован...»	I	91	466
«Говорят в Одессе дети...»	I	163	
«Говорят, лезу прямо под нож...»	I	65	
«Гололед на земле, гололед...»	I	369	525
«Город уши заткнул и уснуть захотел...»	I	64	
«Горю от нетерпения...»	III	163	
«Граждане, ах, сколько ж я не пел, но не от лени...»	IV	119	450
«Граждане! Зачем толкаетесь...»	II	189	509
«Грезится мне наяву или в бреде...»	II	213	
«Гром прогремел, золяция идет...»	I	68	
«Грустно — едет на курорт никак...»	IV	134	
«Грязь сегодня еще непролазней...»	III	316	523
«Гули-гули-гуленьки...»	I	246	501
«Да, сегодня я в ударе, не иначе...»	II	299	565
«Давайте я спою вам в подражанье рок-н-роллу...»	IV	292	502
«Давно, в эпоху мрачного язычества...»	I	219	497
«Давно смолкли залпы орудий...»	II	165	
«Давно я понял: жить мы не смогли бы...»	I	118	
«Даёшь пять лет! Ну да, короткий срок...»	IV	77	442
«Дайте собакам мяса...»	I	124	
«Дамы, господа! Других не вижу здесь...»	III	245	501
«Дела //Меня замучили дела — каждый день...»	I	321	512
«Десять тысяч — и всего один забег...»	II	270	539
«Деятели спорта и культуры...»	II	288	
«Для меня эта ночь вне закона...»	I	354	519
«До мильона далеко...»	III	155	474
«До нашей эры соблюдалось чувство меры...»	I	69	
«Добра тебе много...»	III	283	
«Догонит ли в воздухе — или шалишь...»	III	152	
«Долго же шел ты в конверте, листок...»	II	327	575
«Долго Троя в положении осадном...»	III	119	451
«Дорога, дорога, счёта нет столбам...»	I	313	510
«Дорога сломала степь напополам...»	IV	240	485
«Дорогая передача!..»	III	326	529
«Друг в порядке — он, словом, при деле...»	II	349	581
«Дурацкий сон, как кистенём...»	IV	160	459
«Едешь ли в поезде, в автомобиле...»	II	195	510

«Если б водка была на одного...»	I	47	
«Если болен морально ты...»	IV	65	
«Если бы спросили вас о том...»	II	55	
«Если всё — и спасенье в ноже...»	IV	371	
«Если где-то в чужой, неспокойной ночи...»	II	82	
«Если друг оказался вдруг...»	II	64	473
«Если нравится — мало?...»	I	312	
«Если рыщут за твоею...»	II	29	457
«Если я богат, как царь морской...»	I	349	519
«Есть всегда и стол, и кров...»	IV	370	
«Есть мениски, вывихи и шалит аорта...»	II	282	549
«Есть на земле предостаточно рас...»	I	141	468
«Есть телевизор, подайте трибуну...»	I	159	482
«Есть у всех: у дураков...»	I	201	
«Ещё асфальт не растопило...»	III	261	507
«Ещё бы не бояться мне полетов...»	IV	342	518
«Ещё ни холодов, ни льдин...»	IV	131	452
«Жан, Жак, Гийом, Густав...»	I	174	488
«Живет живучий парень Барри...»	II	41	463
«Живет на свете человек...»	IV	136	
«Живу я в лучшем из миров...»	II	50	472
«Жизни после смерти нет...»	III	59	
«Жизнь оборвёт мою водитель-ротозей...»	I	218	
«Жил-был добрый дурачина-простофиля...»	III	53	416
«Жил-был один чудак...»	IV	186	462
«Жил-был// учитель скромный Кокильон...»	III	225	493
«Жил-был человек, который очень много видел...»	I	333	
«Жил я славно в первой трети...»	III	106	435
«Жил я с матерью и батей...»	II	99	
«Жили-были в Индии с самой старины...»	III	293	
«Жили-были на море...»	II	255	533
«Жора и Аркадий Вайнер...»	IV	120	450
«За меня невеста отрыдает честно...»	I	111	468
«За нашей спиною...»	II	108	484
«За окном—// Только вьюга, смотри...»	IV	346	
«За тобой еще нет...»	III	183	
«Заживайте, раны мои...»	III	102	429
«Заказал я два коктейля...»	I	209	
«Заказана погода нам Удачею самой...»	II	235	527
«Замок временем срыт и укутан, укрыт...»	II	25	455

«Запоминайте://Приметы это суета...»	II	48	467
«Запомню, оставлю в душе этот вечер...»	IV	149	
«Запретили все цари всем царевичам...»	III	42	
«Зарыты в нашу память на века...»	II	167	501
«Застряли в лифте четверо соседей...»	IV	286	
«Зачем мне считаться шпаной и бандитом...»	IV	330	515
«Здесь вам не равнина, здесь климат иной...»	II	65	474
«Здесь лапы у елей дрожат на весу...»	I	357	521
«Здесь сидел ты, Валет...»	I	83	465
«Здравствуй, Коля, милый мой, друг мой ненаглядный!..»	I	299	
«Здравствуй, «Юность», это я...»	I	281	506
«Здравствуйте!//Наши добрые зрители...»	I	81	464
«Змеи, змеи кругом, будь им пусто...»	III	291	509
«Знаю// Когда по улицам, по улицам гуляю...»	I	45	
«Зря ты, Ванечка, бредешь...»	I	248	502
«И в Дубне, и на Таганке что-то ставят...»	IV	72	
«И вкусы, и запросы мои странны...»	IV	105	467
«И вот когда мы к несогласию пришли...»	I	41	
«И дошёл же татарчонок...»	III	353	
«И душа, и голова, кажись, болит...»	IV	364	528
«И кто вы суть, безликие кликуши...»	III	275	508
«И любовные узы...»	I	335	
«И не пишется, и не поётся...»	IV	37	
«И отец давал ему отцовского пинка...»	II	160	
«И приехал в Анадырь...»	II	339	
«И пробил час, и день возник...»	III	130	
«И сегодня, и намедни...»	IV	74	
«И с нашей мощной стартовой площадки...»	IV	339	
«И снизу лед, и сверху — маюсь между...»	I	366	525
«И фюрер кричал, от завода бледнея...»	II	94	
«Из класса в класс мы вверх пойдем, как по ступеням...»	IV	230	483
«Из фильма «Я родом из детства...»	IV	105	
«Из-за гор — я не знаю, где горы те...»	III	115	450
«Икона висит у них в левом углу...»	IV	337	
«Истома ящерицей ползает в костях...»	IV	257	489
«Их восемь — нас двое. Расклад перед боем...»	II	139	
«Каждому хочется малость погреться...»	III	325	
«Каждый год в январе, в одинаковый день...»	IV	126	

«Как заарканенный...»	II	119	
«Как в селе Большие Вилы...»	III	62	
«Как в старинной русской сказке — дай бог памяти!..»	III	97	
«Как во городе во главном...»	I	343	516
«Как во смутной волости...»	IV	214	475
«Как все мы веселы бываем и угрюмы...»	IV	223	480
«Как всё <это>, как всё это было...»	I	328	
«Как да во лесу дремучем...»	III	74	420
«Как зайдешь в бистро-столовку...»	III	284	
«Как засмотрится мне нынче, как задышится...»	IV	211	473
«Как ныне сбирается Вещий Олег...»	III	117	451
«Как по Волге-матушке, по реке-кормилице...»	IV	223	483
«Как призывный набат, прозвучали в ночи тяжело шаги...»	II	75	476
«Как спорт — поднятье тяжестей не ново...»	II	266	536
«Как счастье зыбко...»	I	330	515
«Как тесто на дрожжах, растут рекорды...»	II	281	549
«Как тут быть — никого не спросить...»	III	50	
«Как хорошо ложиться одному...»	I	55	
«Как-то вечером патриции...»	I	291	508
«Как-то раз, цитаты Мао прочитав...»	I	145	470
«Какой был бал! Накал движенья, звука, нервов...»	II	127	489
«Какой-то чудак объяснил мне пространно...»	I	388	527
«Камнем грусть висит на мне, в омут меня тянет...»	II	369	588
«Капитана в тот день называли на ты...»	II	252	531
«Катерина, Катя, Катерина...»	I	271	
«Клубу «Вамитяне»...»	IV	50	
«Когда вода Всемирного потопа...»	II	31	458
«Когда лакают// Святые свой нектар...»	III	228	493
«Когда наши устои уродские...»	I	56	
«Когда он, друзья, по асфальту идет...»	I	59	
«Когда провалишься сквозь землю от стыда...»	III	151	470
«Когда пуста казна...»	III	88	427
«Когда я об стену разбил лицо и члены...»	IV	260	494
«Когда я отпою и отыграю...»	IV	184	462
«Когда я спотыкаюсь на стихах...»	II	207	513
«Комментатор из своей кабины...»	II	302	566
«Конец спектакля. Можно напиваться...»	IV	80	
«Кончился срок, мой друг приезжает...»	II	347	

«Копи!// Ладно, мысли свои вздорные копи...»	I	129	
«Копошатся — а мне невдомек...»	IV	190	
«Корабли постоят, и ложатся на курс...»	II	258	
«Король, что тыщу лет назад...»	III	179	
«Короткие, как пословицы...»	IV	369	
«Красивых любят чаще и прилежней...»	I	324	
«Красное, зеленое, желтое, лиловое...»	I	254	
«Кто верит в Магомета, кто — в Аллаха...»	III	347	544
«Кто кончил жизнь трагически, тот истинный поэт...»	IV	31	435
«Кто сказал: «Все сгорело дотла...»	II	85	479
«Кто старше нас на четверть века, тот...»	I	245	501
«Кто с утра сегодня пьян...»	I	54	
«Кто-то высмотрел плод, что неспел, неспел...»	III	219	487
«Куда все делось и откуда что берется...»	I	170	486
«Куда ни втисну душу я, куда себя ни дену...»	II	371	589
«Кузькин Федя сам не свой...»	IV	85	
«Кучера из МУРа укатали Сивку...»	I	115	
«Легавым быть, готов был умереть я...»	IV	88	444
«Лежит камень в степи...»	III	33	
«Лес ушёл, и обзор расширяется...»	III	268	508
«Лихие пролетарии// Закушав водку килечкой...»	III	307	516
«Лошадей двадцать тысяч в машины зажаты...»	II	211	514
«Лукоморья больше нет, от дубов простыл и след...»	III	44	414
«Люблю тебя сейчас...»	I	362	524
«Люди говорили морю: «До свиданья»...»	III	243	500
«Мао Цзедун — большой шалун...»	I	144	469
«Маринка! Слушай, милая Маринка...»	I	356	
«Мать говорила доченьке...»	III	342	
«Машины идут, вот еще пронеслась...»	I	370	
«Меня опять ударило в озноб...»	IV	194	465
«Мерцал закат, как сталь клинка...»	II	71	
«Мест не хватит, уж больно вы ловки...»	IV	235	483
«Миледи. Зря вы обижаетесь на Зайца...»	III	173	478
«Мимо баб я пройти не могу...»	III	51	
«Миф этот в детстве каждый прочел...»	III	125	456
«Мишка Шифман башковит...»	I	167	483
«Мне в душу ступит кто-то посторонний...»	IV	148	

«Мне в ресторане вечером вчера...»	IV	167	459
«Мне бы те годочки миновать...»	I	119	
«Мне каждый вечер зажигают свечи...»	I	347	518
«Мне, может, крикнуть хочется, как встарь...»	IV	213	
«Мне — не-стрелю и акыну...»	III	273	
«Мне приснился сон, будто я — Наполеон...»	IV	159	
«Мне скулы от досады сводит...»	IV	197	465
«Мне снятся крысы, хоботы и черти, я...»	IV	201	466
«Мне судьба — до последней черты...»	IV	207	470
«Мне этот бой не забыть нипочем...»	II	133	491
«Много во мне маминого...»	III	141	466
«Мог бы быть я при тёще, при тесте...»	IV	200	
Может быть, выпив поллитру...»	I	295	
«Может быть, моряком по призванию...»	II	210	
«Может быть, покажется странным кому-то...»	II	178	506
«Мой друг уедет в Магадан...»	II	340	579
«Мой первый срок я выдержать не смог...»	I	122	
«Мой сосед объездил весь Союз...»	I	231	
«Мой чёрный человек в костюме сером...»	IV	195	
«Мосты сгорели, углубились броды...»	IV	252	
«Муру на блюде доедаю подчистую...»	IV	349	526
«Мы бдительны — мы тайн не разболтаем...»	I	162	
«Мы без этих машин, словно птицы без крыл...»	II	182	507
«Мы браво и плотно сомкнули ряды...»	III	178	
«Мы верные, испытанные кони...»	III	295	
«Мы взлетали, как утки, с раскисших полей...»	II	143	495
«Мы вместе грабили одну и ту же хату...»	I	116	
«Мы воспитаны в презреньи к воровству...»	I	165	
«Мы все живем как будто, но...»	IV	255	
«Мы говорим не «шторм», а «шторма»...»	II	233	
«Мы живём в большом селе Большие Вилы...»	II	264	
«Мы из породы битых, но живучих...»	IV	95	446
«Мы искали дорогу по Веге...»	I	114	
«Мы — просто куклы, но смотрите, нас одели...»	IV	273	498
«Мы рвём — и не найти концов...»	III	238	500
«Мы с мастером по велоспорту Галею...»	II	307	567
«На братских могилах не ставят крестов...»	II	164	500
«На голом на плацу, на вахтпараде...»	III	72	419
«На границе с Турцией или с Пакистаном...»	I	314	511
«На дистанции — четвёрка первачей...»	II	275	

«На краю края земли, где небо ясное...»	III	39	413
«На мой на юный возраст не смотри...»	I	76	464
«На острове необитаемом...»	III	302	515
«На реке ль, на озере...»	II	345	580
«На стене висели в рамках...»	IV	388	554
«На стол колоду, господа!» — «Краплёная колода!»...»	I	181	488
«На судне бунт. Над нами чайки реют...»	II	246	530
«На Филиппинах — бархатный сезон...»	II	289	561
«Наверно, я погиб: глаза закрою — вижу...»	I	318	
«Над Шереметьево...»	I	154	476
«Надо с кем-то рассорить кого-то...»	IV	146	
«Нам вчера прислали из рук вон плохую весть...»	I	37	
«Нам говорят без всякой лести...»	I	226	
«Нам ни к чему сюжеты и интриги...»	I	93	
«Нам своих артистов жалко...»	IV	66	
«Напрасно я лицо свое разбил...»	IV	355	527
«Напрасно, парень, за забвением ты шаришь...»	III	230	494
«Напролет целый год — гололед...»	I	319	
«Нараспашку — при любой погоде...»	IV	151	457
«Нас тянет на дно, как балласты...»	II	314	
«Наш киль скользит по Дону ли, по Шпрее...»	I	164	
«Наш Федя с детства связан был с землею...»	III	345	544
«Наши помехи — эпохе под стать...»	III	287	509
«Наши предки — люди темные и грубые...»	III	336	542
«Не бросать! не топтат!...»	I	228	
«Не будь такой послушный и воспитанный я...»	IV	348	
«Не бывает кораблей без названия...»	II	218	
«Не возьмут и невзгоды в крутой оборот...»	IV	145	
«Не впадай не в тоску, ни в азарт ты...»	I	186	490
«Не грусти! // Забудь за дверью грусть...»	II	45	465
«Не гуди без меры, без причины...»	II	194	
«Не давали мне покоя...»	I	268	
«Не делили мы тебя и не ласкали...»	I	253	
«Не дыми, голова трещит!»	II	191	
«Не заманишь меня на эстрадный концерт...»	II	295	
«Не зря лягушата сидят...»	III	170	477
«Не космос — метры грунта надо мной...»	II	312	
«Не могу ни выпить, ни забыться...»	IV	38	
«Не обрывается сказка концом...»	III	180	
«Не однажды встречал на пути подлецов...»	I	39	

«Не отдавайте в физики детей...»	III	351	545
«Не пессимист Вы и не циник...»	IV	67	
«Не печалься, не качайся...»	II	346	
«Не писать мне повестей, романов...»	IV	365	528
«Не пиши мне про любовь — не поверю я...»	I	301	508
«Не покупают никакой еды...»	IV	347	525
«Не сгрызть меня...»	I	244	
«Не хватайтесь за чужие талии...»	II	227	518
«Не чопорно и не по-светски...»	IV	51	
«Небо этого дня...»	II	76	477
«Неважен возраст — все имеют цену...»	II	161	498
«Нежная Правда в красивых одеждах ходила...»	III	134	463
«Неизвестно одной моей бедной мамане...»	IV	171	
«Неправда, над нами не бездна, не мрак...»	II	335	
«Нет друга, но смогу ли...»	IV	130	
«Нет меня — я покинул Расею!..»	IV	147	453
«Нет! Не за тем, что ощущаю лень я...»	IV	39	
«Нет острых ощущений — все старье, гнилье и хлам...»	IV	373	529
«Нет прохода и давно...»	I	220	
«Нет рядом никого, как ни дыши...»	I	353	
«Неужели мы заперты в замкнутый круг...»	I	340	516
«Неужто здесь сошелся клином свет...»	I	40	463
«Ни пуха,// ни пера Касатику...»	III	82	
«Новые левые — мальчики бравые...»	I	178	488
«Ну вот и всё! Закончен сон глубокий!..»	II	216	
«Ну вот, исчезла дрожь в руках...»	II	63	473
«Ну вот, исчезла дрожь в руках...»	II	229	
«Ну о чем с тобою говорить?..»	I	207	
«Ну почему, ну для чего — сюда?...»	II	217	
«Ну разве ж мы, солдатушки, повинны...»	III	79	425
«Нынче мне не до улыбок...»	I	227	
«Нынче он закончил вехи...»	II	263	
«Нынче очень сложный век...»	IIII	363	
«О вкусах не спорят, есть тысяча мнений...»	I	84	
«О нашей встрече — что там говорить...»	I	270	
«Общаюсь с тишиной я...»	IV	382	531
«Общеприемлимые перлы...»	I	358	
«Один смотрел, другой орал...»	I	193	
«Один чудак из партии геологов...»	II	321	571
«Однажды я, накушавшись от пуза...»	III	280	509

«Однако, втягивать живот...»	IV	354	527
«Ожидание длилось...»	III	258	505
«Ой, Вань, смотри, какие клоуны...»	II	358	584
«Ой, где был я вчера — не найду, хоть убей!..»	I	212	493
«Он был хирургом, даже нейро...»	III	359	
«Он вышел — зал взбесился на мгновенье...»	I	385	527
«Он не вышел ни званьем, ни ростом...»	II	355	582
«Он повёл себя не очень благородненько...»	II	56	
«Она была чиста как снег зимой...»	I	239	
«Она на двор — он со двора...»	I	276	506
«Опасаясь контрразведки, избегая жизни светской...»	III	364	549
«Оплавляются свечи...»	IV	259	492
«От границы мы Землю вертели назад...»	II	106	483
«От скушных шабашей смертельно уставши...»	III	47	414
«Отбросив прочь свой деревянный посох...»	II	199	513
«Ответ не сложен...»	I	298	
«Открытые двери больниц, жандармерий...»	III	277	508
«Отпишите мне в Сибирь, я в Сибири...»	IV	380	
«Отплываем в теплый край навсегда...»	II	250	531
«Отпустите мне грехи// Мои тяжкие...»	IV	157	
«Отчего не бросилась, Марьюшка, в реку ты?..»	III	80	425
«Ох инсайд! Для него — что футбол, что балет...»	II	297	562
«Ох, да помогите, помогите, помогите...»	IV	129	
«Ох, ругает меня милка...»	I	225	
«Очень подлинный портрет...»	IV	62	
«Парад-алле! Не видно кресел, мест...»	II	353	
«Парня спасем, парня в детдом...»	IV	332	515
«Пародии делает он под тебя...»	IV	54	440
«Пенсионер Ва<силий> Палыч Кочин...»	II	292	
«Первый был всегда один...»	II	318	
«Переворот в мозгах из края в край...»	III	60	417
«Передо мной любой факир — ну просто карлик...»	I	194	491
«Перед выездом в загранку	I	149	472
«Пишет мне сестричка, только...»	I	120	
«По воде, на колесах, в седле, меж горбов и в вагоне...»	II	311	568
«По переулкам, по переулкам...»	I	46	
«По полю шли три полуидиота...»	III	137	

«По речке жизни плавал честный Грека...»	IV	352	527
«Побудьте день вы в милицейской шкуре...»	I	210	
«Погода славная...»	III	215	484
«Под деньгами на кону...»	I	195	492
«Под собою ног не чую...»	I	221	
«Подумаешь! В семье...»	II	305	
«Подумаешь — с женой не очень ладно!..»	IV	285	
«Подходи, народ, смелее...»	III	90	427
«Подшит крахмальный подворотничок...»	IV	267	496
«Подымайте руки, в урны суйте...»	IV	338	
«Пожары над страной все выше, ярче, веселей...»	IV	220	478
«Позабыв про дела и тревоги...»	I	259	
«Позвольте, значит, доложить...»	II	91	
«Поздно говорить и смешно...»	I	359	521
«Поздравить мы тебя решили...»	I	58	
«Поздравляю вовсю — наповал...»	IV	377	531
«Пока вы здесь в ванночке с кафелем...»	III	358	548
«Полководец с шеею короткой...»	III	123	453
«Полчаса до атаки...»	II	122	488
«Помню, я в «буру», в «очко» и в «стос» тогда играл...»	I	192	491
«Понятье «кресло» — интересно...»	IV	276	501
Пословица звучит витиевато...»	II	329	575
«Послушайте все — Ого-го! Эге-гей!..»	III	159	476
«Посмотришь: сразу скажешь: «Это кит...»	IV	277	501
«Потеряю истинную веру...»	I	138	
«Потихоньку, гады...»	I	191	
«Почему всё не так? Вроде — всё, как всегда...»	II	121	487
«Почти не стало усов и бак...»	IV	279	
«Правда ведь, обидно — если завязал...»	I	77	464
«Представьте: чёрный свет невидим глазу...»	IV	173	
«Препинаний и букв чародей...»	IV	34	
«При всякой погоде...»	II	214	
«При свечах тишина...»	I	339	516
«Приехал в Монако какой-то вояка...»	III	336	
«Приехал я на выставку извне...»	III	254	
«Приподнимем занавес за краешек...»	III	176	478
«Проделав брешь в затишьи...»	III	377	525
«Прожить полвека — это не пустяк...»	IV	64	441
«Произошёл необъяснимый катаклизм...»	II	197	510

«Проложите, проложите...» IV 175 460
«Проскакали всю страну...» IV 227 481
«Протопи ты мне баньку по-белому...» I 127 468
«Профессионалам — зарплата навалом...» II 290 561
«Прохода нет от этих начитанных болванов...» I 147 471
«Прошла пора вступлений и прелюдий...» IV 169 460
«Прошлое пусть останется только здесь...» I 86 465
«Прошу запомнить многих, кто теперь со мной знаком...» III 172 477
«Прошу не путать гусеницу синюю...» III 169 477
«Прошу прощения заране...» I 133
«Пусть в беспорядке волосы в косе...» IV 281
«Пятнадцать лет — не дата, так...» IV 100

«Разбег, толчок И стыдно подниматься...» II 279 547
«Расскажи, дорогой, что случилось с тобой...» II 243 464
«Растревожили в логове старое зло...» II 92 480
«Рвусь из сил и из всех сухожилий...» III 319 524
«Реальней сновидения и бреда...» I 337 515
«Реет// Над темно-синей волной...» IV 243 486
«Рты подъездов, уши арок и глаза оконных рам...» II 187 508
«Рыскают по лесу стаи зверей...» III 313 520
«Рядовой Борисов!» «Я!» «Давай, как было дело!..» I 103

«Сам виноват и слезы лью...» II 175 505
«Сбивают из досок столы во дворе...» II 151 496
«Свет Новый не единожды открыт...» IV 185 462
«Свечи потушите...» IV 266
«Свои обиды каждый человек...» II 69
«Сгорели мы по недоразумению...» I 112
«Себя от надоевшей славы спрятав...» IV 107 446
«Сегодня в нашей комплексной бригаде...» I 203 492
«Сегодня выступал. Один...» IV 49
«Сегодня не боги горшки обжигают...» II 98
«Сегодня не слышно биенье сердец...» II 131 491
«Сегодня я с большой охотою...» I 267 504
«Семь дней усталый старый Бог...» III 221 489
«Сидели, пили вразнобой...» I 211
«Сижу ли я, пишу ли я, пью кофе или чай...» I 304 509

«Сказал себе я: брось писать...»	IV	361	528
«Склоны жизни прямые до жути...»	IV	379	
«Сколько великих выбыло...»	IV	156	
«Сколько вырвано жал...»	IV	135	
«Сколько лет, сколько лет...»	I	208	
«Сколько павших бойцов полегли вдоль дорог...»	II	129	490
«Сколько слухов наши уши поражает...»	IV	283	501
«Сколько чудес за туманами кроется...»	II	319	
«Сколько я, сколько я видел на свете их...»	I	372	
«Скучаю, Ваня, я...»	III	251	
«Слева бесы, справа бесы...»	IV	258	
«Слезливое море вокруг разлилось...»	III	157	
«Словно бритва, рассвет полоснул по глазам...»	III	321	525
«Словно в сказке, на экране...»	IV	155	448
«Служили два товарища...»	IV	106	
«Слухи по России верховодят...»	III	133	
«Слушай, Ваня, хватит спать...»	III	205	
«Слушайте, дайте пройти!..»	II	190	
«Смех, веселье, радость...»	I	38	
Смеюсь навзрыд, как у кривых зеркал ..»	IV	154	458
«Сначала было слово печали и тоски...»	II	257	535
«Снег скрипел подо мной, поскрипев, затихал ..»	I	235	499
«Снег удлинил в два раза все столбы...»	I	376	
«Снова печь барахлит — тут рублей не жалей...»	II	201	513
«С общей суммой шестьсот пятьдесят килограмм...»	II	303	567
«Солдат всегда здоров...»	II	89	479
«Сон мне снится — вот те на...»	III	103	429
«Сорняков, когда созреют...»	IV	311	
«Сочиню сейчас такие вещи...»	IV	41	
«Спасибо вам, мои корреспонденты...»	IV	176	461
«Спасите, спасите! О ужас, о ужас...»	III	158	475
«Спи дитя, май беби, бай...»	IV	239	485
«Средь оплывших свечей и вечерних молитв...»	II	35	463
«Стареем, брат, ты говоришь?»	I	176	
«Стих без гитары — а капелла!...»	IV	52	
«Сто сарацинов я убил во славу ей...»	I	239	508
«< > стою, словно голенький...»	IV	366	
«Стоял тот дом, всем жителям знакомый...»	III	184	479
«Стреляли мы по черепу — на счастье...»	IV	353	
«Схвати судьбу за горло, словно посох...»	IV	138	453

«Схлынули вешние воды...» III 116
«Считай по-нашему, мы выпили не много...» I 216
«Сыт я по горло, до подбородка...» I 48

«Так дымно, что в зеркале нет отраженья...» IV 165 459
«Так оно и есть...» IV 296
«Так случилось — мужчины ушли...» II 80
«Таких имён в помине нет...» III 162
«Такое творится!..» III 249
«Там были генеральши, были жены офицеров...» I 265 504
«Там, у соседа — пир горой...» I 232 498
«Твердил он нам: «Моя она...» I 42
«Темнота впереди — подожди!..» II 84 479
«То бишь о чём? — о невесте я...» I 306 510
«То была не интрижка...» I 272
«То ли — в избу и запеть...» I 351 519
«То светлеет на душе, а то туманится...» IV 60
«Товарищи ученые! доценты с кандидатами...» III 356 546
«Толстушка Мери Энн была...» III 153 472
«Только Венька — нету слов...» IV 81
«Только прилетели — сразу сели...» II 285
«Торопись! Тощий гриф над страною кружит!..» II 28 457
«Торопись указ зачесть...» III 78 423
«Тоска немая гложет иногда...» IV 133
«Тропы еще в антимир не протоптаны...» III 343
«Трубят рога: скорей, скорей!..» II 33 461
«Ты, Дик, — не дик...» IV 137
«Ты думаешь, что мне не по годам...» II 343 580
«Ты, звонарь-пономарь, не кимарь...» III 93
«Ты не вейся, черный ворон...» II 104
«Ты ровно десять пятилеток в драке...» IV 99
«Ты роли выпекала, как из теста...» IV 84
«Ты уехала на короткий срок...» I 255

«У вас всё вместе — и долги и мненье...» IV 110
«У вина достоинства, говорят, целебные...» III 100 429
«Угадаешь ли сегодня, ёлки-палки...» I 57
«У Джимми и Билли всего в изобильи...» III 166
«У домашних и хищных зверей...» III 290
«У Доски, где почетные граждане...» II 154
«У кого на душе только тихая грусть...» I 307

«У кого одни колы...»	III	194	482
«У меня было сорок фамилий...»	I	205	492
«У меня гитара есть — расступитесь стены!..»	I	96	467
«У меня долги перед друзьями...»	I	121	
«У меня друзья очень странные...»	IV	128	
«У меня запой от одиночества...»	III	98	
«У моря, у порта живет одна девчонка...»	IV	222	479
«У Наполеона Ватерлоо есть, хотя...»	IV	300	
«У нас — у всех, у всех, у всех...»	I	199	
«У нас вчера с позавчера шла спокойная игра...»	I	189	
«У неё всё своё — и бельё, и жильё...»	I	303	509
«У неё некрасивые люди...»	I	336	
«У профессиональных игроков...»	IV	251	
«У тебя глаза как нож...»	I	257	
«Удар, удар, еще удар...»	II	272	540
«Упрямо я стремлюсь ко дну...»	IV	268	496
«Усталы по вечернему с утра...»	I	200	
«Уходим под воду в нейтральной воде...»	III	112	485
«Холодно, метет кругом, я мерзну и во сне...»	I	373	
«Хорошо смотреть вперёд...»	III	154	473
«Хорошо, что за рёвом не слышалось звука...»	II	315	
«Хоть бы облачко, хоть бы тучка...»	IV	298	
«Хоть нас в наш век ничем не удивить...»	III	306	516
«Хотя до Малого и МХАТ-ра...»	IV	61	441
«Целуя знамя в пропыленный шёлк...»	III	121	452
«Цыган кричал, коня менял...»	II	370	588
«Час зачатья я помню неточно...»	IV	304	503
«Часов, секунд, минут — нули...»	III	128	457
«Чем и как, с каких позиций...»	II	102	480
«Чем славится индийская культура?..»	III	340	543
«Черны все кошки, если ночь...»	II	51	472
«Четыре года рыскал в море наш корсар...»	II	248	530
«Чистый мед, как нектар из пыльцы...»	III	252	
«Что брюхо-то поджалось-то...»	III	274	508
«Что быть может яснее, загадочней, разно-...»	IV	265	
«Что ж сидишь ты сиднем...»	III	318	
«Что же ты, зараза, бровь себе подбрила...»	I	256	
«Что за дом притих, погружен во мрак...»	II	378	590
«Что изо всех известных ностальгий...»	III	256	

«Что ни слух — как оплеуха...»	IV	282	
«Что сегодня мне суды и заседанья...»	II	302	
«Что случилось? Почему кричат?..»	II	278	544
«Что случилось с 5»А»?..»	III	188	480
«Что я хлебаю мир огромной ложкой...» .	III	257	
«Что-то ничего не пишется...»	IV	40	
«Чтоб не было следов — повсюду подмели...»	II	173	503
«Чтобы не попасть в капкан...»	III	167	477
«Чту Фауста ли, Дориана Грея ли...»	IV	201	
«Шагают актёры в ряд...»	IV	82	442
«Шмоток у вечности урвать...»	IV	253	
«Шофер ругал погоду...»	IV	333	
«Шофер самосвала не очень красив...»	II	186	
«Штормит весь вечер, и пока...»	IV	188	462
«Шут был вор: он воровал минуты...»	II	361	587
«Шёл я, брел я, наступал — то с пятки, то с носка...»	II	376	
«Эврика! Ура! Известно точно...»	III	349	
«Эй, вы, синегубые!..»	III	164	
«Эй, кто там крикнул «Ай-ай-ай?»...»	III	150	469
«Эй, народ честной, незадачливый!..»I	III	67	417
«Эй, шофер, вези — Бутырский хутор...»	I	123	
«Экспресс Москва — Варшава. Тринадцатое место...»	II	158	
«Это был воскресный день, и я не лазил по карманам...»	I	71	
«Это вовсе не френч-канкан...»	II	52	
«Этот день будет первым всегда и везде...»	II	225	472
«Этот рассказ мы с загадки начнём...»	III	147	467
«Этот шум — не начало конца...»	III	138	464
«Эх, недаром говорится...»	I	250	
«Я — Баба Яга...»	III	86	426
«Я б тоже согласился на полёт...»	II	330	
«Я бегу, топчу, скользя, по гаревой дорожке...»	II	274	542
«Я бодрствую, но вещий сон мне снится...»	IV	178	461
«Я был душой дурного общества...»	I	66	
«Я был завсегдатаем всех пивных...»	IV	349	526
«Я был слесарь шестого разряда...»	I	269	504
«Я был и слаб, и уязвим...»	IV	200	531

«Я в деле и со мною нож...»	I	63	
«Я в своей уголовной практике...»	I	102	
«Я вам мозги не пудрю...»	IV	302	503
«Я вам расскажу про то, что будет...»	I	236	500
«Я вам, ребята, на мозги не капаю...»	I	171	486
«Я верю в нашу общую звезду...»	I	364	525
«Я весь в свету, доступен всем глазам...»	IV	45	439
«Я все вопросы освещу сполна...»	IV	163	
«Я всё чаще думаю о судьях...»	I	350	
«Я вчера закончил ковку...»	I	151	473
«Я вырос в ленинградскую блокаду...»	IV	301	
«Я вышел ростом и лицом...»	II	179	506
«Я груз растряс и растерял...»	II	184	508
«Я думал: это всё — без сожаленья...»	I	332	
«Я ей Виктора простил...»	I	266	
«Я ещё не в угаре, не втиснулся в роль...»	II	141	493
«Я женщин не бил до семнадцати лет...»	I	260	503
«Я загадочен, как марсианин...»	IV	172	
«Я здесь бы пел еще дня три...»	IV	53	
«Я из дела ушел...»	IV	179	461
«Я изучил все ноты от и до...»	I	383	526
«Я кричал:«Вы что там, обалдели?...»	II	283	550
«Я лежу в изоляторе...»	IV	363	
«Я любил и женщин, и проказы...»	I	264	503
«Я на виду — и действием, и взглядом...»	IV	237	484
«Я не люблю фатального исхода...»	IV	143	453
«Я не пил, не воровал...»	I	99	
«Я не спел вам в кино, хоть хотел...»	IV	117	449
«Я несла свою Беду...»	III	124	456
«Я никогда не верил в миражи...»	IV	357	527
«Я оглох от ударов ладоней...»	IV	47	440
«Я однажды гулял по столице — и...»	I	262	503
«Я первый смерил жизнь обратным счётом...»	II	331	576
«Я полмира почти через злые бои...»	I	239	500
«Я помню райвоенкомат...»	II	120	487
«Я при жизни был рослым и стройным...»	IV	202	466
«Я прожил целый день в миру...»	IV	293	502
«Я раззудил плечо — трибуны замерли...»	II	268	539
«Я Робин Гусь, не робкий гусь...»	III	161	
«Я рос, как вся дворовая шпана...»	II	153	
«Я сам с Ростова, я, вообще — подкидыш...»	IV	311	506
«Я сегодня поеду за город...»	III	248	

«Я сказал врачу: «Я за все плачу...»	IV	367	
«Я самый непьющий из всех мужиков...»	I	214	494
«Я скачу, но я скачу иначе...»	III	296	511
«Я скачу позади на полслова...»	II	58	473
«Я склонен думать, гражданин судья...»	I	101	
«Я скольжу по коричневой пленке...»	IV	291	
«Я скоро буду дохнуть от тоски...»	III	247	502
«Я спокоен — Он мне всё поведал...»	IV	199	466
«Я спросил тебя: «Зачем идете в горы вы...»	II	67	435
«Я стою, и все стоят — построясь...»	II	117	486
«Я страшно скучаю, я просто без сил...»	III	149	468
«Я твёрдо на земле стою...»	II	219	
«Я теперь в дураках, не уйти мне с земли...»	II	208	
«Я теперь на девок крепкий...»	I	278	
«Я только малость объясню в стихе...»	IV	57	
«Я тут подвиг совершил — два пожара			441
потушил...»	III	354	545
«Я уверен, как ни разу в жизни...»	IV	372	
«Я умру, говорят...»	IV	319	510
«Я щас взорвусь, как триста тонн тротила...»	IV	35	436
«Я хочу в герцога или в принцы...»	II	57	
«Я — «ЯК»-истребитель, мотор мой звенит...»	II	137	491
«Ядовит и зол, ну словно кобра, я...»	IV	381	

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИКИ 5

«...стих пришел и замысел высок...»
О ФАТАЛЬНЫХ ДАТАХ И ЦИФРАХ 31
«Вы были у Беллы?..» 33
«Препинаний и букв чародей...» 34
ПОСЕЩЕНИЕ МУЗЫ, ИЛИ ПЕСЕНКА ПЛАГИАТОРА 35
«И не пишется, и не поётся...» 37
«Не могу ни выпить, ни забыться...» 38
А.КАЦАЮ 39
«Что-то ничего не пишется...» 40
«Сочиню сейчас такие вещи...» 41

«...я к микрофону встал, как к образам...»
ПЕВЕЦ У МИКРОФОНА 45
ПЕСНЯ МИКРОФОНА 47
<ЗАПИСЬ В КНИГЕ ПОЧЁТНЫХ ГОСТЕЙ КИЕВСКОГО ЗАВОДА ШАМПАНСКИХ ВИН> 49
<КЛУБУ «ВАМИТЯНЕ»> 50
<ЗАПИСЬ В КНИГЕ ПОЧЕТНЫХ ГОСТЕЙ ЛЕДОВОГО ДВОРЦА В СЕВРОДОНЕЦКЕ> 51
<НАДПИСЬ НА АФИШЕ КЛУБУ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ> 52
<ЗАПИСЬ В КНИГЕ ПОЧЁТНЫХ ГОСТЕЙ ..... ВНИИФТРИ> 53
«Пародии делает он под тебя...» 54

«...моя граница — занавес кулисы...»
МОЙ ГАМЛЕТ 57
«То светлеет на душе, а то туманится...» 60
К ПРЕМЬЕРЕ СПЕКТАКЛЯ «ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР» 61
<К 100-МУ СПЕКТАКЛЮ «ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ СЕЗУАНА»> 62
<К 50-ЛЕТИЮ К.СИМОНОВА> 64

<К 50-ЛЕТИЮ Г.М.РОНИНСОНА> 65
<АКТЕРАМ ТЕАТРА «СОВРЕМЕННИК» ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ СПЕКТАКЛЯ «ЖИЗНЬ ГАЛИЛЕЯ» — НАДПИСЬ НА АФИШЕ> 66
<К 50-ЛЕТИЮ В.В.ФРОЛОВА> 67
<К 50-ЛЕТИЮ Ю.П.ЛЮБИМОВА> 68
<К 40-ЛЕТИЮ О.Н.ЕФРЕМОВА> 71
«И в Дубне, и на Таганке что-то ставят, что-то строят...» 72
<ТЕКСТЫ ДЛЯ КАПУСТНИКА К ПЯТИЛЕТИЮ ЕАТРА НА ТАГАНКЕ> 73
<К ПЯТИЛЕТИЮ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ> 77
<К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ В.ПЛУЧЕКА> 78
<КО ДНЮ РОЖДЕНЬЯ Н.ШАЦКОЙ> 80
<НАДПИСЬ НА АФИШЕ В.СМЕХОВУ К 400-МУ СПЕКТАКЛЮ «АНТИМИРЫ»> 81
<К 50-ЛЕТИЮ ТЕАТРА ИМ. Е.ВАХТАНГОВА> 82
<К ЮБИЛЕЮ З.СЛАВИНОЙ> 84
<ЧАСТУШКИ К 8-ЛЕТИЮ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ>85
<ТЕАТРУ «СОВРЕМЕННИК»> 87
ТЕАТРАЛЬНО-ТЮРЕМНЫЙ ЭТЮД НА ТАГАНСКИЕ ТЕМЫ 88
<НАДПИСЬ НА АФИШЕ СПЕКТАКЛЯ «ДЕРЕВЯННЫЕ КОНИ» — И.БОРТНИКУ> 91
Ю.П.ЛЮБИМОВУ С ЛЮБОВЬЮ В 60 ЕГО ЛЕТ ОТ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО 92
ОЛЕГУ ЕФРЕМОВУ .....
<Ю.ЯКОВЛЕВУ К 50-ЛЕТИЮ> 99
<К 15-ЛЕТИЮ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ> 100

«...много взлетов и падений испытал киноактер...»

<НАДПИСЬ НА ФОТОГРАФИИ С ЭПИЗОДОМ ИЗ ФИЛЬМА «Я РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА»> 105
<НАДПИСЬ В КНИГЕ «СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА» — В.СМЕХОВУ> 106
ПРО ДЖЕЙМСА БОНДА 107
В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В.ФРИДУ — И Ю.ДУНСКОМУ 110
«Вот я вошёл и дверь прикрыл..» 112
ПЕСНЯ КИНОАКТЕРА 115

БРАТЬЯМ ВАЙНЕРАМ
1. «Я не спел вам в кино, хоть хотел...» 117
2. «Граждане, ах, сколько ж я не пел, но не от лени...» 119
3. ПИСЬМО ТОРГОВЦА ТАШКЕНТСКИМИ ФРУКТАМИ С ЦЕНТРАЛЬНОГО РЫНКА 120

«...мой друг, мой самый друг...»
«В холода, в холода...» 125
«Каждый год в январе, в одинаковый день...» 126
«Вот и разошлись пути-дороги вдруг...» 127
<ВАЛЕНТИНУ И СВЕТЛАНЕ САВИЧ> 128
«Ох, да помогите, помогите, помогите...» 129
ПЕСНЯ ИЗ РАДИОСПЕКТАКЛЯ «ЗЕЛЕНЫЙ ФУРГОН» 130
НА СМЕРТЬ ШУКШИНА 131
«Тоска немая гложет иногда...» 133
<ЭКСПРОМТ — И.БОРТНИКУ> 134
«Сколько вырвано жал...» 135
НАБРОСОК ПОСВЯЩЕНИЯ Б.СЕРУШУ 136
Д.ФИННУ 137
М.БАРЫШНИКОВУ 138
К.ЛАСКАРИ 139

«...в привычные рамки не лез...»
Я НЕ ЛЮБЛЮ 143
«Не возьмут и невзгоды в крутой оборот...» 145
«Надо с кем-то рассорить кого-то...» 146
НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ! 147
«Мне в душу ступит кто-то посторонний...» 148
«Запомню, оставлю в душе этот вечер...» 149
«Нараспашку — при любой погоде...» 151
ПЕСНЯ ПРО ПЕРВЫЕ РЯДЫ 152
МАСКИ 154
«Сколько великих выбыло...» 156
«Отпустите мне грехи мои тяжкие...» 157
«Мне приснился сон, будто я — Наполеон...» 159
«Дурацкий сон, как кистенём...» 160
«Я все вопросы освещу сполна...» 163
НАДО УЙТИ 165
СЛУЧАЙ 167

«Прошла пора вступлений и прелюдий...» 169
«Неизвестно одной моей бедной мамане...» 171
«Я загадочен, как марсианин...» 172
«Представьте: чёрный свет невидим глазу...» 173
«И сегодня, и намедни...» 174
«Проложите, проложите...» 175
Я К ВАМ ПИШУ 176
«Я бодрствую, но вещий сон мне снится...» 178
Я ИЗ ДЕЛА УШЕЛ 179
«Жил-был один чудак...» 181
«Когда я отпою и отыграю...» 184
Я НЕ УСПЕЛ (ТОСКА ПО РОМАНТИКЕ) 185
«Штормит весь вечер, и пока...» 188
«Копошатся — а мне невдомёк...» 190
СЕДЬМАЯ СТРУНА 192
«Ах, откуда у меня грубые замашки...» 193
«Меня опять ударило в озноб...» 194
«Мой чёрный человек в костюме сером...» 195
«Мне скулы от досады сводит...» 197
«Я спокоен — Он мне всё поведал...» 199
«Мог бы быть я при тёще, при тесте...» 200
ДВЕ ПРОСЬБЫ 201
ПАМЯТНИК 202

«... пока еще в грунт не влежалась плита...»

«Мне судьба до последней черты...» 207
ПЕСНЯ МУЖИКОВ ИЗ СПЕКТАКЛЯ «ПУГАЧЕВ» 209
КУПОЛА РОССИЙСКИЕ 211
«Мне, может, крикнуть хочется, как встарь...» 213
РАЗБОЙНИЧЬЯ 214
ВРЕМЕННЫЕ, СЛАЗЫ! 216
ПЕСНЯ МАТРОСА 217
«В куски// Разлетелася корона...» 218
ПОЖАРЫ 220
ПЕСНЯ САНЬКИ 222
ПЕСНЯ БРОДСКОГО 223
«Вагоны всякие...» 224
«В тайгу!// На санях, на развалюхах...» 226
<ПЕСНЯ ИНВАЛИДА> 227

<ОДЕССКИЕ КУПЛЕТЫ> 229
ГИМН БУЗОВИКОВ 230

«...вы ж не туристы и не иностранцы...»
(ПЕСНИ ДЛЯ СПЕКТАКЛЯ «НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ВОЛЖСКОМ ПАРОХОДЕ»)
ПЕСНЯ О ВОЛГЕ 233
ПОСАДКА 235
КУПЛЕТЫ ГУСЕВА 237
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ХОПКИНСОНА 239
ДУЭТ РАЗЛУЧЁННЫХ 240
ЧЕ-ЧЁТ-КА 241
РОМАНС МИССИС РЕБУС 243
ДУЭТ ШУРЫ И ЛИВЕРОВСКОГО 246

«...что искать нам в этой жизни...»
«У профессиональных игроков...» 251
«Мосты сгорели, углубились броды...» 252
«Шмоток у вечности урвать...» 253
БЕСПОКОЙСТВО 254
СЛУЧАИ 255
КОНЧЕНЫЙ ЧЕЛОВЕК 257
«Слева бесы, справа бесы...» 258
«Оплавляются свечи...» 259
ПАЛАЧ 260
«Что быть может яснее, загадочней, разно- и...» 265
«Свечи потушите, вырубите звук...» 266
ПОПЫТКА САМОУБИЙСТВА 267
«Упрямо я стремлюсь ко дну 268

«...спасибо, что живой...»
«Мы — просто куклы, но... смотрите, нас одели...» 273
ПЕСНЯ ПОНЕДЕЛЬНИКА 276
«Посмотришь — сразу скажешь: «Это кит...» 277
«Почти не стало усов и бак...» 279
«Всё с себя снимаю — слишком душно...» 280
«Пусть в беспорядке волосы в косе...» 281
«Что ни слух — ласкает ухо...» 282
ПЕСЕНКА О СЛУХАХ 283
«Подумаешь — с женой не очень ладно..» 285

«Застряли в лифте четверо соседей...» 286
«Будильник взвыл...» 287

«...мы тоже дети страшных лет России...»
«Я скольжу по коричневой пленке...» 291
«Давайте я спою вам в подражанье рок-н-роллу...» 292
«Я прожил целый день в миру...» 293
«Так оно и есть...» 296
ПОПУТЧИК 298
«У Наполеона Ватерлоо есть, хотя...» 300
ЛЕНИНГРАДСКАЯ БЛОКАДА 301
ТОТ, КОТОРЫЙ НЕ СТРЕЛЯЛ 302
БАЛЛАДА О ДЕТСТВЕ 304
ИЗ ДЕТСТВА 309
ЛЕТЕЛА ЖИЗНЬ 311
«В младенчестве нас матери пугали...» 314
ПОБЕГ «НА РЫВОК» 316
РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ 319
ЧАСТУШКИ <К СПЕКТАКЛЮ «ЖИВОЙ»> 322
«Сорняков, когда созреют...» 325
ЧЕТЫРЕ 326
АНТИСЕМИТЫ 330
«Парня спасем, парня в детдом...» 332
«Шофер ругал погоду...» 333
«А люди все роптали и роптали...» 334
«Вот и кончился процесс...» 335
ЗАБЫЛИ 337
«Подымайте руки, в урны суйте...» 338
«И с нашей мощной стартовой площадки...» 339
МОСКВА — ОДЕССА 340
ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ — ВСЕ ТАК ЖЕ 342
«За окном// только вьюга да снег...» 346
«Не покупают никакой еды...» 347
«Не будь такой послушный и воспитанный я...» 348
1. «Муру на блюде доедаю подчистую...» 349
2. «Я был завсегдатаем всех пивных...» 349
3. «В стране с таким народонаселеньем...» 350
«По речке жизни плавал честный Грека...» 352
«Стреляли мы по черепу — на счастье...» 353
«Однако, втягивать живот...» 354

«Напрасно я лицо свое разбил...» 355
«А мы живём в мертвящей пустоте...» 356
«Я никогда не верил в миражи...» 357

«...я б отсюда в тапочках в тайгу бежал...»
ПРО СУМАСШЕДШИЙ ДОМ 361
«Я лежу в изоляторе...» 363
«И душа, и голова, кажись, болит...» 364
ПАЛАТА НАРКОМАНОВ 365
«<...> стою, словно голенький...» 366
«Я сказал врачу: «Я за все плачу...» 367
«А меня тут узнают...» 368
«Короткие, как пословицы...» 369
«Есть всегда и стол, и кров...» 370
«Если всё — и спасенье в ноже...» 371
«Я уверен, как ни разу в жизни...» 372
БАЛЛАДА О ГИПСЕ 373
«Вот в плащах, подобных плащпалаткам...» 376
«Поздравляю вовсю — наповал...» 377
«Склоны жизни прямые до жути...» 379
«Отпишите мне в Сибирь, я — в Сибири...» 380
«Ядовит и зол, ну, словно кобра, я...» 381
«Общаюсь с тишиной я...» 382
ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ
1. ОШИБКА ВЫШЛА 384
2. НИКАКОЙ ОШИБКИ 388
3. ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ 390

проза
ПАРУС 397
<В САМОЛЕТЕ> 398
<ФОРМУЛА РАЗОРУЖЕНИЯ> 399
О ДЕЛЬФИНАХ И ПСИХАХ 401
<ПЛОТЫ> 431

варианты 435
примечания 565
алфавитный указатель поэтических произведений, вошедших в настоящее собрание сочинений 579

ПОСЛЕСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Вы прочли четыре книги, в которых — почти все, что было написано за двадцать лет Владимиром Семеновичем Высоцким.

Должен признаться — не каждое издательство взяло бы на себя риск подготовить такие книги: кому-то достаточно Высоцкого в двух томах, кому-то и того меньше... Но мне хочется поблагодарить, как говорится, от себя лично сотрудников издательства «Надежда» даже не за это, не за размах, а за кропотливую работу, понимание, бережное отношение к тексту, за так редко встречающийся сейчас энтузиазм. Ведь именно сотрудники «Надежды» нашли беловой автограф стихотворения «Рейс Москва — Париж» уже в процессе работы над первой книгой.

Нельзя не отметить близких друзей и коллег по работе Владимира Высоцкого, предоставивших составителю свои архивы для работы в разное время. Среди них — Людмила Владимировна Абрамова, Станислав Сергеевич Говорухин, Александр Дмитриевич Евдокимов, Кирилл Александрович Ласкари, Геннадий Иванович Полока, Александр Иванович Репников, Екатерина Аркадьевна Райкина, Олег Николаевич Халимонов, Владимир Иванович Луговский, Михаил Абрамович Швейцер, Софья Абрамовна Милькина, Елена Владимировна Щербиновская, Константин Понайотович Мустафиди, Валерий Владимирович Абрамов, Владимир Владимирович Акимов, Игорь Васильевич Кохановский, Игорь Константинович Шевцов, Евгений Дмитриевич Геворкян, Михаил Григорьевич Львовский.

И в заключение мне хотелось бы искренне поблагодарить тех, кто стоял у истоков этой работы — Всеволода Осиповича Абдулова и Наталью Анатольевну Крымову, а также наследников Владимира Высоцкого: Семена Владимировича, Марину Влади, Нину Максимовну, Аркадия и Никиту, которые с пониманием отнеслись к моей работе.

Сергей Жильцов

Высоцкий Владимир Семенович

Собрание сочинений в четырех книгах

Книга четвертая

Я НИКОГДА НЕ ВЕРИЛ В МИРАЖИ

Лицензия № 063349 от 13 мая 1994 г.

Подписано в печать 01.07.97 г. Формат 84×108/32.
Бумага тип. № 1. Печать высокая. Усл. п. л. 31,92.
Тираж 10 000 экз. Заказ 314.

Издательство «Надежда-1»
129366, г. Москва, ул. Космонавтов, 8

Отпечатано с готовых диапозитивов
ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8